

Российская Академия Наук
Институт философии

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ
Выпуск 17

Эпистемологический анализ коммуникации

Москва
2012

Редколлегия:

д-р филос. наук *В.И. Аршинов*, член-корр. *И.Т. Касавин*,
д-р филос. наук *Е.Н. Князева*,
академик *В.А. Лекторский* (ответственный редактор),
д-р филос. наук *Е.А. Мамчур*, д-р филос. наук *А.П. Огурцов*,
М.Р. Бургете (ученый секретарь)

Ответственные редакторы выпуска

д-р филос. наук *Г.Д. Левин*,
кандидат филос. наук *Е.О. Труфанова*

Рецензенты

д-р филос. наук *И.А. Герасимова*
кандидат филос. наук *М.Е. Юдина*

Ежегодник содержит всесторонний эпистемологический анализ коммуникации, понимаемой как процесс передачи информации от одного лица к другому. В его написании участвуют сотрудники трех эпистемологических секторов Института философии РАН. В книге исследуются роль и место человека в системе коммуникации, соотношение коммуникации и процесса исследования, анализируется intersubjectивность как условие коммуникации, выявляются трудности, возникающие при познании чужой субъективной реальности, необходимом для успешной коммуникации, исследуются специфические для процесса передачи информации логические и лингвистические проблемы, отдельный раздел книги посвящен анализу типов и форм коммуникации.

Содержание

Предисловие	5
-------------------	---

1. ЧЕЛОВЕК В СИСТЕМЕ КОММУНИКАЦИИ

<i>Касавин И.Т.</i> Коммуникация и творчество	7
<i>Дубровский Д.И.</i> Проблема познания чужой субъективной реальности	24
<i>Смирнова Н.М.</i> Коммуникация и интерсубъективность	40
<i>Маркова Л.А.</i> Полисубъектность как основа общения	55
<i>Иванов Д.В.</i> Другие сознания, инверсия спектра и индивидуальный язык	70
<i>Князева Е.Н.</i> Конструирование в коммуникативных системах	84
<i>Бескова И.А.</i> Коммуницирующие вселенные	98
<i>Шульга Е.Н.</i> Символический интеракционизм и проблема понимания	113
<i>Труфанова Е.О.</i> Роль коммуникации в построении личностной идентичности	128
<i>Мудрагей Н.С.</i> Коммуникация как мера человека (возрождая Ясперса)	143

2. КОММУНИКАЦИЯ, ЯЗЫК, СМЫСЛ

<i>Никифоров А.Л.</i> Язык как средство построения индивидуального жизненного мира	156
<i>Антоновский А.Ю.</i> Коммуникация и понимание: возможности и разрывы	174
<i>Куслий П.С.</i> Априорность и семантическое содержание	190
<i>Ивин А.А.</i> Оценки в процессах коммуникации	203
<i>Моркина Ю.С.</i> Коммуникативный аспект смысла	214

3. ТИПЫ И ФОРМЫ КОММУНИКАЦИИ

<i>Левин Г.Д.</i> Диалог как форма коммуникации	228
<i>Абрамова Н.Т.</i> Коммуникация. Непроизвольный тип коммуникации	240
<i>Фарман И.П.</i> Мониторинг как метод исследования и представления знаний	256
<i>Майданов А.С.</i> Особенности коммуникации незрячих в их интеллектуальной деятельности	270
Аннотации	283
Summaries	289
Об авторах	295

Contents

Preface.....	5
--------------	---

1. HUMAN IN THE SYSTEM OF COMMUNICATION

<i>Kassavin I.</i> Communication and Creativity	7
<i>Dubrovsky D.</i> Problem of Cognition of Other Subjective Reality.....	24
<i>Smirnova N.</i> Communication and Intersubjectivity.....	40
<i>Markova L.</i> Polisubjectivity as a Basis of Communication.....	55
<i>Ivanov D.</i> Other Minds, Inversion of Spectrum and Private Language.....	70
<i>Knyazeva E.</i> Construction in Communicative Systems.....	84
<i>Beskova I.</i> The Communicating Universes.....	98
<i>Shulga E.</i> Symbolical Interactionism and the Problem of Understanding.....	113
<i>Trufanova E.</i> Role of Communication in the Construction of Personal Identity.....	128
<i>Mudragey N.</i> Communication as a Human's Measure	143

2. COMMUNICATION, LANGUAGE, MEANING

<i>Nikiforov A.</i> Language as a Mean of Construction of Individual Life World.....	156
<i>Antonovsky A.</i> Communication and Understanding: Possibilities and Gaps.....	174
<i>Kusliy P.</i> Apriority and Semantic Content	190
<i>Ivin A.</i> Estimation in the Process of Communication	203
<i>Morkina J.</i> Communicative Aspect of Meaning.....	214

3. TYPES AND FORMS OF COMMUNICATION

<i>Levin G.</i> Dialogue as the Form of Communication	228
<i>Abramova N.</i> Communication. Unvoluntary type of communication	240
<i>Farman I.</i> Monitoring as a Mean of Research and Representation of Knowledge.....	256
<i>Maidanov A.</i> Specificity of Communication of the Blind in Their Intellectual Activity.....	270
Summaries.....	289
About authors.....	295

Предисловие

Данный выпуск эпистемологических исследований Отдела эпистемологии и логики Института философии РАН посвящён эпистемологическому анализу коммуникации.

В классической эпистемологии, как и во всей классической философии в целом, проблематика коммуникации практически отсутствовала. Это связано с субъектоцентризмом этой философии, замыкавшим субъекта в мир собственного сознания, из которого было фактически невозможно выйти во внешний мир и найти связь с другими субъектами. Классическая проблематика эпистемологии и философии сознания определялась именно этим пониманием. Зато в XX в. тематика коммуникации становится в философии одной из главнейших, начиная с Гуссерля и его феноменологических последователей (анализ взаимоотношения коммуникации и интерсубъективности у Сартра, Мерло-Понти и др.), включая аналитическую философию («языковые игры» Л.Витгенштейна, теория «речевых актов» Дж.Остина и др.) и экзистенциализм (аутентичная коммуникация К.Ясперса). Коммуникация понимается весьма по-разному, но многие философы именно в ней усматривают ключ к выявлению природы субъективности, сознания, к истолкованию человека.

Становятся популярными диалогические концепции сознания, «Я», культуры (М.Бахтин, Э.Левинас, П.Рикёр и др.), придающие особое значение такому виду коммуникации, как диалог.

Наконец, в последние десятилетия особенно интенсивно разрабатываются теории, исходящие из того, что именно коммуникация даёт ключ к пониманию познания вообще и научного познания в частности. Это теории, принадлежащие к общему течению социальной эпистемологии, иногда даже отрицают такую фундаментальную особенность познания, как отношение к внешней реальности, истолковывая все познавательные процессы как коммуникативные и иные взаимоотношения между субъектами, производящими знания.

Наконец, нельзя не сказать о популярной сегодня в мире теории коммуникативной рациональности Ю.Хабермаса, который именно в коммуникации усматривает ключ к пониманию природы разума и использует эти идеи для построения социальной теории.

В отечественной философии есть плодотворные традиции философского исследования коммуникации. Они связаны с диалогической концепцией М.Бахтина, культурно-исторической теорией развития психики Л.Выготского, семиотическим идеями М.Лотмана и М.Петрова, концепцией диалогии культур В.Библера, теорией глубинного общения Г.Батищева. Большое значение для отечественных исследований этой проблематики имела в своё время дискуссия о взаимоотношении деятельности и общения: А.Леонтьев, С.Рубинштейн, Г.Батищев, В.Ломов и др.

Проблематика коммуникации продолжает оставаться в центре философских дискуссий, в том числе в исследовании вопросов эпистемологии и философии сознания. Выявляются её новые ракурсы в связи с развитием специальных дисциплин: когнитивных наук (когнитивная психология, когнитивная лингвистика, когнитивная нейрология и др.), культурологии, социологии и др.

Авторы данной книги анализируют широкий круг вопросов, относящихся к эпистемологическому пониманию коммуникации: коммуникативная теория субъективности, отношение коммуникации и творчества, интересубъективность, коммуникативный аспект смысла, коммуникативная рациональность, взаимоотношения монолога и диалога, способы коммуникативной передачи невербальной и неосознаваемой информации и др. В связи с этим делаются попытки философского осмысления ряда современных проблем когнитивных наук, лингвистики, социологии.

Интенсивно развивающаяся философская проблематика коммуникации не только обширна, но и остро дискуссионна. Дискуссионны и все публикуемые статьи. Авторы многих из них спорят и друг с другом.

В.Лекторский

1. ЧЕЛОВЕК В СИСТЕМЕ КОММУНИКАЦИИ

И.Т. Касавин

Коммуникация и творчество

Понятие «творчество» в классической теории познания стоит несколько особняком, а его философский категориальный статус находится под сомнением. Использование и разработка этого понятия обычно оценивались как форма психологизации эпистемологии или как стремление к нестрогому, ненаучному, публицистическому способу философствования. Известное противопоставление контекста открытия и контекста обоснования, субъективности творчества в искусстве и объективности научного исследования, самовыражения и познания, конструктивизма и репрезентационизма принадлежит самой сути классической теории познания и философии науки. Потребность в переосмыслении этого понятия связана с развитием неклассических эпистемологических подходов, для которых междисциплинарность в науках и философии, с одной стороны, и взаимодействие научных и вненаучных форм знания, типов знания и социальных практик, с другой, становятся несомненной и важнейшей реальностью.

Понятие коммуникации долгое время также ускользало от эпистемологического интереса, проходя по ведомству социальной философии или философии языка. И даже тогда, когда познание начало трактоваться в единстве сознания, деятельности и общения, перенос этого подхода на интерпретацию творчества оставлял себя еще долго ждать. Предстояло воспринять уроки как отечественных (М.Бахтин, Л.Выготский, М.К.Петров), так и за-

рубежных (Л.Витгенштейн, К.Ясперс, Ю.Хабермас, К.-О.Апель, К.Кнорр-Цетина) мыслителей XX в., которые обнаружили в понятии коммуникации новые эвристические возможности.

К истории

Античность видела в творчестве человеческое стремление к воссозданию совершенных образцов; несовершенное, хотя и богоподобное искусство; творческая способность понималась как божественная одержимость; в эпоху позднего героизма – как соревнование с богами, причем мудрость оценивалась выше практического искусства, созерцательно-умозрительное теоретическое познание – выше экстатического творческого труда. *Средние века* принуждают креативного субъекта к анонимности, утверждают его ограниченность, греховность и несопоставимость с божественным творением, открывая при этом волевою природу креативного акта, создающего новое и в этом смысле как бы творящего из ничего. *Возрождение* культивирует как возвышенное, так и приземленное понимание творчества: как новаторского демиургического искусства (гуманизм) и как смиренного труда во спасение (реформация), впервые обнаруживая интерес как к авторству, так и творческому процессу. *Новое время* рассматривает творчество как изобретательную комбинаторику или противопоставляет ему универсальный и общедоступный метод, логику и интеллект. Одновременно развивается теория «креативного восприятия» (Дж.Беркли), идея «продуктивного воображения» (И.Кант, Ф.Шеллинг, романтики), согласно которым творчество – фундаментальная предпосылка познания вообще. Теории *эпохи Просвещения* не выходили за пределы противопоставления таланта и гения, врожденности и божественности творческих способностей, интеллекта и безумия как источников творчества (Гете, Гегель vs Шопенгауэр, Ницше). *Философия жизни* противопоставляет технической рациональности творческое органическое начало (А.Бергсон) или культурно-историческую деятельность (В.Дильтей). *Экзистенциалистские* теории трактуют креативность в терминах внутреннего переживания: как «встречу», «самоактуализацию», «предельный опыт», «готовность к новому рождению» (Э.Фромм, К.Роджерс, А.Маслоу),

а также как суть человека вообще – трансцендирование, самопроектирование. Идущие от З.Фрейда теории «глубинной психологии» подчеркивают роль бессознательного в творчестве и интерпретируют его как «осуществление детской мечты», «нарциссистское идеалопостроение» (О.Ранк), «управление интуицией через архетипы» (К.Юнг), «результат компенсаторных проектов жизненных целей» (А.Адлер). *Прагматистские* и близкие к ним теории творчества отождествляют его с комбинационным изобретательством, решением ситуативных задач (Дж.Дьюи). Современная актуализация проблемы и понятия творчества связана с развитием *конструктивизма* (конструкционизма) как широкого междисциплинарного направления и влиятельного тренда в эпистемологии, а также с пониманием познания как социального (деятельностного, коммуникативного) явления.

Понятия творчества и коммуникации

Следует признать, что обвинения в психологизации теории познания, апеллирующей к понятию творчества, имели определенные основания. Творчество долгое время понималось с точки зрения его психических предпосылок как процесс, определяемый иерархически структурированным единством *способностей индивида*¹. Предполагалось, что именно психофизиологически понятое способности обуславливают качество мыслительных процессов, направленных на приспособление к изменяющимся и неизвестным условиям в сенсомоторных, наглядных, оперативно-деятельностных и логико-теоретических формах. Социально-психологический взгляд на творчество представляет его уже как некоторый аспект развития личности, относящийся к переходу на высокий интеллектуальный уровень. Творческий индивид выделяется из сообщества тем, что способен решать определенный круг постоянно возникающих задач с более высоким качеством за то же время. Люди творческого труда образуют социальную группу, функция которой состоит в решении специальных задач интеллектуального и духовного типа. Большинство культурных эпох отождествляют с предикатом «творческий» высокую социальную оценку.

¹ Подробнее см.: *Бескова И.А.* Как возможно творческое мышление? М., 1993.

Последние годы термин «творчество» используется как обозначение некоторой гипотетической совокупности предметов междисциплинарного исследования, выходящего за пределы психологии. Ключевыми словами, относящимися к данной области, являются: одаренность, оригинальность, фантазия, интуиция, воодушевление, техническое изобретение, научное открытие, производство искусства, инновационная деятельность вообще. В целом термин «творчество» служит программным лозунгом, выполняющим стимулирующую и интегративную функцию в научном исследовании. Однако сам термин при этом не достигает строгости научного понятия. Многообразие его значений объемлет собой сферы личности, процесса познания, его результата и их социальной оценки, причем часто без их ясного различения. Нет единства и в том, какими свойствами должна обладать личность, процесс и его продукт, чтобы получить название творческого, в каких условиях результат оценивается как творческий. Относительно общепринятым является социально-психологическое определение творчества как некоторого коммуникативного феномена: того, что некоторой группой с точки зрения системы ее ожиданий воспринимается как новое и тем самым модифицирует эту систему. При этом учитывается, что в разных культурах и исторических эпохах оценки творческого акта и результата колеблются между полярными противоположностями.

Междисциплинарные исследования творчества идут параллельно философской разработке понятия субъекта познания и критике сциентистско-индивидуалистических концепций. Обнаруживаются сходные черты между познанием в науке, творчеством в искусстве, религиозным опытом, моральным решением (Е.Фейнберг², Л.А.Маркова³, М.О.Шахов, Л.В.Максимов). Творчество оказывается свойством всякой открытой динамической системы (аутопойесис) подобно тому, как познание выступает неотъемлемым свойством жизни (У.Варела, Ф.Матурана⁴). Автором научного открытия признается коллектив лаборатории, исследо-

² См.: *Фейнберг Е.Л.* Две культуры. Интуиция и логика в искусстве и науке. Фрязино, 2004.

³ См.: *Маркова Л.А.* Человек и мир в науке и искусстве. М., 2008.

⁴ См.: *Варела Ф.Х., Матурана У.Р.* Древо познания: Биологические корни человеческого понимания. М., 2001.

вательской группы или даже традиции в целом, а не отдельный ученый. Открытие есть продукт социального конструирования, а не личного познавательного акта (К.Кнорр-Цетина, Б.Латур, С.Вулгар⁵). Такие понятия как понимание, диалог, консенсус, дискурс создают новые контексты понимания творчества. Особую роль играет здесь и понятие коммуникации.

Современная эпистемология никак не может отворачиваться от обратной связи систем деятельности с физической, социальной и мыслительной средой, из которой деятельность и черпает свои ресурсы, цели и ценности, определяющие ее характер, интенсивность и направление. Способность функционировать в изменяющемся окружении, трансцендировать, переходя на новые уровни развития, – все это свойства деятельности, которая осуществляется во взаимодействии социальных субъектов.

Это взаимодействие рассматривалось как ключ к пониманию познания в различных, часто полемически заостренных друг против друга, философских традициях. Бесспорность того факта, что всякая деятельность может и должна рассматриваться в коммуникативном контексте, признавали прагматисты, интеракционисты, экзистенциалисты, феноменологи, марксисты и приверженцы социальной эпистемологии. Например, по К.Ясперсу, сама философия «коренится в страдании по поводу дефицита коммуникации... Именно в коммуникации впервые достигается цель философии»⁶. А философы-аналитики немало размышляли над загадочной фразой Л.Витгенштейна: «Внутренний процесс нуждается во внешнем критерии»⁷ и посвятили поискам этого критерия (или критериев) множество утонченных исследований. Конечно, они ограничивали поле поиска языком, но главное в том, что само требование критериальности указывает на неперемное присутствие коммуникации (критерий – это всегда нечто такое, относительно чего есть согласие субъектов – принять или не принять, действовать, рассуждать и понимать в соответствии с ним или с чем-то другим). Мысль, да и сознание как таковое, проявляются в коммуникации и

⁵ См.: *Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts.* Princeton (NJ), 1986; *Knorr-Cetina K. The manufacture of knowledge An essay on the constructivist and contextual nature of science.* N.Y., 1981.

⁶ *Jaspers K. Einführung in die Philosophie.* München–Zürich, 1994. S. 23.

⁷ *Wittgenstein L. Philosophical Investigations.* 580.

даже могут быть поняты как ее продукты. Именно к этому выводу, по-видимому, склонялся Витгенштейн, и это было вполне в духе современных ему научных исследований интеракционистских направлений. Например, Р.Ф.Бэйлс так определял «интеракцию»: «Под социальной интеракцией мы понимаем разговор или поведение, с помощью которого два или более индивида непосредственно общаются друг с другом»⁸. Об интеракции можно говорить уже тогда, когда деятельность одного индивида (подобно раздражению) вызывает действие (реакцию) другого индивида. Эмпирический анализ интеракционного поведения исходит из предпосылки, что действующие субъекты взаимно ориентируются в отношении друг друга с помощью дополнительных ожиданий (определений ситуации, ролевого понимания). При этом предметом исследования являются те нормативные образцы поведения, смысловые символы и коммуникативные техники, которые в каждом конкретном случае влияют на интеракцию, определяя развитие личности и микропроцессы социальных взаимодействий.

Общее место всякого «интеракционизма» (каким бы ни был его теоретический или философский базис) в том, что развитие личности происходит на почве межчеловеческого общения. Вполне естественно, что это привлекает внимание социальных психологов⁹. Они исследуют возможности, используемые субъектами для того, чтобы на основе самоопределения самих себя в качестве *Я* успешно коммуницировать с другими. Разумеется, при этом важно различие *Я* и Другого, что оказалось нетривиальной проблемой для теоретиков при всей интуитивной ясности такого различия. И здесь на первый план вышло понятие коммуникации: *Я* – это то, что обо *мне* думают, как *меня* представляют, интерпретируют *мои* слова и поступки, как *меня* чувствуют другие. *Я* – это мое отражение в «зеркале Другого» (Г.Мид, Ч.Кули и др.)¹⁰. Если таких «зеркал» может быть сколько угодно, то и множественность различных отражений *Я* в этих зеркалах не должно вызывать удивле-

⁸ Bales R.F. Die Interaktionsanalyse // König R. (Hg.) Praktische Sozialforschung II. Beobachtung und Experiment in deutscher Sozialforschung. Köln–Berlin, 1962 (1956). S. 148.

⁹ См.: Newcomb Th.M., Turner R.H., Converse Ph.E. Social Psychology. The Study of Human Interaction. N.Y., 1965; Baldwin J.M. Social and Ethical Interpretations in Mental Development, L.–N.Y., 1897; Mead G.H. Mind, Self, and Society. N.Y., 1934.

¹⁰ См.: Cooley C.H. Human Nature and Social Order. N.Y., 1964 (1902).

ния. Проблема самоидентичности *Я* снимается с обсуждения, что резко меняет курс эпистемологического анализа. Собственно, это уже и не эпистемология, а ее психологическая «проекция»; другие примеры такого «проецирования» дают исследования социологов (Н.Луман и др.). Сквозь призму таких подходов эпистемологическое *Я* выглядит «устаревшей» категорией, которая, по Г.Миду, обозначает все, что не подверглось рефлексии и зависит от биологической (а не социально-коммуникативной) природы человека. Даже чувственное восприятие, не говоря уже о «рациональности», наполнено содержанием социального опыта. Интеракционизм, таким образом, снимает различие между психологией личности и социальной психологией, социологическими и эпистемологическими характеристиками коммуникативных актов. Даже самосознание и рефлексия (отношение *Я* к самому себе) объясняются в терминах реагирования на собственную деятельность и невербальные формы социальной коммуникации: «Когда мы действуем, мы обретаем связь не только с объектами наших действий, но и с непосредственными обратными воздействиями наших действий на нас самих. Говорящий слушает свой голос вместе с другими»¹¹. Обучение языку и коммуникативным навыкам находит объяснение в рамках этого подхода вне связи с воздействием на индивида внешних факторов, но исключительно благодаря социально опосредованному отношению *Я* к самому себе.

Ю.Хабермас, по праву считающийся первым авторитетом в исследованиях коммуникативной рациональности, склонялся к «переводу» эпистемологических понятий на язык, в котором интеракция понимается как синоним коммуникативной деятельности. «Под коммуникативной деятельностью я понимаю... символически транслируемую интеракцию. Она осуществляется в соответствии с обязательно *принимаемыми нормами*, которые определяют взаимные поведенческие ожидания, а также понимаются и признаются, по крайней мере, двумя действующими субъектами... В то время как состоятельность технических правил и стратегий зависит от состоятельности эмпирически истинных или аналитически правильных высказываний, значение социальных норм основано лишь на интересубъективном согласии по поводу интен-

¹¹ Cooley C.H. Human Nature and Social Order, 1964 (1902).

ций и гарантировано общим признанием своих обязательств»¹². Итак, коммуникативная рациональность – это то, что описывается нормами, признанными и принятыми на основе согласия. Именно так, а не наоборот, и в этом суть дела. Общая схема коммуникации имеет, по Хабермасу, следующий вид: субъект стремится интенционально связать себя с другими, производя эту связь по социальным правилам и тем самым оказывая интерактивное влияние на других. И эти правила – это то, что можно назвать коммуникативной рациональностью. Вопрос «рационально ли следовать этим правилам?» просто не рассматривается, поскольку никакой иной рациональности, помимо той, что возникает и удерживается в коммуникациях, нет. По крайней мере, ее нет как объекта анализа, базирующегося на социологических или психологических (или каких-либо иных специально-научных) исследованиях. Это отношение интеракционизма к рациональности так или иначе сквозит в ряде других современных идей и подходов (социальный конструктивизм, «смерть субъекта», тотальность интерпретации, ситуационный анализ).

Коммуникативный контекст творчества

В классическом мышлении Нового времени творчество обычно представало в контексте философско-научного поиска универсального метода познания. Во второй половине XX в. в анализе творчества авторитет завоевывают междисциплинарные подходы, основанные на результатах когнитивной психологии, культурной антропологии, лингвистики, истории и философии науки, искусствоведения, теории культуры. Их общей чертой является стремление выйти за пределы отдельных теорий и одновременно конкуренция онтологических и эпистемологических, натуралистических и социокультурных, рационалистических и иррационалистических, специальных и философских интерпретаций креативности.

В рамках *культурно-исторического и коммуникативно-семиотического* подходов творчество определяется как категория философии, психологии и культуры, выражающая собой важней-

¹² См.: *Habermas J. Technik und Wissenschaft als "Ideologie"*. Frankfurt a/M., 1968. S. 62.

ший смысл человеческой деятельности, состоящий в увеличении многообразия человеческого мира в процессе знаковой коммуникации и культурной миграции. В своих истоках творческая способность предстает своеобразным протуберанцем на Солнце, отклонением от повседневности, одной из необычных (если не вообще патологической) мутаций сознания, невротической реакцией человека на экстремальную ситуацию, «пограничной реакцией», в терминологии Г.Плесснера¹³. Она активизируется в узловых точках пространства древнего человека – *перепутьях*, временных стоянках вечного путешествия: у колодца среди пустыни, на переправе у реки, у священного дуба или жертвенного камня. Здесь, в местах пространственных переходов, онтологических пропастей человека одолевают измененные психические состояния, он напрямую сталкивается с бездонными глубинами подсознания. В таких местах путнику снятся вещие сны, являются призраки, а то необычное, что произошло с ним в процессе странствия, облекается в миф, легенду – *историю*. Почти о том же – о связи миграции и сна – Борхес написал так: «Бодрствуя, мы с обычной скоростью передвигаемся в событийном времени; во сне – успеваем обозреть бескрайние территории. Видеть сны – значит совмещать отдельные картины увиденного и ткать с их помощью историю либо ряд историй»¹⁴. Отсюда и определение творчества как культурной миграции, как искусства путешествия в мире вечных ценностей в поисках уникальных объектов для решения ситуативных задач.

Впечатляющий образ творчества встречается у барона Мюнхгаузена – вытягивание себя за волосы из болота (добавим от себя – болота повседневности). Именно в творчестве человек выступает как проект, преодолевает, превосходит себя, создает себя заново: так расшифровывается позитивное содержание экзистенциализма Ж.-П.Сартра. Творчество является преодолением культурной замкнутости, выходом в иные пространства и времена культуры. Смысл и назначение творчества – увеличение объективной сферы многообразия и субъективной сферы проблематизации действительности.

¹³ См.: *Plessner H.* Lachen und Weinen. Eine Untersuchung der Grenzen menschlichen Verhaltens // *Philosophische Anthropologie*. Frankfurt a/M., 1970.

¹⁴ *Борхес Х.Л.* Время и Дж.У. Данн // *Борхес Х.Л.* Соч.: В 3 т. Рига, 1994. С. 22.

Представители *социально-эпистемологического* подхода, объединяющие внимание к истории и культуре с учетом коммуникативно-семиотической природы познания и сознания, делают своим предметом взаимодействие между креативной личностью и ее окружением, из чего выводится представление об источниках творчества и характере социализации его результатов. Структуру творчества образует изобретение культурного объекта и признание его творческим результатом, что выражается терминами *креативного проекта* и *интеллектуального поля* (П.Бурдьё¹⁵). Принципиальную роль играют понятия «я», «другого» и «третьего» (М.Бахтин¹⁶), внешней и внутренней речи (Л.С.Выготский¹⁷), «матрицы» и «бисоциации» (М.К.Петров¹⁸), «вторичного» и «первичного» текста, социализированного результата и неизреченного слова, «библиотеки» и «письменного стола», исторической традиции и маргинального автора¹⁹. Процесс творчества рассматривается как специфический коммуникативный дискурс и может быть понят как отношение текста и контекста. Текст как стабильная логически оформленная структура никогда не может до конца поглотить внеязыковые контексты во всём их разнообразии, хотя потенциально он способен делать это всё с большей полнотой, всякий раз обнаруживая за своими пределами расширяющееся пространство бытия. Контекст же вносит динамический ресурсный хаос в упорядоченное знание и побуждает субъекта выходить за пределы наличного, перерабатывая хаос в культурно упорядоченных и интерсубъективных формах.

В общем виде творчество – свойство сознания в контексте деятельности и общения, которое проявляет себя в отказе от стереотипов, в перестройке уже данного, в проектировании и конструи-

¹⁵ См.: Bourdieu P. Intellectual Field and Creative Project/Knowledge and Control. L., 1971. P. 161–188.

¹⁶ См.: Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994; Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990; Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.

¹⁷ Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Собр. соч. Т 2. М., 1982.

¹⁸ См.: Петров М.К. Самосознание и научное творчество. Ростов, 1991; Петров М.К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М., 1995; Петров М.К. Философские проблемы «науки о науке». Предмет социологии науки. М., 2006.

¹⁹ См.: Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. СПб., 1999.

ровании того, что отличается от наличного, в противопоставлении наличному и данному возможного и должного. Казалось бы, социальная эпистемология исследует зависимость знания от наличного социального контекста и потому в принципе не интересуется творчеством как тем, что этому контексту противоречит, что представляет собой реализацию некой внутренней «продуктивной силы воображения». Это верно в том смысле, что социальный эпистемолог не пытается залезть в черепную коробку гения и разгадать его «мозговые коды». Напротив, механизмы и результаты креативности ищутся «снаружи головы». Это означает внимание не столько к зарождению смутной догадки или внезапного инсайта, сколько к процессу *обработки* неопределенных состояний сознания с помощью имеющихся концептуально-образных средств, объективированных результатов культурной деятельности. В принципе все равно, что рассматривается в качестве источника новой идеи – процессы в сфере бессознательного/неосознаваемого или совокупность культурных ресурсов; и то, и другое неисчерпаемо и в значительной степени хаотично. Лишь старое воспроизводится по известному порядку, новое же всегда возникает из хаоса, во многом неподвластного анализу. И пусть культура столь же неисчерпаема, как и природа, но систематизация артефактов, создание того, что можно назвать социокультурной картиной мира, является задачей социальных и гуманитарных наук (психология, кстати, также изучает бессознательное не непосредственно, а путем анализа косвенных свидетельств – проективные методы, например).

Отсюда и специфика социальной эпистемологии, в рамках которой изучается уже отчасти структурированный соответствующими науками хаос социальных предпосылок и культурных форм, выступающих как ресурс креативной деятельности. И если это и есть возвращение эпистемологии к анализу контекста обоснования, но уже на новом уровне. Понятия открытия, изобретения, новации вообще мыслятся как феномены сугубо социокультурные, отнесенные к некоторому уровню знания и способу его бытия в обществе. Прозрения возникают у многих, но открытиями они становятся у единиц, способных придать им форму художественного произведения или научной концепции. Догадки случаются на бегу, второпях, но идеи формулируют в покое, за письменным столом. Новое – это нечто, уже доказавшее свою состоятельность в дискус-

сии с привычным и обоснованным старым, и в этом смысле то, что уже создало себе систему обоснования и даже свой собственный социальный контекст. Новое – это значимая и достойная альтернатива тому, что есть, а не всякая девиация, странность, неожиданность. В этом смысле новое содержит в себе дистанцию не только от старого, но и от своих истоков и предпосылок, что гениально выражено А.Ахматовой в ее известных строчках: «Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда».

Одновременно новое предстоит понять как новое лишь отчасти. Оно всегда «стоит на плечах гигантов», как сказал Исаак Ньютон, т. е. систематически использует общедоступные наличные культурные ресурсы, а не только переписывает историю, создает собственную аудиторию и публику. Вероятно, все это отличает именно создание нового, поскольку оно осуществляется социокультурным существом. Оригинальный творец, новатор, гений, сколь угодно решительно выходящие за пределы своего времени, тем не менее способны состояться только в коммуникативном контексте, т. е. диалоге с архетипами культуры и на фоне стереотипов толпы.

Можно привлечь в помощь новой научной идее «хорошо забытое старое»; так Галилей обосновывал гелиоцентризм с помощью пифагорейских догадок. Или же можно обнаружить в обществе стихийно-закономерное стремление к обновлению и создать теорию революции, которая будет с готовностью принята; так поступил К.Маркс. А можно отказаться от академической живописи, создавать странные и неприемлемые для зрителей полотна, которые в дальнейшем совпадут с нарастающим протестом против классики и будут востребованы сообществом в качестве символа нового канона – такова судьба В. Ван Гога. В любом случае «креативность» как понятие, процесс и результат окажутся результатами социально-эпистемологической интерпретации, или понятийного конструирования. Ведь уникальный артефакт и непостижимый процесс, ведущий к нему, будучи реконструированы как социокультурные феномены, отчасти утрачивают оригинальность и авторство. Птолемей, Гален, Ньютон оказываются не столько первооткрывателями, сколько систематизаторами: «Для античной медицины Гален был тем же, чем был для античной астрономии его старший современник и тезка Птолемей. И тот и другой стали непререкаемыми авторитетами в своих областях и оставались

такowymi вплоть до эпохи Возрождения. Общее между ними заключалось еще и в том, что их влияние на последующую науку определялось не столько творческим характером их гения, сколько присущим им обоим даром систематизации и приведения в порядок большого числа данных: как “Альмагест” Птолемея сделал излишним изучение астрономических трудов прошлых лет, так и после Галена медицинские трактаты его предшественников сразу же стали ненужными²⁰. Как полемически заостренно выразил это постмодернизм, легализация креативного продукта предполагает утрату идентичности – «рождение читателя означает смерть автора»: творчество исчезает в коммуникации. Но исчерпано ли этим существо вопроса? Закрыт ли путь к альтернативной точке зрения?

Креативность смысла

В свое время дискуссия с Г.Б.Гутнером по поводу коммуникативной природы смысла²¹ позволила мне несколько продвинуться в понимании этой проблемы. Так, нельзя не согласиться по поводу эвристичности различения габитуса и рефлексии как контекстов смысла. Мыслительные процессы и в самом деле погружены в деятельность, коммуникацию и неявные слои сознания, а мысль только в абстракции можно отделить от условий ее протекания. Однако именно потому, что речь идет об абстракциях, а не о психологической феноменологии мышления и сознания, такого рода отделение следует, как мне кажется, провести достаточно жестко и проблемно.

Что такое деятельность в рамках габитуса? Это, по сути, активность в строгих рамках явных и неявных правил, социальных стандартов, неизменных и доминирующих условий. Отсюда следует, что она выполняется полуавтоматически, с помощью следования правилу, а не результатам мышления, т. е. смыслом. Но Г.Гутнер пишет: «Такой мир действительно наполнен смыслом. Социализированный индивид понимает, как жить в этом мире,

²⁰ Рожанский И.Д. Античная наука. М., 1980. С. 193.

²¹ См.: Гутнер Г.Б. Смысл как основание коммуникативных практик // Эпистемология и философия науки. 2008. № 4 и дискуссии по этому докладу; Касавин И.Т. Смысл как проблема эпистемологии и науки // Эпистемология и философия науки. 2007, № 3.

и каждый момент его деятельности оказывается осмысленным и уместным». Но позвольте, причем тут смысл? Такая деятельность нуждается не в смысле, а в строгом следовании ритуалу; можно сказать даже резко: она лишена смысла, ибо никто ей смысл еще не придал путем процедуры осмысления. Конечно, смысл можно и нужно понимать не только в ментальных терминах как то, что существует исключительно в голове. Смыслы заложены в системы коммуникации, в институты, в результаты деятельности, поскольку все это представляет собой формы реализации человеческих интенций, целей, проектов. Однако даже здесь использование смыслов невозможно вне «пропускания их через голову», вне сознательного промысливания, осмысления при построении той же коммуникации, деятельности или культурных артефактов. Смысл артикулируется человеком в речи, в актах именования, интерпретации, рассуждения и встраивается в те явления, которые без таких процедур смыслом не обладают. Поэтому не выход на границу габитуса лишает смысла нашу деятельность и коммуникацию, вносит хаос бессмысленности в наше сознание, как полагает Г.Гутнер. Напротив, сам габитус исключает смысл, поскольку он есть социальный эрзац смысла, лишенная сознания социальность и в этом отношении – совершенно невозможная абстракция.

Никоим образом нельзя сказать, что Григорий Борисович игнорирует все вышесказанное. Как только он обращается к соотношению рефлексии и смысла, он обнаруживает решающую роль мыслительных механизмов в конструировании смысла. Так, непонимание, недостаток смысла, полагает он, включает рефлексия, которая и восполняет смысловой дефицит. Конечно, рефлексия вне социальной структуры, вне габитуальных механизмов есть тоже почти невозможная абстракция, ибо всякое мышление существует только в исторически и культурно определенных формах, а не «вообще». Отсюда вытекает, что первично все же не отсутствие или присутствие смысла, а рефлексивные процессы, которые постоянно порождают смыслы как раз потому, что в человеческой жизни непонимание решительно преобладает над пониманием. Обычной ситуацией мышления, интерпретации, языкового и прочего общения является именно ситуация непонимания, герменевтическая ситуация, которой соответствует и которую обеспечивает развитая рефлексивная деятельность. Вне рефлексии нет не только понима-

ния, но даже непонимания. Следовательно, конструирование, приписывание, формулирование смысла, будучи рефлексивными актами, являются условиями и основаниями смысла, а не наоборот.

Однако и это еще не главное. Г.Гутнер, говоря о рефлексии, использует понятие «поле смыслов», связанное с картиной мира, т. е. с устойчивым концептуальным образованием, характеризующим уже не габитуальный порядок, но мыслительный строй, идеальные образцы. При этом он выносит за скобки то обстоятельство, что смысл отличается от значения как раз зависимостью от конкретного рефлексивного акта и в точном исполнении просто неповторим. Поэтому и процедура осмысления не есть использование уже готового смысла путем придания его бессмысленному объекту. Творчество смысла – это всегда создание нового смысла.

В классическом субстанциалистском понимании смысл общезначим, он либо имеет, либо не имеет места, и его нужно просто найти или отказаться от его поисков там, где его нет. Такое представление о смысле – обобщение габитуального опыта или опыта стандартных ситуаций понимания. Неклассическое же истолкование понятия «смысл» порывает с традицией отождествления стандартных коммуникативных ситуаций с ситуациями понимания. Стандартные ситуации характеризуются вовсе не тем, что в них смысл общезначим; напротив, в них смысла нет вообще. В таких ситуациях употребления языка нет понимания: вопросы и ответы собеседников автоматизированы, и никто не задумывается о смысле слов. Когда люди говорят, что они понимают смысл высказывания так же, как и другие, они имеют в виду некоторый тривиальный пласт значения и смысла, достаточный для стандартных ситуаций поведения и общения. В них люди действуют и мыслят по готовой схеме, а не экспериментируют, они играют социальные роли, а не реализуют свое творческое начало. Автоматизированное действие противится осмыслению в силу принципа дополнительности. Наивные читатели Витгенштейна заблуждаются: стандартное употребление слов не только не производит значения и смысла, но исключает их, подобно тому, как нельзя забивать гвоздь, думая о свойствах молотка.

И напротив, ситуация понимания возникает в результате вопроса о смысле. Вопросая о назначении, цели, содержании знакомых слов, действий и явлений, человек освобождается от социаль-

ных стереотипов и магии языка, которые рождают пустые абстракции и лишают смысла события реальной жизни. Нестандартные ситуации деятельности и коммуникации, требующие поисково-исследовательской активности в условиях многообразного и меняющегося окружения, инициируют смысловое моделирование, построение идеального плана, мысленный эксперимент. Простое понимание смысла слова еще не позволяет адекватно действовать. Лишь более глубокое понимание, оперативно учитывающее детали изменяющейся конкретной ситуации, влечет адекватное действие. Тем самым смысл утрачивает свойства субстанциальности, общезначимости, данности, и в нем начинает проглядывать уникальность и функциональная изменчивость сознания, обусловленные конкретной культурной и экзистенциальной ситуацией субъекта. Здесь и выясняется, что смысл не только не дан изначально, но и не задан однозначно; *он задается всякий раз заново*. Осмысленно только то, что осмыслено по-новому; восприятие смысла – всегда творчество, осмысление мира на свой лад; смыслообразование есть иносказание. Нельзя понять смысл, вложенный другим, не модифицируя его. Глубина понимания в пределе изолирует субъекта от других; мудрец живет в пустыне, наслаждается одиночеством и рассказывает непонятные притчи.

Итак, Г.Гутнер, разграничивая габитуальный и рефлексивный опыт, различает тем самым стандартные и нестандартные ситуации мышления и понимания. На мой взгляд, в первом случае человек еще не поднимается до вопроса о смысле слов, действий и культурных артефактов, поскольку жизнь его определяется изначально заданными правилами и образцами. Они усваиваются стихийно, на примере, обладают действенностью и надежностью, не проблематизированы и именно поэтому не нуждаются ни в каком понимании. Наиболее тривиальные смыслы вообще сводимы к остенсивным значениям. И, напротив, в нестандартных ситуациях человек вопрошает о смысле потому, что не в состоянии понять или принять те очевидные смыслы, которые ему навязываются его прошлым опытом или социальным окружением. Отсюда нет иного выхода, кроме осмысления ситуации по-новому.

И сделав этот последний мыслительный ход, мы обнаруживаем, что различение стандартных и нестандартных ситуаций понимания вообще теряет смысл. Подлинные ситуации понимания

всегда нестандартны, ибо они неизбежно есть ситуации непонимания и потому – творчества нового смысла. Смысл несубстанциален, а функционален, не общезначим, а уникален, он не может служить надежной основой чего-то, поскольку сам есть не более чем выражение незамкнутости, динамичности человеческого опыта.

Итоги. Современная эпистемология, фокусируясь на природе творческого познания, проблематизирует известные альтернативы индивидуализма и коллективизма, репрезентационизма и конструктивизма. Творчество располагается тем самым в пространстве между уникальностью творческой личности и механизмами социальных коммуникаций (социального признания), флуктуирует между «созданием неведомым образом того, чего нет» и «познанием того, что есть и как оно есть». Во всяком результате творчества можно обнаружить акт коммуникации (пусть в сколь угодно снятом или свернутом виде), а подлинная коммуникация немислима без творчества смыслов. Помимо всего, внимание к коммуникативному контексту позволяет дополнить дескриптивно-междисциплинарное исследование творчества его экзистенциальной характеристикой как драматического единства стабильного и динамического, дисциплины и свободы. Эту двойственность творчества выразил А.Блок в своей речи «О назначении поэта»: «Покой и воля. Они необходимы поэту для освобождения гармонии. Но покой и волю тоже отнимают. Не внешний покой, а творческий. Не ребяческую волю, не свободу либеральничать, а творческую волю, – тайную свободу. И поэт умирает, потому что дышать ему больше нечем: жизнь потеряла смысл»²². Задумываясь о загадке творчества и обнаруживая ее понятийные границы, эпистемолог переживает сходную ситуацию коммуникационного разрыва: он очаровывается и тут же обрывает себя на полуслове.

²² См.: Блок А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. М.–Л., 1983. С. 168.

Д.И. Дубровский

Проблема познания чужой субъективной реальности

1. Суть проблемы

Это – один из аспектов классической проблемы «другого сознания», которая в современных условиях становится все более актуальной. В ней тесно переплетаются философские и сугубо научные подходы¹. Ее теоретический анализ способен в существенной мере содействовать разработке тех аспектов проблемы сознания, которые стали особенно актуальными в условиях информационного общества (среди них – задачи понимания подлинных намерений другого субъекта, разоблачения обмана и т. д.). Центральное место здесь занимает вопрос о субъективной реальности (далее сокращенно – СР). Именно это специфическое и неотъемлемое качество сознания составляет главную трудность в его научном объяснении, в том числе и в тех случаях, когда речь идет о понимании сознания (содержания СР) другого человека. Но дело не ограничивается только человеком. Качество СР присуще и психике животных, которая имеет ряд общих черт

¹ Проблема «Другого сознания» крайне слабо освещена в нашей философской литературе. Сравнительно широко она обсуждается в аналитической философии. См. обзорную статью по этой теме в «Стэнфордской философской энциклопедии», а так же раздел «Knowing Other Minds» в антологии *The Nature of Mind* / Ed. by *D.M. Rosenthal*. N. Y.–Oxford, 1991; монографии: *Wisdom J. Other Minds*, 2nd. ed. Oxford, 1968; *Hyslop A. Other Minds*, Dordrecht, 1995; *Avramides A. Other Minds*, L., 2001. Ряд важных аспектов этой проблемы анализируется в основательном коллективном труде по философским и научным исследованиям сознания: *The Blackwell Companion to Consciousness* / Ed. by *M. Velmans, S. Schneider*. Oxford, 2007.

с сознанием человека и единый с ним эволюционный источник. Кроме того, теоретически мыслимо существование других типов СР (в иных звездных мирах) и возникновение новых разновидностей СР в результате развития информационных технологий и симбиозов человека с искусственными информационными системами. Во всяком случае, размышления в этом направлении и мысленные эксперименты, опирающиеся на такие посылки, способны иметь немалое эвристическое значение.

Важно подчеркнуть, что проблема познания чужой СР многопланова, включает существенные социально-психологические, лингвистические, социокультурные и другие аспекты. Здесь предполагается рассмотреть лишь ее ключевые теоретические вопросы.

Можно выделить прежде всего два таких взаимосвязанных вопроса:

1) каковы критерии (или хотя бы основания для определения) того, что некоторый внешний объект обладает СР (а не просто выполняет разумные действия, как это предполагается, например, Тестом Тьюринга и его современными модификациями); что требуется для диагностики наличия или отсутствия у него этого качества?

2) как возможно и как достигается познание (понимание) содержательно определенных состояний СР другого существа, прежде всего человека (хотя это должно быть отнесено и к животным).

Первый вопрос акцентирует внимание на специфике самого качества СР, его онтологическом статусе, на его месте и роли в объективной действительности, учитывая то неперемненное обстоятельство, что явлениям СР нельзя приписывать физические свойства (массу, энергию, пространственные отношения). Какова должна быть организация той системы, у которой возникает это уникальное качество и как объяснить его связь с физическими процессами, образующими такую систему? Второй вопрос ставит главным образом эпистемологические задачи, связанные с анализом и пониманием содержания СР другого человека (но вместе с тем и своей собственной СР). Здесь в центре внимания стоят коммуникативные аспекты познавательного процесса, касающиеся установления не только истинности, но и *подлинности* содержания СР другого

человека. При этом важно не упускать из виду необходимую связь онтологических и эпистемологических аспектов данной проблематики, а постольку установку на их взаиморефлексию.

2. Общая характеристика качества субъективной реальности

Оно обозначается в философской и психологической литературе различными, но близкими по значению терминами «феноменальное», «ментальное», «субъективный опыт», «интроспективное», «квалиа». Понятие СР охватывает как отдельные явления и их виды (ощущения, восприятия, чувства мысли, желания, волевые усилия и т. д.), так и целостное персональное образование, выражаемое нашим Я, взятом в его относительном тождестве самому себе, а тем самым в единстве его рефлексивных и арефлексивных, актуальных и диспозициональных состояний.

Важный онтологический аспект проблематики СР представлен вопросами о характере ее связи с мозгом и телесными процессами вообще. Эти вопросы вот уже более пятидесяти лет находятся в центре внимания аналитической философии, где они решаются по преимуществу с позиций редукционизма. Мною предложен нередукционистский вариант теоретического решения указанных вопросов, основанный на информационном подходе². Суть его в том, что связь явления СР с соответствующим ему мозговым процессом определяется как связь информации с его носителем. Этот особый тип функциональной связи представляет собой сложившуюся *кодovou зависимость*, и ее исследование ставит задачу расшифровки кода, которая в отличие от классических задач естествознания включает герменевтический аспект.

СР знаменует особый, высоко интегрированный уровень информационных процессов в нашем головном мозге и особый способ информационного управления. В явлениях СР мне (и каждому) дана информация как бы в «чистом виде» – в том смысле, что я

² См.: Дубровский Д.И. Психические явления и мозг. Философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики. М., 1971; *Он же*: Информация, сознание, мозг. М., 1980; *Он же*: Проблема идеального. М., 1983 (2-е доп. изд. М., 2002); *Он же*: Сознание, мозг, искусственный интеллект. М., 2007 и др.

совершенно не ощущаю ее нейродинамический носитель, не чувствую, что происходит при этом в моем мозгу. Но вместе с тем нам дана *способность оперировать этой «чистой» информацией* в довольно широком диапазоне и использовать ее для управления поведением, т. е. способность немедленно конвертировать эту «чистую» информацию в определенное действие. Таковы кардинальные факты нашей психической организации, выработанной в ходе эволюции и антропогенеза.

Не вдаваясь в обсуждение вопроса о том, почему и как возникло в ходе биологической эволюции само качество СР³, важно отметить, что всякое явление СР есть не просто информация о каких-то изменениях во внешнем мире или в самом организме, а *информация об этой информации*. Именно в таком виде СР презентуется индивиду, и этим отличается от информационных процессов, которые протекают «в темноте». Развитие психики знаменует рост многоступенчатости и многоплановости производства *информации об информации*. Это создает возможность обобщать свой опыт, выходить за рамки текущей ситуации, развивать способность «отсроченного действия», прогнозирования, построения моделей «пробных действий», что резко расширяет диапазон освоения внешнего мира, приспособляемости и выживания в экстремальных ситуациях. Именно качество СР служит первоисточником *виртуальной реальности*, элементарные формы которой наблюдаются и у животных (о чем свидетельствуют, например, факты галлюцинаций у собак). Но только у человека свобода движения в сфере СР практически не ограничена. Он способен производить в мысли, воображении, в мечтах не только ценные творческие продукты, но и всевозможные химеры, «воздушные замки», нагромождения низменной «серости», нелепости и абсурда.

³ Подробнее об этом см.: Дубровский Д.И. Зачем субъективная реальность или «почему информационные процессы не идут в темноте?» (ответ Д.Чалмерсу) // Вопр. философии. 2007. № 3.

3. Некоторые эпистемологические вопросы

Каким путем можно определить и обосновать знание о подлинном содержании СР другого, если только я имею непосредственное знание о содержании своих мыслей, представлений, чувств и т. п., а другой может попытаться узнать об этом лишь косвенным образом, слушая мои слова, наблюдая мое поведение, выражение глаз и т. п.? В большинстве случаев концептуальные построения, стремящиеся ответить на этот вопрос, основываются на «*аргументе от аналогии*», восходящем к Декарту и Локку. Суть его в том, что знание о другом сознании обусловлено знанием о собственном сознании. Я знаю типичные корреляции между состояниями своей СР и их внешними проявлениями (реакциями, поведением, речевыми актами и пр.). Наблюдая подобные внешние проявления у другого, я могу судить о состояниях его СР. Кроме того, часто ссылаются на аналогичную телесную структуру и физиологию (например, наличие глаз свидетельствует о наличии зрения, и значит, о наличии субъективных образов, и т. п.). Существуют различные версии использования указанного аргумента, в том числе опирающиеся на понимание речи.

Сознавая слабость «аргумента от аналогии», его не раз пытались «усовершенствовать». По словам Н.Малкольма, он все время «находится в ремонте»⁴. Основательной критике его подвергали П.Стросон, С.Шумэйкер и др.⁵. Заслуживает внимания критика «аргумента по аналогии» под углом рассмотрения позиции солипсизма. Здесь интересен анализ интересубъективной нагруженности высказываний от первого лица о собственном Я, соотношения в такого рода высказываниях «личного» (private) и «публичного» (public), что позволяет вскрыть самопротиворечивость солипсизма и тем самым указать на неразрывную связь «моего сознания» с «другим сознанием» (см. статью Торнтон (St.P.Thornton) «Солипсизм» в «Стэнфордской философской энциклопедии»). Однако это все же оставляет в тени самый трудный пункт о *способе существования* «содержания» и о специфике самого качества

⁴ Malcolm N. Knowledge of Other Mind // The Nature of Mind / Ed. by D.M.Rosenthal. N. Y.—Oxford, 1991.

⁵ См. в этой же антологии следующие публикации: Strawson P.F. Person; Shoemaker S. How is Self-Knowledge Possible.

ментального состояния. В рамках аналитической философии проблема другой СР обсуждается и в плане обширной литературы, посвященной мысленным экспериментам с т. н. «зомби»⁶.

Основные контрагументы против концепций, опирающихся на «аргумент от аналогии», можно свести к трем: 1) для многих субъективных состояний связь между ними и их внешними проявлениями многозначна; 2) в большинстве случаев мы описываем свои состояния СР для себя таким образом, что при этом вообще отсутствуют бихевиоральные критерии; 3) оценка собственных ментальных состояний бывает ошибочной⁷.

Характерно, что Б. Рассел, называя «аргумент от аналогии» «туманным», тем не менее прибежал к нему⁸. Трудно принять и концепцию «другого сознания» Гуссерля⁹. Он конструирует трансцендентальное Эго, опирается на аналогизирующую апперцепцию смысла собственного сознания, на аналоговую проекцию его смысла на другую телесность, стремится преодолеть противоречия, возникающие при обосновании интересубъективности.

На мой взгляд, однако, важно подчеркнуть следующую общую черту практически всех указанных концепций «другого сознания»: неустрашимость идеи «аналогии», исходной посылки «моего сознания» и апелляции к «другой телесности». Вопрос, конечно, в том, как интерпретируются и применяются эти понятия и поло-

⁶ См. об этом: *Алексеев А.Ю.* Понятие «Зомби» и проблема сознания // Проблема сознания в философии и науке / Под ред. Д.И.Дубровского. М., 2009; *Нагуманова С.Ф.* Достаточен ли «аргумент мыслимости» для опровержения материалистического понимания сознания? // Проблема сознания в философии и науке. М., 2009.

⁷ См. так же: *Филатов В.П.* Методология социально-гуманитарных наук и проблема «другого сознания» // Эпистемология и философия науки. 2005. № 3. Автор справедливо подчеркивает значение проблемы «Другого сознания» для методологии социально-гуманитарных наук и слабость разработки этой крайне актуальной тематики.

⁸ *Russel B.* *Analogy* // *The Nature of Mind* / Ed. by D.M.Rosenthal. N. Y.–Oxford, 1991.

⁹ Она проанализирована Н.М.Смирновой в сопоставлении с концепциями Шютца и Шеллера, представляющими для нашей темы существенный интерес (*Смирнова Н.М.* Трансцендентальная интересубъективность, проблема «чужих сознаний» и искусственный интеллект // Искусственный интеллект: междисциплинарный подход. М., 2006; *Ее же:* Интересубъективность и проблема «других сознаний» // Естественный и искусственный интеллект: методологические и социальные проблемы / Под ред. Д.И.Дубровского и В.А.Лекторского. М., 2011.

жения. Но несомненно, что отмеченное обстоятельство свидетельствует об их важной роли в разработке проблемы. При этом наиболее острым является вопрос о правомерности исходной посылки «моего сознания» (моей СР) для познания чужой СР.

4. «Мое сознание» и «другое сознание»

Элементарный эпистемологический анализ показывает взаимопологаемость в ряде существенных отношений «моего сознания» и «другого сознания». Очевидна категоризованность даже самых простых чувственных переживаний, интерсубъективная нагруженность множества моих актуальных и диспозиционных состояний СР, моих «отчетов от первого лица» для себя. С другой стороны, те, кто берет за первичное, исходное некий уже готовый интерсубъективный препарат сознания, т. е., вслед за Шеллером, утверждают, что «сфера Мы предшествует сфере Я», всегда неявно противоречат самим себе, хотя бы потому, что их утверждения от «третьего лица» производятся ими от себя, т. е. «от первого лица» и, следовательно, неявно опираются на уже «готовое» теоретическое решение о первичности «Мы» по сравнению с «Я», т. е. на то, что еще требуется доказать. Конечно, в некоторых отношениях спор о том, что «первично» Я или Мы, напоминает спор о курице и яйце. Однако в других отношениях ситуация не столь парадоксальна.

Среди представителей аналитической философии и особенно когнитивных наук получила широкое распространение т. н. Теория Теории (сокращенно она именуется в текстах, где о ней ведется речь, ТТ). Ее предметом является процесс и результат *самоосознания* (*self-awareness*). Суть ТТ в том, говоря кратко, что знание о собственных ментальных состояниях достигается теми же средствами, что и знание о ментальных состояниях другого. Есть якобы теория, объясняющая познание ментальных состояний других людей (обозначается «ТоМ»), она прилагается к познанию собственных ментальных состояний и дает их объяснение, является их теорией (отсюда – ТТ). Авторы и активные сторонники ТТ (А.Гопник, А.Мельцофф, Х.Веллман, У.Фритц и др.) вслед за У.Селларсом, Г.Райлом и др. объявляют иллюзией феномены «непосредственно

данного» и «привилегированного доступа», сводят ментальное к сугубо когнитивному содержанию, используют другой редукционистский репертуар.

В последние годы, однако, в аналитической философии нарастают антиредукционистские тенденции. Одним из проявлений этого является жесткая критика, которой подвергается ТТ. Примером может служить обстоятельное исследование Ш.Николс и Ст.Стич¹⁰. Они показывают, что отображение («чтение») ментальных состояний другого невозможно без адекватного отображения собственных ментальных состояний и что между последним и первым нет необходимой связи. ТТ противоречит феноменологическим данным и не объясняет нашей способности самоосознания, которая связана со специальным когнитивным механизмом самоотображения (именуемым «механизмом мониторинга»). Они приходят к выводу, что этот механизм носит фундаментальный характер, действует во всяком ментальном акте и, что особенно важно, не имеет логически необходимой связи со словесным отчетом.

Следует подчеркнуть, что вопросы, касающиеся познания собственных явлений СР, остаются узким местом в проблеме «другого сознания». Традиционная эпистемология не располагает достаточными средствами для анализа вопросов такого рода, большей частью выносит их за скобки. Поэтому здесь хотелось бы кратко повторить и дополнить некоторые положения, высказанные уже в моих публикациях¹¹ об особенностях познания СР и ее «первичности» в разработке ряда важнейших аспектов проблемы сознания.

СР есть исходная форма всякого знания. Любое высказывание от третьего лица имеет первоначальную форму высказывания от первого лица, т. е. всякий познавательный акт непременно включает в том или ином виде отчет от первого лица для себя и лишь по-

¹⁰ См. раздел «Knowing Mental States» в сб.: *Consciousness. New Philosophical Perspectives*. Oxford, 2003, особенно статью в этом разделе: *Nichols Sh., Stich St. How to read your own Mind: A cognitive Theory of Self-Consciousness*. См. так же в этой связи одну из наиболее репрезентативных публикаций, посвященных защите «Теории теории»: *Gopnik A., Wellman H. The Theory Theory // Mapping the Mind / Ed by S.Gelman, L.Hirschfeld. Cambridge, 1994.*

¹¹ См.: *Дубровский Д.И. Гносеология субъективной реальности. К постановке проблемы // Эпистемология и философия науки. 2004. № 2; Он же: Проблема идеального. Субъективная реальность. Изд. 2-е, доп. М., 2002. Гл.: Структура субъективной реальности. С. 83–116; Он же. Новое открытие сознания? (По поводу книги Дж. Сёрла «Открывая сознание заново») // Вопр. философии. 2003. № 7.*

том – для другого. Такого рода отчет для себя, когда он уже сложился (санкционирован «вероятельными» регистрами и проработан словесно), может быть представлен в интересубъективной форме, т. е. в виде отчета от третьего лица. Мы склонны слишком поспешно вещать от имени некоего анонимного надличностного субъекта, не рефлексировав указанную ситуацию, теряя чувство того, что говорим не более чем от себя (разумеется, опираясь на избранные нами те или иные социокультурные клише, символы веры, расхожие соображения и т. п. «общности», – но это нисколько не меняет сути дела). Я называю этот феномен **«отрешенностью от себя»**.

Всякое явление СР включает *фундаментальную способность самоотображения себя, оно есть единство иноотображения и самоотображения*. Эта способность самоотображения сохраняется даже в условиях тяжелой психической патологии (в виде сохранения чувства *принадлежности* переживаемого явления СР своему Я), что свидетельствует о ее глубоких эволюционных корнях. Если самоотображение неадекватно, то неадекватно отображение в целом, не говоря уже о неэффективности интуитивного и иного самоконтроля. Это однозначно подтверждается многочисленными данными психопатологии.

Учет изложенных положений, характеризующих «мое сознание», – неперемное условие понимания (познания) «другого сознания». Такого рода понимание (знание) достигается тоже в исходной форме от первого лица. Тем не менее оно не является дублированием мной явлений СР другого, а представляет собой воспроизведение некоторых инвариантов их содержания; так обстоит дело даже в случае эмоциональных сопереживаний (и, добавлю, даже в случаях воспоминания, воспроизведения своих субъективных переживаний).

Несмотря на слабость теоретических разработок проблемы другой СР, в практическом отношении, в повседневной жизни мы решаем ее более или менее удовлетворительно, опираясь на наши врожденные способности, речевые коммуникации, лингвистические средства общения (мимика, жесты, особенно выражение глаз), разнообразный опыт и знания. «Способность восприятия чужого психического состояния, – отмечает известный психолог А.Кемпински, – появляется на очень раннем этапе онтогенетического развития», что свидетельствует о ее обусловленности функциями филогенетически «старых»

этажей нервной системы. Это – «древнейший тип познания», «объективность и достоверность познания чужого психического состояния – неперемutable условие сохранения жизни»¹².

Мы постоянно используем арсенал средств, накопленный «народной психологией» и, я бы добавил, «народной эпистемологией». Они охватывают и предъявляют нам колоссальный исторический опыт эмпирических обобщений и вероятностей, касающийся врожденных и приобретенных способностей человека общаться не только с другими людьми и животными, но и с самим собой (аутокоммуникация, играющая столь важную роль в «моем сознании!»). Это – живой источник здравого смысла и неперемutable базис всех эмпирических и теоретических разработок проблемы «другого сознания». Каждый из нас руководствуется опытом такого рода, причем большей частью интуитивно, отдавая при этом предпочтение прежде всего оценке *действий* того человека, субъективные состояния которого хотим понять.

Надо заметить, однако, что в условиях информационного общества с его гигантским нагромождением коммуникативных процессов, непомерным ростом сферы неопределенности, изощренными способами манипуляции сознанием и обманных действий особенно обострилась проблема критериев реальности, т. е. определения *подлинности*, содержания сообщений другого субъекта о его чувствах, намерениях, желаниях, мыслях, решениях. Эти критерии, действующие большей частью интуитивно, возникли и миллионы лет шлифовались в ходе эволюции, а затем антропогенеза и истории общества; сейчас они часто дают осечку. Речь идет о соответствующих глубинных санкционирующих механизмах, которые вместе с тем развиваются в процессе индивидуального опыта и над которыми надстраиваются различные более поздние эмоциональные, чувственные и рациональные способы оценки подлинности.

5. Коммуникативный подход к проблеме «Чужой СР» и научная герменевтика

В сущности, всякое познание «содержания» явлений СР другого человека представляет процесс и результат коммуникации. Это – акт понимания, требующий герменевтического анализа, «перемещения

¹² Кемпински А. Познание больного. Минск, 1998. С. 34–35.

в чужую субъективность», как говорил Дильтей. Это прежде всего тот аспект постижения «другой СР», о котором говорил Т.Нагель в своей знаменитой статье «Что значит быть летучей мышью? («What is like to be a Bat?»). Представители аналитической философии обозначают его термином «*каково это быть*» («другим»), т. е. чувствовать себя другим. Т.Нагель считает, что субъективный мир летучей мыши нам недоступен. Но в близком к тому смыслу, который он имеет в виду, нам недоступен и уникальный внутренний мир другого человека. Тем не менее опыт показывает, что мы способны познавать «уникальное», «неповторимое» путем интуитивного постижения тончайших общностей и различий и формирования прицельных инвариантов множества единичных, уникальных явлений. Ведь и собственную «уникальность» и «неповторимость» мы рефлексируем посредством некоторых инвариантов. Познание уникальности субъективного мира «Другого», как и познание уникальности вообще, остается трудной эпистемологической проблемой, которая, однако, поддается разработке, не является безнадежной.

Проблема «другого сознания» в общем плане – предмет *философской герменевтики* (в духе Дильтея, Гуссерля, Гадамера, а с другой стороны, у представителей аналитической философии); она имеет первостепенное значение для исторической науки, различных областей гуманитарного знания, культуротворческой деятельности в целом. Однако, в связи с задачей понимания, можно говорить также о *художественной герменевтике* (глубоком постижении другого сознания, человеческих типов, характеров, сокровенных переживаний средствами художественной литературы, музыки, театра, иных видов искусства) и *научной герменевтике*. Последняя ставит задачи понимания более широко – как постижение информации, воплощенной в некотором материальном носителе. Это – *задача диагностики кодового объекта* (т. е. такого объекта, который действительно несет в себе определенную информацию) и *задача расшифровки кода*¹³.

Не говоря уже о различных областях естествознания, она стоит на первом плане в археологии, криминологии, лингвистике, этнографии, в тех специальностях, которые имеют дело с тайны-

¹³ См. подробнее: Дубровский Д.И. Расшифровка кодов: методологические аспекты // *Вопр. философии*. 1979. № 12. Статья перепечатана в моей книге: *Сознание, мозг, искусственный интеллект*. М., 2007.

ми, загадочными шифрами. Вспомним расшифровку языка майя Ю.Кнорозовым или факт расшифровки японской контрразведкой изошрненного кода Рихарда Зорге. Здесь необходимо учитывать методы и результаты криптологии – специальной и весьма развитой науки, изучающей создание шифров и способы их «взлома», историю «эволюционной борьбы» шифровальщиков и дешифровщиков¹⁴. Возникновение компьютеров подняло криптологию на новую ступень. Специалисты высказывают мнение, что создание квантовых компьютеров позволит расшифровывать без особых трудностей любые коды, созданные человеком.

Научная герменевтика, однако, шире криптологии и более основательно рассматривает проблему кодирования и декодирования, охватывает область биологических, психологических и социокультурных кодов, выясняет их роль в процессах жизнедеятельности и в социальной самоорганизации. Поскольку нас интересует проблема другой СР, ограничимся этим планом рассмотрения.

Что означает в данном отношении задача расшифровки кода и акт понимания информации? Ведь информация необходимо воплощена в своем носителе, и значит, всегда существует лишь в определенной кодовой форме. Поэтому *расшифровка кода может означать лишь одно: перевод, преобразование «непонятного» кода в «понятный» для данной самоорганизующейся системы*, т. е. в такой код, который «открывает» для нее информацию и делает доступной для управления (я называю первый тип кода «чуждым», второй – «естественным»); простейшая иллюстрация: незнакомое английское слово и его перевод). Мы можем не знать устройство «естественного» кода, но как бы непосредственно обладать содержащейся в нем информацией, ярким примером этого является взгляд. Почему определенное изменение жидкой среды глаза несет нам часто столь значимую информацию о субъективных состояниях другого? Это – загадка; но мы зачастую весьма точно и почти мгновенно понимаем «выражение глаз». Разумеется, здесь тоже происходит расшифровка кода, но протекает она «автоматически», на бессознательном уровне, и когда мы говорим, что «содержание» взгляда нам понятно, то это означает осознание уже «готового» результата. Акт успешной

¹⁴ Синг С. Книга кодов. Тайная история кодов и их «взлома». М., 2007.

коммуникации есть цепь (или сеть) кодовых преобразований, которые в итоге «открывают» мне информацию о некоторых явлениях СР, переживаемых другим человеком.

Я хочу остановиться на этих специальных вопросах, поскольку уверен, что решающие сдвиги в разработке проблемы «другой СР» будут достигнуты на путях научной герменевтики. Разумеется, философскую и научную герменевтику не следует противопоставлять друг другу, они связаны, должны сотрудничать, хотя у них во многом разные цели и методы. Что касается эпистемологии и методологии науки, то понятно, что они могут быть в высшей степени полезны научной герменевтике. Она же, думаю, стоит на пороге крупных достижений, способных повлиять на судьбы нашей цивилизации

Когда философ ставит проблему «другой СР», то он явно или неявно исходит из наличия коммуникативной ситуации. Субъект знает, что такое СР, лишь по себе (так сказать, от первого лица). Это знание имеет по крайней мере два аспекта: 1) субъект знает, что он обладает качеством СР, т. е. что он «находится в сознательном состоянии», переживает «чувство принадлежности» ему этого состояния, как выражаются психиатры; это – «немедленное» знание, «непосредственно данное» (термины из аналитической философии) и 2) субъект знает то определенное «содержание», которое он переживает в данном интервале, оценивает это «содержание» и может в определенной мере оперировать им. Разумеется, оба аспекта образуют единство, представляют акт *аутокоммуникации*. Другими словами, мое знание о моей СР возникает в процессе аутокоммуникации, протекающем в данном интервале. Здесь субъект и объект представлены в форме переменного соотношения модальностей «Я» и «не-Я», которая составляет базисную динамическую структуру СР¹⁵. Я располагаю способностью (средствами) «немедленного» определения наличия СР у себя. Вопрос в том, что эти средства даны мне диспозиционально и арелексивно: я знаю *что*, но не знаю *как*, т. е. знаю о наличии своей СР, знаю, что она дана мне сразу и непосредственно, но не знаю, каким образом это совершается, от какого рода информационных процессов в моем

¹⁵ Подробно эта базисная динамическая структура СР проанализирована в моей книге «Проблема идеального. Субъективная реальность» (2-е, доп. изд. М., 2002. Гл.: Структура субъективной реальности. С. 83–116).

(или другом) головном мозге это зависит. Поэтому решение вопроса о другой СР лежит на пути анализа информационных процессов, образующих коммуникативный акт.

Рассмотрим в упрощенном виде основные этапы процесса какой-либо элементарной коммуникации, в результате которой определенное содержание СР одного человека (скажем, переживание образа красной розы) становится достоянием другого (тоже в форме его СР). Данное содержание СР первого человека есть информация (обозначим это содержание знаком А), воплощенная в соответствующей мозговой нейродинамической системе (обозначим ее Х), и он хочет сообщить ее другому. Х есть «естественный» код А, в силу чего эта информация А дана мозговой эгосистеме (и значит, личности) непосредственно. Далее АХ инициирует словесный код АУ, последний преобразуется в моторный код АZ, программирующий и реализующий соответствующее словесное выражение – звуковой код АW. Воздействуя на слуховой аппарат второго человека, он вызывает в его мозгу обратную цепь кодовых преобразований и в итоге соответствующую мозговую нейродинамическую систему, близкую к Х, представляющую собой «естественный» код примерно той же информации А, переживаемой в форме субъективной реальности.

Конечно, на самом деле все гораздо сложнее, но суть дела обстоит примерно так. Здесь главным для нас является мозговой нейродинамический код Х, который, будучи «естественным», несет исходную информацию и представляет ее для личности (для меня и каждого) в «чистом» виде. Теоретически возможно выделить это кодовое образование, подключиться к нему и расшифровать его, минуя все сложнейшие его преобразования, ведущие к внешнему выражению этого информационного содержания в естественных коммуникациях (или к его внешней маскировке). Это означает, что оно будет выражено, например, в виде словесной записи (или как-то иначе) на приборе у того, кто осуществляет такую расшифровку кода (даже помимо воли обладателя указанной информации). Разумеется, в таком случае вполне возможно будет продлить коммуникативную цепь и обеспечить расшифровку указанного кода в форме дублирующего субъективного переживания соответствующего содержания у того человека, который осуществляет эту операцию расшифровки кода Х. Так, собственно, и происходит всякий

раз, когда речь идет о расшифровке кода человеком, ибо конечным этапом является *понимание* им некоторого ранее скрытого «содержания», *представленного ему сейчас в форме его СР*.

Вслед за расшифровкой генетического кода наука приближается к решению подобной задачи¹⁶. Но что означает ее решение для проблемы «другого сознания»? Появится *новый способ коммуникации*, но суть, в принципе, останется та же. Как и в случае понимания выражения глаз или понимания желаний человека путем наблюдения его действий, здесь будет совершаться процесс расшифровки кода, т. е. преобразования «чуждого» кода в «естественный» код типа X. Никакого «непосредственного» постижения «другой субъективной реальности» быть не может. Расшифровка нейродинамического кода типа X может означать только новый вид доступа к «содержанию» явлений СР другого человека.

Если такая задача будет решена даже в частном виде, то трудно вообразить масштаб возможных последствий. Размышляя о тех новых перспективах, которые откроются перед медициной, многими видами деятельности, межличностными и социальными отношениями, мы должны прежде всего иметь в виду негативные последствия этого, способных нести угрозу человечеству. Конечно, многие важные позитивные и особенно негативные последствия непредсказуемы. Но несомненно то, что негативные последствия такого нового вида коммуникации будут значительными, они смогут нарушить фундаментальные структуры социальной самоорганизации.

Наша земная социальная самоорганизация основывается на относительной автономности личности, что выражается в относительной «закрытости» ее внутреннего, субъективного мира. В пода-

¹⁶ Вопрос о возможности и путях решения указанной задачи ставился и специально обсуждался мной более тридцати пяти лет тому назад. См.: *Дубровский Д.И.* Проблема нейродинамического кода психических явлений (некоторые философские аспекты и социальные перспективы) // *Вопр. философии*. 1975. № 6. Сейчас в этой области достигнуты значительные результаты (например, вы переживаете заданный вам чувственный образ, и он без вашей помощи воспроизводится экспериментатором на экране компьютера. См.: *Miyawaki Y., Uchida H. et. all.* Visual Image Reconstruction from Human Drain Activity using a Combination of Multscale Local Image Decoders // *Neuron*. 2008. Vol. 60. Issue 5. P. 915–929. Особый интерес представляет работа: *Nishimoto Sh. et al.* Reconstructing Visual Experience from Brain Activity Evoked by Natural Movies // *Current Biology* (2011). doi: 10.1016/j.cub.2011.08.031.

вляющем числе случаев личность «открывает» и «закрывает» его по своей воле и весьма избирательно. Что произойдет, если это будет нарушено? Если личности станут «открытыми»? Или одни будут «открытыми», а другие «закрытыми»? Или небольшая группа «закрытых» сможет «открывать» кого захочет вопреки их воле? Ведь наверняка технологии расшифровки нейродинамических кодов явлений СР окажутся в руках государственных или крупнейших финансово-экономических структур, а не исключено, что и в руках некоего объединения злонамеренных лиц. Эти и другие вопросы такого рода вызывают серьезные опасения; вместе с тем они создают во многом новое поле для мысленных экспериментов и теоретического анализа относительно будущего земной цивилизации.

Нас все в большей степени волнуют вопросы о злонамеренных интенциях другой СР, о скрытых коварных замыслах, способных нести горе и гибель не только отдельным людям, но всему человечеству. Тем более, что в нашу эпоху системных инфраструктур единственный человек, реализуя свой преступный замысел, способен вызвать цепную реакцию колоссальной разрушительной силы.

А как быть с обманом, пропитывающим все поры социальной жизни, все межличностные и институциональные коммуникации; как быть с прокламированием честности, благородства и справедливости, под покровом которого вершатся самые гнусные дела? Эти вопросы имеют прямое отношение к проблеме «другой СР», они становятся все более острыми и актуальными в условиях информационного общества, нарастания глобализации и требуют пристального внимания философов.

Н.М. Смирнова

Коммуникация и интерсубъективность*

1. Коммуникация как проблема философии и когнитивных наук

Понятие коммуникации является одним из важнейших как в эпистемологии, так и в когнитивных науках о человеке. В современной эпистемологии актуальность проблемы концептуального анализа коммуникаций обусловлена потребностью определения эвристического потенциала и когнитивных границ коммуникативной парадигмы в теории познания, в социологии, социальной психологии и социолингвистике – необходимостью более четкой экспликации (пост)неклассического понимания «субъектности»¹.

Современный исследователь проблем коммуникации Г.А.Миллер полагает, что если представить когнитивную карту современных проблем социальных наук в виде матрицы, то философский анализ проблем коммуникации обогатит каждую ее клеточку². Однако сегодня философский анализ коммуникации отягощен проблемой концептуальной неопределенности этого понятия в рамках собственно философского дискурса. И хотя большинство авторов, работающих в этой области, призывают к «концептуальной строгости и ясности» этого понятия, его содержание и по сей день остается одним из наиболее «концепцио-зависимых» и семантически неопределенных. Так что не будет преувеличением

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ 10-03-00085а «Интерсубъективность как проблема социальной эпистемологии».

¹ *Apel K.-O.* The a priori of Communication and the Foundation of the Humanities. Man and World. 1972. P. 7.

² *Miller G.A.* Problems of Communication. Deedalus, 1977. P. 113.

утверждать, что в современной философии содержание понятия коммуникации задано всеми контекстами обсуждений и дискуссий, в которых оно используется.

Однако, по мнению одно из виднейших авторов в области философской теории коммуникации Л.Гроссберга, такое положение дел затрудняет инструментальное использование понятия коммуникации для решения конкретных проблем когнитивных социальных наук. И важнейшей задачей философской теории коммуникации он полагает создание особого *метаязыка*, смыслы которого были бы первичны в отношении любых высказываний о конкретных формах коммуникаций, – языка, служащего основанием для сравнения альтернативных концепций и исследовательских программ философского анализа коммуникации³.

В современной философской литературе «коммуникация» встроена в концептуальный каркас таких понятий, как социальное, индивидуальное, контекст и *интерсубъективность*⁴. *В свою очередь, сама интерсубъективность, опосредующая дихотомию социального и индивидуального, допускает тройное истолкование. Соответственно, три основных подхода к концептуальному анализу природы и сущности коммуникаций, соответствующих различным образам интерсубъективности*, представлены в современной философской литературе.

Первый образ интерсубъективности содержит абсолютное противопоставление социального и индивидуального. Они представлены в «эксплицитно дуалистической метафизике». В таком понимании интерсубъективность опосредует (*bridges a gap*) существенно противоположные по смыслу понятия. Индивидуальное – существенно изолированная и самостоятельная сущность, характеризующаяся в терминах изолированной субъективности, не связанной с субъективностью других людей. Социальное в подобной модели предстает как существенно объективное, как реальность, противостоящая индивиду.

Нетрудно видеть, что главная проблема такого подхода состоит в *транscендировании индивидуальности*. В подобной модели интерсубъективность либо способствует наведению мостов

³ Grossberg L. Intersubjectivity and Conceptualization of Communication // Human Studies. 1982. Vol. 5. № 3. Sept. P. 213.

⁴ Ibid.

между двумя противостоящими полюсами коммуникации (например, с помощью пространственной метафоры интернализации-экстернализации), либо редуционистски элиминирует один из них.

Второй образ intersубъективности отчасти преодолевает дуалистическую метафизику в понимании структуры и сущности коммуникации. И хотя социальное и индивидуальное мыслятся как сохраняющие существенные различия, они предстают как взаимопроникающие (*necessarilly involved*). Иными словами, хотя каждое имеет отличную от другого и независимую природу, социальное и индивидуальное существуют лишь в контексте их взаимоотношений. Этот образ intersубъективности атрибутирован как «взаимная принадлежность». В таком образе intersубъективность не есть проект наведения мостов между социальным и индивидуальным, но процесс постоянно воспроизводящегося подтверждения индивидом своей социальной природы. В таком случае индивид – не изолированное сознание, а деятель, вступающий во взаимодействие с другими. В подобной интерпретации коммуникация выступает как непрерывно возобновляющийся процесс деконтекстуализации/реконтекстуализации.

Проблема, однако, в том, что подобный подход неявным образом уже предполагает существование социального контекста, в рамках которого происходит само взаимодействие и обмен смыслами. Именно этот «контекст» определяет природу и сущность социального. Он логически не редуцируем к индивиду и его деятельности, но презентует относительно устойчивую трансиндивидуальную структуру социальных отношений, в которую индивид уже включен изначально. Независимо от его конкретной формы, этот контекст является условием взаимодействия (взаимопонимания) индивидов. Так что подобный образ intersубъективности, описывающий коммуникацию в терминах деконтекстуализации/реконтекстуализации, имплицитно предполагает в качестве готовой предпосылки то, что более всего нуждается в объяснении.

Третий образ intersубъективности укоренен в феноменологической традиции. Фокус проблемы смещен здесь на *опыт проживания индивидом социальной реальности*. Это опыт нашего включения в смысловую структуру социального мира, определяющую саму возможность взаимопонимания и коммуникации. Достоинство такого подхода, по мнению Л.Гроссберга, состоит в том, что он лишен метафизических коннотаций и сосредоточен не

на проектировании связи социального и индивидуального, но на конституировании смысла интерсубъективности. Это вопрос о том, как мы воспринимаем в опыте «других» в своей повседневной жизни. Но это и вопрос о том, как мы конституируем самих себя (Self) и постоянно воспроизводим себя как социальные существа. Этот – феноменологический – поворот в решении проблемы интесубъективности и представляется наиболее перспективным направлением исследования социальных коммуникаций. Он и составит предмет нашего дальнейшего рассмотрения.

2. Феноменологический проект анализа социальных коммуникаций

Специфика социально-феноменологического подхода к анализу сущности социальных коммуникаций состоит в том, что культурно-антропологическим содержанием процессов социальной коммуникации является *трансляция человеческих смыслов*. Смысл – важнейший концепт философского учения о человеке, задающий гуманитарную размерность культурных артефактов человеческого познания и деятельности. В философской картине мира смысл опосредует онтологический зазор между бытием и сознанием. «Сознание (переживание) и реальное бытие – это отнюдь не одинаково устроенные виды бытия, которые мирно жили бы, один подле другого, порой “сопрягаясь”, порой “сплетаясь” друг с другом... убежден Э.Гуссерль. Между сознанием и бытием поистине зияет пропасть смысла»⁵.

Предметом социальной феноменологии является смысловая структура социальной реальности – «Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt»⁶. Применительно к анализу социальных коммуни-

⁵ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1994. С. 10–11.

⁶ Это название первой и единственной, написанной на немецком языке, книги основателя социальной феноменологии А.Шюца, переведенной на английский язык под названием «On Phenomenology and Social Relations» (The Univ. of Chicago Press, 1970). Работы А.Шюца, написанные в Америке, представляют собой набор тематически связанных статей. Его последователями Р.Занером, М.Фабером и М.Натансоном издано трехтомное собрание его сочинений (Collected Papers, 1962, 1964, 1966, Martinus Nijhoff, The Hague), куда вошли работы, написанные после 1940 г. Рус. пер.: Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом / Сост., пер с англ. и общ. ред. Н.М.Смирновой. М., 2004.

каций социально-феноменологическая ориентация на постижение *смысловой структуры* социального мира означает, что как сама коммуникативная ситуация, так и вовлеченные в нее объекты природы и культуры имеют разное *значение* для коммуникативных партнеров. Источник подобного различия коренится в том, что ситуация, в которой находятся коммуникативные партнеры, является для каждого из них *биографически детерминированной*. Это означает, что личный опыт проживания человека в социальном мире опосредует любые формы его восприятия путем придания им биографически определенных *субъективных значений*. Поэтому первая трудность, с которой сталкиваются коммуникативные партнеры, состоит в том, что, находясь в биографически определенных ситуациях, они не в состоянии воспринимать одну и ту же ситуацию абсолютно одинаково, поскольку приписываемые ей субъективные значения различны, по крайней мере, до некоторой степени.

Эксплицируя предпосылки социальных коммуникаций, социальная феноменология постулирует возможность преодоления различий индивидуальных перспектив пространственного видения и биографической обусловленности восприятия в коммуникативной ситуации с помощью двух идеализирующих допущений: *взаимозаменяемости точек зрения и совпадения систем релевантности*. Взаимозаменяемость точек зрения (*interchangeability of the standpoints*) означает, что я полагаю само собой разумеющимся (и ожидаю, что другой делает то же самое), что различие наших пространственных положений по отношению к объекту не препятствует его восприятию в одной и той же системе типизаций. Соответствие систем релевантностей (*congruence of the system of relevances*) означает, что пока не доказано обратное, я считаю (и полагаю, что другой делает то же самое), что укорененное в биографически определенных ситуациях различие восприятий коммуникативной ситуации не препятствуют выполнению нами общей задачи. Мы оба отбираем и интерпретируем общие объекты и их характеристики одним и тем же способом, или, по крайней мере, в «эмпирически идентичной манере», достаточной для всех практических целей⁷. Приведенные выше идеализирующие допущения позволяют рассматривать коммуникативную ситуацию как *интер-*

⁷ On Phenomenology and Social Relations. Chicago, 1970. P. 183.

субъективную, т. е. не зависящую от того, каким образом определяют ситуацию коммуникативные партнеры, их положения в пространстве и уникальных биографических особенностей.

3. Социально-феноменологический анализ прямых социальных коммуникаций

Идеализация взаимности перспектив предполагает, что коммуникативным партнерам доступна телесность друг друга с симптомами внутренней жизни чужого сознания. Подобная ситуация непосредственной данности друг другу в пространстве общего восприятия, благодаря которым тела и лица партнеров становятся полем выражения их субъективного опыта, принято называть ситуацией «лицом-к-лицу» (face-to-face). Она представляет собой типизацию множества эмпирически различных ситуаций, в которых субъективность коммуникативных партнеров максимально открыта. Конечно, быть лицом-к-лицу с человеком, которого любишь, и со случайным дорожным попутчиком – разные (по субъективным смыслам) типы взаимодействий, но с одинаковой структурой презентации в опыте.

В ситуации «лицом-к-лицу», в которой коммуникативным партнерам максимально открыты проявления чужой субъективности, игру черт лица и жестов можно понять по аналогии с собственным опытом эмоционального самовыражения. Но коммуникативный партнер может лукавить, скрывая свои подлинные намерения, или использовать языковые знаки в их метафорическом значении. Подобную ситуацию с гениальной психологической тонкостью описал М.Булгаков в романе «Мастер и Маргарита». Римский прокуратор Понтий Пилат в беседе с начальником тайной стражи Афранием на словах выражает озабоченность якобы готовящимся покушением на Иуду. На самом же деле ценой тонких словесных ухищрений и денежных посулов он пытается донести до рыцаря плаща и кинжала совсем иной наказ: отомстить Иуде за его предательство. Афраний не сразу схватывает потаенный смысл Пилатова замысла, ибо прямое значение прокураторских слов расходится с навязанными языковой игрой. Пилат усиливает напряжение словесной игры, основанной на рассогла-

совании прямого и символического значения слов, подкупая потенциального мстителя щедрыми обещаниями. «Так убьют, игемон?» – восклицает прозревший, наконец, Афраний и отправляется исполнять тайное поручение.

Его дальнейшие действия свидетельствуют о том, что рыцарь плаща и кинжала *понял* подлинный смысл приказа, вопреки словесному наказу предотвратить убийство, т. к. на практике смог «включиться в игру» и осуществить задуманное Пилатом. Прибегнув к помощи возлюбленной Иуды, дабы заманить того в западню, он категорически отвергает предложенную прокуратором официальную версию убийства из ревности и с неподдельным возмущением повествует о собственном деянии как о дерзости убийц, подбросивших «иудины сребреники» в дом иудейского первосвященника.

Существует множество уровней понимания чужого действия. Коммуникативный партнер не должен и даже не в состоянии постичь всего многообразия мотивов другого в горизонте собственного опыта, т. к. абсолютно адекватное понимание потребовало бы полной идентичности их систем биографически обусловленных субъективных значений. Поэтому для коммуникативных целей достаточно редукции действия коммуникативного партнера к типичным субъективным мотивам, т. е. их отнесение (референцию) к типичным ситуациям, типичным целям и типичным средствам⁸. Так, большинство тех, кто не имеет собственных детей, в состоянии понять смысл высказывания «мать заботится о здоровье своего ребенка».

Существуют и разные уровни осведомленности о самом действующем лице, различные степени осведомленности и отчужденности: от близкого друга до случайного попутчика. Но чтобы понять типичные мотивы коммуникативного партнера, нет необходимости знать его лично. Можно, к примеру, понять действия исторической личности, жившей задолго до нас, или лично не знакомого нам публичного политика. Мы не можем знать, о чем они думали, но в состоянии приписать их действиям *типичные мотивы*. Понять анонимного коммуникативного партнера – значит интерпретировать его деятельность в категориях типичной мотивации. Я могу понять смысл высказывания «Франция опасается перевооружения Германии», не будучи ни немцем, ни французом, утверждает А.Шюц.

⁸ On Phenomenology and Social Relations. Chicago, 1970. P. 180.

В ситуации «лицом-к-лицу» коммуникативное взаимодействие является сравнительно «мягким». Ему трудно навязать жесткие образцы (коммуникативные паттерны). Даже если ситуация организована как «жесткая» (по типу армейской иерархии), свойственные ей образцы взаимодействий в процессе обмена значениями неизбежно «размягчаются». Но и коммуникация лицом-к-лицу предполагает наличие типизированных схем. Однако эти схемы более пластичны, более доступны взаимному наложению (интерференции), чем в отдаленных (непрямых) формах социальных взаимодействий. «Наиболее важный коммуникативный опыт имеет место в ситуации “лицом-к-лицу”, – убеждены П.Бергер и Т.Лукман. – Все остальные типы социальных коммуникаций производны от него»⁹.

Типичным образцом социальных коммуникаций являются повседневные беседы. Утверждению о том, что один коммуникативный партнер понимает смысл речи другого, в социальной феноменологии присущ двоякий смысл: объективный – понимание произносимых слов на основе их словарных значений, и субъективный – понимание того смысла, что вкладывает в свои слова сам говорящий. Чтобы схватить субъективный смысл, необходимо интерпретировать интенциональные акты говорящего, соответствующие выбору его слов. Понимание возможно в той мере, в какой говорящий и слушающий в состоянии постичь содержание субъективных значений друг друга. Анализ этого вопроса отсылает нас к дальнейшему социально-феноменологическому анализу речевых коммуникаций.

4. Язык как средство трансляции субъективных значений

Развитые социальные коммуникации основаны на использовании знаков и знаковых систем. Знак, используемый в коммуникации, адресован индивиду или анонимному интерпретатору. Коммуникация будет успешной, если коммуникативный знак предварительно проинтерпретирован тем, кто его использует, в терминах ожидаемой интерпретации адресата. Феноменологически это озна-

⁹ Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. Anchor, 1961. P. 28.

чает, что *тот, кто использует знак, должен предвосхитить апперцептивную и референциальную схемы его интерпретации*. Иными словами, использующий знаки в коммуникативных целях должен предвосхитить, «как слово наше отзовется», предварительно «отрепетировать» их ожидаемую интерпретацию коммуникативным партнером. Коммуникация будет успешной, если интерпретативная схема использующего коммуникативный знак и та, которую, как ожидается, использует интерпретатор, существенно совпадают.

Ввиду обусловленности интерпретативных схем коммуникантов персональной системой субъективных значений, укорененных в биографически детерминированных ситуациях, их абсолютное совпадение невозможно. Различие систем субъективных значений полагает предел абсолютному успеху коммуникации. Но коммуникация может быть и действительно является успешной в высокоформализованных и стандартизированных языках, например, с использованием научной и технической терминологии. Практическое следствие подобных рассуждений состоит в том, что успешная коммуникация возможна лишь между персонами и социальными группами, разделяющими существенно сходную систему типизаций и релевантностей. Чем они более сходны, тем выше вероятность успешной коммуникации. «Коммуникативный императив» социальной феноменологии гласит: *соответствие смыслового контекста интерпретативных схем определяет условие и границы возможной коммуникации, т. е. способность партнеров адекватно понимать друг друга*.

Наиболее распространенным типом коммуникаций являются упомянутые выше *повседневные беседы*. С социально-феноменологической точки зрения процесс беседы – это взаимный обмен субъективными смыслами. В повседневных беседах люди, как правило, не дают ни определения мира, ни оценки собеседника и самих себя. Но повседневные беседы ведут с позиций определенных представлений о мире, себе и других, молчаливо принимаемых говорящими как сами собой разумеющиеся. Ибо любое высказывание осмыслено лишь в рамках определенной картины социальной реальности.

Посредством обмена субъективными значениями осуществляется *коммуникативная поддержка субъективной реальности*. Самооценка, которую, как правило, поддерживает в человеке его собеседник, постоянно убеждает его в том, что он действительно тот, за кого себя принимает («короля играет свита»). И хотя коммуни-

кативная поддержка субъективной реальности в процессах повседневных бесед является неявной (латентной), значение беседы для поддержания субъективной реальности и всей системы социальных коммуникаций столь велико, что Г.Сакс, к примеру, определяет повседневную жизнь как «линейный порядок практик беседы»¹⁰. Он не без основания полагает, что исследование повседневных речевых структур (конверсационной логики) и воплощенного в них «фонового» (неявного) знания способствует выявлению смысловой структуры социальной реальности – того «само собой разумеющегося», которое и позволяет коммуникативным партнерам понимать друг друга «с полуслова». Именно это «фонковое» знание и составляет когнитивный фундамент повседневных коммуникаций.

Основанная на презумпции коммуникативной природы субъективной реальности, социальная феноменология использует принятый в современной лингвистике ситуационно-интеракционистский подход к значению. Это означает, что в ее рамках значения языковых знаков рассматриваются не как жестко фиксированные, но как обусловленные, по меньшей мере частично, коммуникативной ситуацией. Ситуативно релевантное употребление языковых знаков определяет как выбор подходящего слова из словаря, так его эмерджентные смысловые оттенки. «Значение знака определяется как взаимным отношением знаков, так и тем, как их используют»¹¹, – убежден Г.Гарфинкель. Устойчивое же ядро референтных значений, зафиксированное в словарях, воплощает *типизированный* опыт использования слова лингво-коммуникативным сообществом и не исчерпывает собою всей полноты его значения в конкретной ситуации речевого общения. Для адекватного понимания слов коммуникативного партнера необходимо принять во внимание его *ситуативные коннотации*, выражающие личный опыт использующего слово человека применительно к конкретной ситуации речевой коммуникации¹².

¹⁰ Sacks H. Introduction. P. V11 // Garfinkel H. (ed.) *Studies in Ethnomethodology*. Ethnomethodological Studies of Work. L., 1986.

¹¹ Garfinkel H. *Ethnomethodological Studies of Work*. Studies in Ethnomethodology. L., 1986. P. 114.

¹² Подобное различие двух аспектов значения можно обнаружить еще в книге Л.С.Выготского «Мышление и речь» (1934). Он придает большее значение объективному аспекту значения, по его мнению, свидетельствующему о глубине отражения объективного мира.

На относительное рассогласование субъективного и интерсубъективного значения слова в конкретной ситуации его использования в отечественной литературе обратил внимание А.Р.Лурия. «“Значение”, – утверждает он, – есть устойчивая система обобщений, стоящая за словом, *одинаковая для всех, людей*, причем эта система может иметь только разную глубину, разную обобщенность, разную широту охвата обозначаемых им предметов, но она обязательно сохраняет неизменное “ядро” – определенный набор связей». Наряду с этим, названный автор рассматривает и субъективную проекцию значения, обозначаемую термином “*смысл*”. В отличие от значения, смысл – “*индивидуальное значение слова*”, выделенное из этой объективной системы связей; оно состоит из тех связей, которые имеют отношение к данному моменту и к данной ситуации. Поэтому если “значение” слова является интерсубъективным отражением системы связей и отношений, то “смысл” – это привнесение субъективных аспектов значения соответственно данному моменту и ситуации»¹³. Иными словами, «референтное» значение универсально и выражает лингво-коммуникативный опыт всего языкового сообщества. Смысл же «относителен» к личному опыту человека и конкретной ситуации его использования. В социальной феноменологии этому различению соответствуют понятия *объективного и субъективного значения*.

Любой естественный язык, как правило, содержит слова с различными оттенками значений. Смысловые коннотации детерминированы коммуникативным контекстом и имеют специфически «ситуативную» окраску в каждом отдельном случае их употребления. Ситуативная детерминация значения состоит в том, что в различных ансамблях речевых практик слово обрастает эмерджентными, ассоциативными и эмоциональными «окаймлениями» (*fringes*). Они образуют аффективно-смысловую ауру ядра «словарного» значения – лексически не выразимые смысловые импликации. Эмерджентные смыслы намекают, но «не говорят». Их можно выразить взглядом, жестом, танцем, положить на музыку, но нельзя деконтекстуализировать. На ауре маргинальных смыслов построена вся мировая поэзия. Не называя вещи своими именами, они позволяют «создать настроение» – эмоциональную и аффективную ауру художественного текста или живого общения.

¹³ Лурия. А.Р. Язык и сознание. М., 1979. С. 53.

Не существует установленных правил выбора смысловых коннотаций для различных ситуаций речевой коммуникации, т. к. значение знака детерминировано не только взаимным отношением знаков, но и тем, как их используют. Употребление слова, т. е. выбор из словаря подходящего значения или выражения, всегда опосредован как прошлым коммуникативным опытом говорящего, так и его персональным определением ситуации речевого общения. В этом смысле язык каждый раз рождается заново в процессе его использования: устоявшиеся словарные значения слов претерпевают коннотативный «сдвиг значений» применительно к той или иной ситуации речевой коммуникации. Почерпнутые из коммуникативного опыта эмерджентные смыслы обеспечивают дополнительную «ситуативную» окраску каждому отдельному случаю употребления слов естественного языка. Ситуативно-обусловленные смыслы необходимо принять во внимание не только для адекватного понимания повседневных бесед, но и в изучении смысловых аспектов социальных коммуникаций в целом.

Эмерджентные смыслы невозможно деконтекстуализировать, т. е. понять на основе интерсубъективных словарных значений в отрыве от конкретной ситуации речевой коммуникации, т. к. когда аппрезентативное соответствие знака и референта установлено, в самих знаках нет следов этой работы. «Как представляется, в философии языка и культуры недооценена антиномия прямого значения знака и его идиоматического использования, – убеждены Н.Н.Козлова и И.И.Сандомирская. В основе же этой антиномии, полагают названные авторы, лежит оппозиция референции и тропа»¹⁴, до сих пор не исследованная в должной мере. Ибо приписывание прямого (словарного) значения идиоматическим выражениям ведет к бессмыслице.

Спектр возможных смысловых коннотаций «словарных» значений образует специфическую матрицу разговорного языка, в социальной феноменологии называемую «схема выражения». Она может иметь персональный, социально-групповой характер или принадлежать лингвистическому сообществу в целом. Но даже и в последнем случае схема выражения транслируема исключительно в коммуникативном процессе и не может быть по-

¹⁴ Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. Я так хочу назвать кино. «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. М., 1997. С. 22.

черпнута лишь из словаря и грамматики. «Для того, чтобы освоить чужой язык как схему выражения, – убежден А.Шюц, – нужно написать на нем любовное письмо, помолиться и выругаться»¹⁵. Ибо экспрессивная и интерпретативная схемы естественных языков постигаются лишь в коммуникативном опыте, в котором конституируются и воспроизводятся.

5. Непрямые речевые коммуникации

Сложность адекватного восприятия языковых знаков существенно возрастает в ситуации не прямых социальных коммуникаций. Обращаясь к анонимному коммуникативному партнеру, использующий языковые знаки лишен возможности наблюдать за выражением его лица и телесной экспрессией. В таком случае говорящему следует иметь в виду, что ему не удастся скорректировать возможное (а отчасти и неизбежное) несовпадение субъективных значений в самом процессе языковой коммуникации. Социальная феноменология постулирует следующее: чтобы быть правильно понятым, говорящий должен осуществить воображаемую «репетицию» чужого восприятия, т. е. антиципацию аппрезентативной и референциальной схем выражения своего адресата – предвосхитить, «как слово наше отзовется». Если же коммуникативный партнер представлен идеальным типом, то использующий языковые знаки должен по возможности придерживаться их интерсубъективного, «словарного» значения. Чем более анонимен коммуникативный партнер, тем более «объективно» следует использовать языковые знаки.

Усвоение языка сходно с усвоением любых правил: и то, и другое предполагает умение интерпретировать. Ребенок должен учиться интерпретировать слово или правило вкупе с конкретными примерами их употребления. «Члены общества, – убежден А.Сикурел, – должны усвоить знание того, как приписывать значение, так чтобы общие правила могли быть артикулированы применительно к отдельным случаям»¹⁶. Правила, следовательно, всегда требуют дополнительного осознания некоторых особенностей, определяющих применимость этих правил в каждом конкретном случае.

¹⁵ Schutz A. On Phenomenology and Social Relations. Chicago, 1979. P. 98.

¹⁶ Ibid. P. 51.

В философско-методологическом плане это означает, что универсалистские претензии классической социальной теории на открытие «всеобщих и необходимых законов» социальной жизни в рамках социальной феноменологии дополняются необходимостью исследовать «правила интерпретации». При этом любые интерпретации рассматриваются как временные конвенции, которые могут быть приняты лишь до тех пор, пока не заменены последующими интерпретациями, отвечающими более глубокому пониманию предмета. И задача методолога – изучать социально-культурную обусловленность различных интерпретаций в типизированных (интерсубъективных) способах мышления и деятельности¹⁷.

Исследование языковых ресурсов объективации личного опыта приобретает особую значимость и в свете важнейшего методологического императива социальной феноменологии, которое следовало бы считать общеметодологическим: экспликации предпосылок научного рассуждения, почерпнутых из обыденного мышления. Презумпция погруженности социального теоретика в повседневные ансамбли языковых практик и, следовательно, несвободы от языковых клише, обусловленных его социально-групповым положением, – отличительная черта методологической рефлексии неклассической науки. Сформулированный в рамках социальной феноменологии *постулат чистоты метода* предписывает трактовать как аналитически проблемную не только языковую деятельность как таковую, но и свою собственную практику использования языка как члена языкового сообщества¹⁸.

¹⁷ В ходе дальнейшего развития феноменологии, а именно в «трансцендентальной прагматике» К.-О.Апеля, осуществлен переход от «синтеза апперцепций» к «коммуникативному синтезу интерпретаций», от анализа сознания – к анализу общения.

¹⁸ Но процесс экспликации предпосылок, почерпнутых из обыденного языка и мышления, потенциально бесконечен, поскольку, как только такие значения обнаружены, допущения, сделанные в их анализе, также должны быть прояснены. В свою очередь, их экспликация заставляет делать дополнительные допущения, и так *ad infinitum* («парадокс бесконечной триангуляции»). Чтобы избежать редукции в бесконечность, ученый должен удовлетвориться если не исчерпывающим, то *практически достаточным* объяснением. И до тех пор, пока оно не опровергнуто новыми интерпретациями, найденное объяснение должно быть временно принято. Экспликация собственных предпосылок,

Это требует экспликации неявных предпосылок, идолов и ловушек языка, почерпнутых из практики использования естественного языка в обыденном и научном мышлении. Рефлексивный анализ предпосылок социально-теоретического исследования позволяет достичь если не исчерпывающей, то практически достаточной степени «чистоты метода» как условия методологической корректности социально-научного исследования в когнитивных науках о человеке.

т. о., является бесконечным процессом, поэтому социальный ученый должен осознавать, что его научные открытия являются временными, «предпосылочными» истинами, зависящими от путей познания и способов интерпретации.

Л.А. Маркова

Полисубъектность как основа общения

Такие понятия как диалог, интерсубъективность, коммуникация в философии XX в. стали одними из наиболее часто употребляемых и формирующих основания многих философских систем. И эти системы, в свою очередь, определяют лицо философии прошлого века в её противостоянии (в её диалоге, точнее будет сказать) с философией Нового времени.

В нововременной логике, ориентированной в первую очередь на классическое научное мышление, нет места проблеме межсубъектного общения в любом его виде, будь то диалог, интерсубъективность или коммуникация. Дело в том, что в этой логике субъект один, и общаться ему не с кем каким бы то ни было образом. Напомню некоторые тезисы из философии Декарта, одного из основоположников нововременного, классического мышления.

Он пишет: «При изучении природы различных умов я замечал, что едва ли существуют настолько глупые и тупые люди, что они не способны ни усваивать хороших мнений, ни подниматься до высших знаний, если только направлять их по должному пути. Это доказывается следующим образом: если начала ясны и из них ничего не выводится иначе как при посредстве очевиднейших рассуждений, то никто не лишён ума настолько, чтобы не понять тех следствий, которые отсюда вытекают»¹. Другими словами, главное – это метод и умение им пользоваться.

¹ Декарт Р. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 308.

Методу можно обучить практически любого человека, большого ума для овладения методом не требуется. Нужны ещё и ясные начала, которые воспринимаются, как аксиомы, без доказательства, интуитивно. Субъект как чувствующий, мыслящий, осознающий себя как существующий – это интуитивно воспринимаемая предпосылка человека, осваивающего метод. Интуиция и дедукция – вот два действия разума, по мнению Декарта, «посредством которых мы можем прийти к пониманию вещей без всякой боязни обмана»². Создаётся аксиоматико-дедуктивный способ мышления, который нашёл своё наиболее полное воплощение в науке Нового времени.

Под истинными предпосылками, которые *каждый* может усмотреть умом, Декарт подразумевает убеждение человека, что он существует, что он мыслит, что треугольник ограничен только тремя линиями, а шар – единственной поверхностью и рядом других, столь же очевидных. Всё это любой человек может принять интуитивно. Каждый человек в своём мышлении должен стремиться к идеалу, который один и тот же для всех.

Субъект своей способностью мыслить представляет мыслящую субстанцию. А материальный мир как обладающий свойством протяжённости является субстанцией протяжённой. Субъект, познающий мир, один, и мир, познаваемый человеком, тоже один. По этому поводу Декарт пишет: «...не может быть многих миров, ибо... материя, природа которой состоит только в том, что она вещь протяжённая, занимает ныне все воображаемые пространства, где те или иные миры могли бы находиться...»³. Материя не обладает способностью мыслить, а мыслящая субстанция не обладает протяжённостью, они несовместимы и противостоят друг другу. Истина как итог познавательной деятельности *одного* субъекта, направленной на *один* мир, может быть только *одна*.

Научную революцию начала XX в. можно рассматривать как формирующую неклассическое мышление в естествознании, а также в философии. Поскольку философия Нового времени строилась во многом по образцу научного мышления, то такая его фундаментальная трансформация как революция не могла не стать одновременно причиной серьёзных перемен и в философском

² Декарт Р. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 84.

³ Там же. С. 359.

мышления. В то же время в рамках самой философии возникали новые проблемы, не решаемые прежними средствами. В результате сложилась ситуация, когда активному обсуждению подверглись незыблемые основания нововременного мышления, основания, которые ещё недавно воспринимались как не требующие обоснования, как нечто само собою разумеющееся. Я имею в виду три основных «столпа» классической науки: *один субъект, один мир, одна истина*. Именно они ещё Декартом были выдвинуты в качестве базисных оснований мышления, и отрицание хотя бы одного из них воспринималось как «разрушение до основания» всего мышления как такового.

Сама по себе возможность обсуждения этих начал, даже независимо от того, на чьей стороне находится тот или иной участник спора, свидетельствует о проблемности фундамента классической науки. Странники его прочности вынуждены обосновывать свою позицию, чего им не приходилось делать прежде. Более того, в целом ряде случаев они решаются на уступки своим оппонентам, что делает их позицию аморфной и менее убедительной. Чаще всего уступки касаются субъекта познания. Признаётся, что граница между субъектом и предметом перестаёт быть чёткой из-за того, что какие-то субъектные черты «на законных основаниях» включаются в получаемое научное знание. Субъектов много, поскольку субъектные черты индивидуальны. В противном случае всё опять свелось бы к одному субъекту. Однако если при этом продолжать утверждать, что предмет один и истина одна, то релятивизм неизбежен, возникает серьёзное логическое противоречие внутри позиции участника дискуссии. Нельзя не признать, что сторонники *неклассики*, которая, с их точки зрения, есть мышление принципиально иное, чем классика, часто попадают в логическую ловушку того же типа. А именно, они считают достаточным для обоснования своей позиции признание субъективных факторов в качестве элементов получаемого в науке знания, но не решаются утверждать, что и предмет эти факторы содержит, а значит, не только субъектов, но и предметов много, и истина как одна единственная под вопросом.

Всё дело, по-видимому, в том, что каждый тип мышления, и классический, и неклассический, представляет собой целостную систему, основанием которой служит *набор* базовых понятий.

Изъятие из этого набора одних элементов и сохранение других нарушает целостность мышления и приводит в большинстве случаев или к релятивизму, или к эмпиризму.

В настоящей статье не будут специально рассматриваться дискуссии по основаниям классического, неклассического, и постнеклассического мышления. На эту тему имеется много публикаций, и я буду исходить из того, что проблема существует, обсуждается и что уже можно говорить о результатах обоснования нового типа мышления. Эти результаты наиболее очевидны при рассмотрении философами места субъекта в мышлении и его характеристик. Разумеется, в анализе неклассического мышления, где доминирует отношение субъект–субъект, а не субъект–предмет, нельзя обойтись без понимания роли предмета. Это невозможно хотя бы потому, что неклассика приобретает свою логическую значимость только в диалогическом общении с классикой, как и наоборот. Новый способ мышления не выводится из предыдущего (мы помним проблему несоизмеримости у Т.Куна: прежние логические средства не работали), но вступает с ним в логические отношения нового типа, межсубъектные.

Межсубъектные отношения как основание нового типа мышления

Можно назвать три основных вида отношений между субъектами, которые специально анализировались философами прошлого века и в начале настоящего. Это отношения диалогические, интересубъективные, коммуникативные. Между ними, безусловно, существует разница, но есть и очень важная общая черта, а именно, все они базируются на предпосылке о наличии *многих* логических субъектов. Имеется определённая историческая последовательность появления этих философских систем, именно в том порядке, в котором я их перечислила: диалог, интересубъективность, коммуникация.

Специфика каждого из этих подходов определяется, в первую очередь, способом идеализации субъекта деятельности, вычленением тех или иных особенностей эмпирического человека, особенностей, которые востребованы именно для данной логической

структуры. Ведь и в классическом научном мышлении учёный как логический субъект обладает такой чисто человеческой способностью, как умение устранить все следы своей деятельности и себя как эмпирического существа из получаемых результатов. Чтобы знание было истинным, из всех эмпирически присущих учёному свойств выбирается именно это, его способность построить соответствующим образом эксперимент и сформулировать теоретические результаты как соответствующие предмету изучения, но отделённые от самого учёного жёсткой границей. В этом смысле и о знании в классической науке мы не можем сказать, что оно должно быть максимально освобождено от всего человеческого. Именно учёный ставит изучаемый предмет в экспериментальные условия, очень далёкие от привычных для него условий существования в природе или обществе. Человеческая деятельность неизбежно присутствует в получаемом результате. Однако это обстоятельство начинает осознаваться как значимое только из исторической перспективы XX в.

Диалог как основа логики

Первой формой логической полисубъектности во второй половине прошлого века стала *диалогика*. В её основание было положено различие между мышлением отдельных исторических эпох, таких как Античность, Средние века, Новое время. Для истории науки это означало отказ от двух параллельных историй – истории идей и социальной истории науки, каждая из которых развивалась по своим собственным законам. Новый тип мышления возникал на грани нового со старым из всей совокупности сопутствующих этому процессу условий, в число которых входили и возникшие на данный момент непреодолимые прежними логическими средствами проблемы в структуре научного знания, а также положение дел в культуре, философии, экономике, религии, в социальной структуре общества. Новое рождалось не дедуктивным выведением новых идей из старых, а его формированием в контексте, который содержит в себе не только научные составляющие. В результате возникали конфликтные отношения между рациональностью, например, Нового времени, и нарож-

дающимся мышлением XX в. Это обстоятельство зафиксировал Т.Кун в проблеме логической несоизмеримости фундаментальных научных парадигм.

В отечественной философии проблемы этого рода тоже активно обсуждались. Определённым итогом дискуссий на эту тему можно считать коллективную монографию, изданную под редакцией П.П.Гайденко, В.А.Лекторского, В.С.Стёпина «Рациональность на перепутье»⁴. Характерны сами названия глав этого издания. Вот некоторые из них: «Античный и новоевропейский типы рациональности: физика Аристотеля и механика Галилея» (П.П.Гайденко); «Форма и формула (ревизия платонистской философии математики в геометрии Декарта)» (В.Н.Катасонов); «Основоположения новоевропейской рациональности и проблема времени» (Д.В.Никулин); «Космология XX века: на пути к эпистемологическому сдвигу» (А.Н.Павленко) и др.

Диалогику (или логику культуры) как философию нового типа разрабатывал В.С.Библер в целом ряде своих трудов, прежде всего в книге «От наукоучения к логике культуры»⁵. Главное, считает Библер, чем определяется каждый тип мышления, это его *начала*. Но начало должно быть логически обоснованным, логично то, что обосновано логически. В противном случае начало не может быть логическим основанием последующего движения мысли. Диалог между философскими системами, между фундаментальными научными теориями есть спор логических начал, считает Библер. Но сам принцип начала парадоксален, и вот в каком смысле. Начало должно быть *исходным пунктом* данной теории, и вместе с тем оно должно быть *основанием* этой теории, лежащим *вне* её, вне логики. Только так можно избежать логического круга, и – добиться парадокса. Выход из положения Библер видит в том, что это внелогическое бытие должно быть понято как *другая* логика. В разные эпохи бытие понимается в разных формах актуализации. Познание – лишь одна из этих всеобщих форм. И именно в своей несводимости ни к одной из этих форм разумения бытие всё более полно воспроизводится в мышлении как нечто *вне-мысленное, вне-логическое*. Чем больше участников диалога, чем больше собеседников, «тем более несводим к той или иной логике бесконечно-

⁴ Рациональность на перепутье: В 2 кн. М., 1999.

⁵ Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. М., 1991.

возможный мир, тем более “колобок” бытия плотен, непоглощаем, загадочен, выталкиваем «во-вне» мысли»⁶. Философская логика диалога, полагает Библер, «актуализирует коренное разведение, расплюсование мышления и – бытия»⁷.

Но посмотрим на эту же ситуацию несколько иначе. Каждый новый собеседник диалога *изменяет* этот «колобок», этот мир во-вне логики, считает Бтблер. Но он изменяет его на свой лад, по-своему, подстраивает его под себя. Любая система «выбирает» из бесконечного разнообразия возможностей бытия изменяться именно те, которые соответствуют её формирующейся логической структуре. Происходит скорее не дальнейшее расплюсование мышления и бытия, а их совмещение. Проблемным становится и начало в его парадоксальности. Если *нелогикой* для каждой логической системы является *другая* логика, а таких других логик много, и общение с каждой из них даёт другой результат, то затруднительно говорить об однозначности логических начал данной конкретной системы, которые должны определять её особенность и своеобразие.

Не случайно Библер использует такое понятие, как «торможение». Оно обеспечивает в его системе защиту от ухода в бесконечность. Каждая логическая система обладает *бесконечным* количеством возможностей к общению и с прошлыми, и с будущими, как потенциальными, так и уже актуализированными собеседниками. Но если представить, что будут актуализированы все эти возможности всех систем, то между ними не останется никаких различий. Каждая индивидуализирующая ту или иную систему особенность неизбежно будет входить в число особенностей любой другой системы, у каждой из которых их бесконечно много. Поэтому Библер и предлагает остановить, затормозить процесс формирования новой логики на её общении с ограниченным числом участников диалога. Это, конечно, есть некоторый выход из положения, но проблема логической перспективы остаётся. В то же время, если «затормозиться» на индивидуальности и особенности каждого субъекта, и на том, что каждый из них трансформирует «колобок» бытия на свой манер, то рассуждать об увеличении противостояния субъект/предмет в лучшем случае можно, лишь предположив

⁶ Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. С. 312.

⁷ Там же. С. 405.

существование *одного* логического субъекта. Для него, действительно, предмет будет усложняться актуализацией всё новых и новых, содержащихся в нём и прежде, но неизвестных ему, характеристик.

Диалогика Библера свидетельствует о том, что отказ от логики Нового времени даётся непросто и порождает свои проблемы. Вполне оправданные поиски всеобщности для логики приводят или к её обнаружению в едином бытии, мире, предмете (этого не избежал, на мой взгляд, Библер), или в той или иной форме единого субъекта, чего не избежали представители интерсубъективности и коммуникативизма.

Интерсубъективность и коммуникация как способы общения

Эти понятия часто используются исследователями как взаимозаменяемые, и для этого, безусловно, есть основания. Не будем вдаваться в тонкости их различия и останемся в русле принятого большинством порядка их употребления. По сравнению с диалогикой, эти понятия на порядок уменьшают масштабы участвующих в общении субъектов. Здесь речь не идёт о споре логических начал, об основах бытия, о разных культурах и исторических эпохах. Логически значимыми становятся такие понятия, как научное (или любое другое профессиональное) сообщество, лаборатория, племя, представители которого разговаривают на незнакомом нам языке, просто группа людей, беседующих друг с другом. Научное сообщество у Куна послужило своего рода образцом для многочисленных последующих социологических исследований науки. Вопросы, непосредственно относящиеся к индивидуальному человеку и особенностям его общения с *другим*, становятся широко дискутируемыми. Очевидным здесь становится отношение я–ты, а не я–предмет⁸.

⁸ Среди самых последних отечественных изданий на соответствующие темы можно назвать: под ред. И.Т.Касавина книги: Коммуникативная рациональность. Эпистемологический подход. М., 2009; Социальная эпистемология: идеи, методы, программы. М., 2010; Эпистемология. Перспективы развития / Под ред. В.А.Лекторского. М., 2012; Знание в социокультурном пространстве / Под ред. В.С.Стёпина. М., 2011.

Если в диалогике субъект рассматривается как создатель, автор философской системы, а сама система (теория, тип мышления) как *произведение*, созданное человеком, а не детерминированное предметом, то интересубъективность и коммуникация предполагают общение одного индивидуального человека с другим, тоже индивидуальным. Между тем возникает та же логическая трудность. Индивидуальность может формироваться бесконечным количеством воздействий на человека, и внешних, и внутренних. Но не все возможности такого влияния оказываются актуализированными, во всяком случае, одновременно. Один и тот же человек проявляет себя по-разному в разных обстоятельствах. *Условия*, в которых человеку приходится действовать, определяют тип его поведения и *ограничивают* его индивидуальность конкретным набором характеристик, обеспечивающих успех его поведения именно в этом контексте.

В диалогике обычно не возникает трудностей с определением внешних воздействий на научную деятельность. В их число, как правило, включаются культура, философия, религия, общественное устройство, другие особенности, примерно такого же масштаба, той или иной исторической эпохи. По умолчанию, как нечто само собой разумеющееся, принимается, что особенности характера, хорошие или плохие отношения с коллегами или домочадцами, детали жизненного пути и прочие «мелочи», характеризующие субъекта деятельности, не могут играть хоть сколько-нибудь решающей роли в создании нового типа научной рациональности, в трансформации *логических начал* научного мышления. Что касается интересубъективности, то исследования, проводимые в этом направлении, ориентированы скорее на case studies, на ситуации незначительные с точки зрения глобальных исторических перемен. В этом случае обсуждению подлежат условия, делающие возможным разговор на ту или иную тему, совсем не обязательно нацеленный на решение серьезных проблем.

То, что объединяет диалог, интересубъективность и коммуникацию, – это необходимость наличия *разных* субъектов. Субъектов должно быть много, как минимум два, и они должны отличаться друг от друга. Иначе никакой диалог, даже обычный разговор невозможны. Если, однако, эти субъекты *ни в чём* не будут похожи друг на друга, то общение тоже невозможно. Что-то общее должно

быть, хотя бы язык, правила формальной логики, которые необходимо соблюдать. Не случайно в последние десятилетия появились и стали широко использоваться такие понятия, как научное сообщество, жизненный мир, поле референции, семейное сходство, лаборатория и др. Такого рода понятия определяют некоторый контекст, объединяющий участников той или иной деятельности, дискуссии, разговора. У них появляется возможность понять друг друга. В научное сообщество объединяются учёные одной специальности, поэтому они могут спорить, обсуждать общие для них проблемы. Здесь эффект получается тот же, что и в диалогике Библера с бесконечным, в потенции, количеством возможных собеседников. Чтобы зафиксировать, оформить индивидуальность, необходимо «выбрать» из бесконечного количества элементов окружающего мира те, которые имеют отношение к наличной проблемной ситуации.

Наиболее обсуждаемым и трудным становится отношение индивидуальный–общий. Главное препятствие на пути решения этой проблемы сторонниками интерсубъективности является, с одной стороны, признание ими того факта, что на *другого* человека нельзя смотреть, как на предмет, он не предмет, а собеседник; с другой стороны, для них неприемлема мысль, что не только другой человек, но и любая вещь как предмет их познания приобретает субъектные черты, в результате чего как минимум стирается резкая граница между субъектом и предметом. Нет абсолютно индивидуальных вещей, не имеющих ничего общего, и нельзя рассматривать предмет как один и тот же для всех, изучающих его.

Попытка Ю.Хабермаса выйти за пределы монологики

Центральные проблемы нового типа мышления получили серьёзное развитие у Ю.Хабермаса, творчество которого широко обсуждалось и продолжает обсуждаться в последние десятилетия. Для него нет сомнения в том, что «парадигма познания предметов должна смениться парадигмой взаимопонимания между субъектами, способными рассуждать и действовать»⁹. Первую парадигму Хабермас называет субъект-центрированной. Вторую – коммуни-

⁹ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. С. 306.

кативной. Субъект познавательного мышления, считает Хабермас, утрачивает своё привилегированное положение. В новой парадигме субъект отказывается от позиции наблюдателя, который относится к мировым сущностям как объективно существующим, а также вырабатывает совершенно *иное* отношение к самому себе. Если отдаётся предпочтение осуществляемым вербальными средствами отношениям между субъектами, то исчезает альтернатива между сверхмировым положением трансцендентального субъекта и эмпирическим Я. «Говорящий и слушающий напрямую договариваются в этом мире по какому-либо вопросу и общаются в пределах их совместной жизненной сферы... Вербальная ситуация обусловлена ограниченной определённой темой частью жизненного мира. Эта тема формирует горизонт и одновременно выделяет ресурс культурных ценностей, из которого участники коммуникативного процесса в своих попытках объяснить заимствуют согласованные образцы объяснений»¹⁰.

Отметим, что, характеризуя общение, Хабермас вычленяет в качестве определяющей это общение жизненную сферу, из которой собеседники черпают общие для них, понятные каждому из них способы взаимопонимания. Другими словами, каждая конкретная, особенная, отличная от других жизненная сфера обеспечивает людей, формируемых ею в то или иное сообщество, общими для них средствами коммуникации. Однако, по его мнению, эта жизненная ситуация не только обеспечивает условия для общения-разговора, но и сама может меняться в зависимости от темы дискурса. Влияние взаимное. Это очень важный момент. В субъект-центрированном модерне (в терминологии Хабермаса) познавательная деятельность субъекта (одного трансцендентального субъекта) выдавала знание, которое зависело в своей значимости и истинности только от предметного мира. Субъект был один, все остальные субъекты были для него предметами, наряду с любой вещью окружающего мира. В логической структуре получаемого знания субъект познания и его деятельность отсутствовали.

Хабермас предлагает включить самого человека в логику мышления, человека как способного к общению, к разговору с другим, которого он признаёт себе равным. Это означает, что в его системе присутствует уже много субъектов, отличающихся друг

¹⁰ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. С. 309.

от друга. Индивидуальность каждого из них и особенность, своеобразие общения в том или ином случае определяются жизненной ситуацией, контекстом, конкретными условиями. Далее перед Хабермасом возникает трудность: каким образом обеспечить связь между индивидуальными событиями общения, между разными жизненными мирами? И тут он тоже, как и многие другие, признающие неизбежность перехода к новому типу мышления, находит выход из положения в поисках *общего* начала индивидуальных событий. Приведу некоторые его соображения по этому поводу.

Хабермас считает необходимым подчеркнуть обязательное присутствие в мыслительной деятельности обоих типов разума. Он пишет: «Оперирующий в рамках коммуникативного действия разум ограничен не только внешними, вытекающими из конкретных ситуаций условиями; условия собственного осуществления вынуждают его раздваиваться, существовать в измерении исторического времени, социального пространства и телесно-ориентированного опыта. Содержащийся в словах разумный потенциал сплетён воедино с *ресурсами* всякий раз особенного жизненного мира»¹¹.

И несколько ниже: «...унифицирующее трансцендентальное сознание заменяют *конкретные* жизненные формы. В приобщении к культурным ценностям усваивается естественный тип поведения, интуитивно понятные солидарно-групповые действия и объявленные собственными ной-хау компетенции обобществлённых индивидов. Разум, выраженный в коммуникативном действии, способствует взаимопониманию, но только со слившимися в *особую* тотальность традициями, общественной практикой и всем комплексом телесного опыта»¹². Хабермас считает, что множественные особенные жизненные формы связаны друг с другом благодаря тому, что обладают общими структурами жизненных миров. «Эти общие структуры накладывают отпечаток на единичные жизненные формы, которые воспроизводятся только через ту среду, в которой происходят коммуникативные действия... Здесь и ключ к пониманию причин рационализации жизненного мира и постепенному высвобождению заложенного в коммуникативном действии разумного потенциала»¹³.

¹¹ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. С. 335.

¹² Там же. С. 336.

¹³ Там же.

В субъект-центрированном разуме трансцендентальный субъект не обладает никакими индивидуальными свойствами. Этим он отличается от эмпирического субъекта. Впрочем, от эмпирического субъекта отличается *любой* разум, т. к. любой разум опирается на *идеализацию* тех или иных особенностей субъекта, но никогда не включает в свои логические структуры эмпирического человека. И едва ли можно согласиться с Хабермасом, что формирование коммуникативного разума каким-то образом влияет на соотношение эмпирического и логического в разуме субъект-центрированном. В коммуникативном разуме субъект уникален, индивидуален, только благодаря этому и возможно общение. В то же время это субъект *разума*, субъект *мышления*, что стирает, по мнению Хабермаса, жёсткую границу между ним и трансцендентальным субъектом. Чтобы общение было рациональным, полагает Хабермас, оно должно включать в себя общие для всех участников моменты, такие как общая культура, история, традиции, язык, биологические особенности человеческого организма и т. д. Собственно, не так уж важно, какие именно общие черты называет Хабермас, их можно назвать и больше. Главное, что они *общие*, что они делают людей похожими друг на друга. И такая похожесть, безусловно, необходима для взаимопонимания. Сходство, *обобщение* лежат в основе идеи трансцендентального субъекта разума Нового времени. Ведь этот субъект не совпадает, отличается от любого эмпирического человека потому, что вообще не обладает никакими индивидуальными чертами, которые позволили бы сравнивать его с кем бы то ни было. Если идти по пути обобщения, по пути, на который встал Хабермас, то о рациональности общения можно говорить только в том случае, если признать наличие в нём рациональности классического мышления.

Заключение

Это не значит, разумеется, что общение возможно без наличия общих характеристик у тех, кто вступает в разговор. Оба полюса, и индивидуальный, особенный, и общий, объединяющий участников коммуникации, всегда присутствуют в любом дискурсе. Но в логических конструкциях мышления доминирует один из них.

Второй рассматривается как маргинальный, уходит в подтекст, становится элементом контекста. Отсюда и всеобщность как необходимое свойство логики формируется по-разному и с неодинаковым результатом. Только в этом случае можно говорить о появлении нового типа разума. Принципы коммуникативного мышления (уникальность, особенность) и субъект-центрированного (общее, то, что объединяет) противостоят друг другу, они разные, и именно это обстоятельство позволяет нам говорить о двух разумах, двух логических парадигмах. Коммуникативное общение между индивидуальными событиями как отличающимися между собой, между индивидуальными людьми, каждый акт деятельности которых определяется определённой жизненной ситуацией, приобретают философский, логический смысл лишь в том случае, если такой же тип общения установлен и между соответствующими типами мышления, в нашем случае между субъект-центрированным и коммуникативным.

Библер начал с анализа диалогического общения между разными типами мышления, Хабермас – с коммуникативного общения между конкретными, уникальными жизненными мирами. Но если следовать ходу рассуждений Хабермаса и искать рациональность и логическую всеобщность в идеях обобщения Нового времени, то мы неизбежно вернёмся к субъект-центрированной философии и в анализе индивидуальных событий. Мы будем сводить их к некоторым общим основаниям – культуре, социуму, истории, биологическим особенностям человеческой природы и пр. Коммуникативный разум уступит место субъект-центрированному. Ведь ни один из этих типов мышления не отрицает *эмпирического* существования ни одного из двух полюсов человеческого общения: ни необходимости различий между субъектами, ведь иначе был бы только один человек и общение невозможно; ни необходимости общих начал, без которых – полная изоляция индивидуальных, ничем между собой не связанных людей, общение опять невозможно. Но в каждой логике идеализируется, разрабатывается только один полюс, второй остаётся в контексте.

Всеобщность как свойство логики в коммуникативном мышлении состоит, по-видимому, в том, что идеализируется такая черта каждого человека как его индивидуальность, а значит, его способность к общению, поскольку любой другой человек отличается от

него и может быть его собеседником (с двойником, как и с предметом, общаться невозможно). Но это общее всем людям свойство в каждом человеке проявляется по-своему. Общее проявляется через индивидуальное, но уже не как общее, а как окрашенное особенностями каждого участника коммуникации, и это главное. В логической структуре коммуникации человек присутствует именно в таком своём качестве, и нельзя сказать, что здесь его меньше или больше, чем в логике Нового времени.

Д.В. Иванов

Другие сознания, инверсия спектра и индивидуальный язык

Одним из основных вопросов, на которые должна ответить эпистемология, является вопрос о том, возможно ли достоверное знание о мире. Необходимость ответить на этот вопрос обусловлена существованием скептической позиции, согласно которой у нас не может быть такого знания. Особым вариантом скептицизма является скептицизм относительно возможности достоверного знания содержания сознания других людей. Одним из аргументов в поддержку такой скептической позиции является аргумент инвертированного спектра (*the inverted spectrum argument*)¹. Данный аргумент основывается на следующей гипотезе. Находясь в одинаковой ситуации, воспринимающая один и тот же цвет и являясь при этом поведенческими и функциональными двойниками, два человека могут, тем не менее, обладать разным содержанием сознания. Однако аргумент инвертированного спектра может быть опровергнут. В предлагаемой статье, отталкиваясь от исследования коммуникативных аспектов вос-

¹ Подробнее о понятии инвертированного спектра см.: Shoemaker S. The Inverted Spectrum // *The Nature of Consciousness* / N.Block, O.Flanagan, G.Guzldere (eds.). Cambridge (Mass.), 1997. P. 648; Johnsen B.C. The Inverted Spectrum // *Australasian Journal of Philosophy*. 1986. 64 (December). P. 471–476; Lycan W. Inverted Spectrum // *Ratio*. 1973. 15. P. 315–319; Волков Д.Б. Аргумент Инвертированный спектр // Волков Д.Б. Бостонский зомби: Д.Деннет и его теория сознания. М., 2011. С. 180–194; Иванов Д.В. Функционализм и инверсия спектра // *Эпистемология и философия науки*. 2011. № 3. С. 82–98.

приятия цветов, анализируя то, каким образом в нашем языке функционируют ментальные термины, прежде всего термины, обозначающие цветовое восприятие, я демонстрирую, почему данный аргумент является неверным.

Картезианское представление о сознании как сфере внутренних, приватных, непосредственно данных состояний, знание о которых не подвержено сомнению и исключает возможность корректировки и исправления, является источником не только скептицизма относительно возможности познания внешнего мира. Подобное представление о сознании лежит в основе еще одной классической формы скептицизма – скептицизма относительно возможности познания содержания чужого сознания.

Этот скептицизм связан с простой идеей, к которой может прийти любой человек, а не только философ: вполне возможно, что окружающие нас люди воспринимают мир по-другому. Как мы можем быть уверены в том, что наш приятель так же видит мир, как и мы? Мы ведь не знакомы непосредственным образом с содержанием его сознания, нам доступно только лишь его поведение и различные физические состояния. Опираясь на эти косвенные данные, мы пытаемся по аналогии заключить, что если в сходных ситуациях мы ведем себя с товарищем одинаково, то он должен таким же образом воспринимать мир, как и мы. Однако подобное знание не обладает той несомненностью, которой, как предполагается, обладает знание наших собственных психических состояний. Подобный вывод по аналогии является ненадежным проводником к достоверному знанию, он всегда оставляет возможность того, что мы ошибаемся. Вполне представима ситуация, когда мы, я и мой приятель, глядя на голубое небо, восклицаем: «Какое небо голубое!». Однако при этом каждый из нас видит это небо по-своему. Можно даже представить, что цветовой спектр моего приятеля систематически инвертирован относительно моего спектра. Например, он воспринимает цвет неба так же, как я вижу цвет лимона, а цвет лимона представляется ему таким же образом, каким мне представляется цвет неба.

В философии гипотеза инвертированного спектра впервые была сформулирована Джоном Локком. В «Опытах о человеческом разумении» в главе «Об идеях истинных и ложных» он пишет следующее:

«Впрочем, идея голубого, имеющаяся у одного человека, может отличаться от этой идеи у другого. В наших простых идеях не было бы ничего от ложности и в том случае, если бы вследствие различного строения наших органов было бы так определено, что один и тот же предмет в одно и то же время производил бы в умах нескольких людей различные идеи; например, если бы идея, вызванная фиалкой в уме одного человека при помощи его глаз, была тождественна с идеей, вызванной в уме другого ноготками, и наоборот. Ведь этого никогда нельзя было бы узнать, потому что ум одного человека не может перейти в тело другого, чтобы воспринять, какие представления вызываются с помощью органов последнего; и потому не перепутались бы ни идеи, ни имена и ни в тех, ни в других не было бы никакой ложности. В самом деле, если все вещи, имеющие строение фиалки, будут постоянно вызывать в ком-нибудь идею, которую он назовет “голубое”, а все вещи, имеющие строение ноготков, будут постоянно вызывать идею, которую он также постоянно будет называть “желтое”, то, каковы бы ни были эти представления в его уме, он будет в состоянии так же правильно различать по ним вещи для своих надобностей и понимать и обозначать эти различия, отмеченные именами “голубое” и “желтое”, как если бы эти представления или идеи в его уме, полученные от этих двух цветков, были совершенно тождественны с идеями в умах других людей. Тем не менее я весьма склонен думать, что чувственные идеи, вызываемые каким-нибудь предметом в умах различных людей, всего чаще бывают очень близки и неразличимо сходны. Мне думается, в пользу этого мнения можно представить много доводов. Но так как это выходит за пределы моей настоящей задачи, то я не буду беспокоить ими читателя и только обращаю его внимание на то, что противоположное предположение (если бы его можно было доказать) мало полезно как для совершенствования нашего познания, так и для жизненных удобств. Нам нет поэтому нужды беспокоить себя его исследованием»².

Тот вид скептицизма, который стоит за этой гипотезой, нуждается в обсуждении, прежде всего, в связи с проблемой других сознаний (*other minds problem*)³, которую он порождает. Дубровский Д.И. следующим образом формулирует один из ключевых вопросов этой проблемы:

² Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1985. С. 444.

³ Подробнее о проблеме других сознаний см.: Hyslop A. Other Minds // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / E.N.Zalta (ed.). 2009; Avramides A. Other Minds. L., 2001; Wisdom J. Other Minds. Oxford, 1968; Остин Дж. Чужое сознание // Философия, логика, язык. М., 1987; Дубровский Д.И. Проблема «другого сознания» // Проблема сознания в философии и науке. М., 2009.

«Как возможно и как достигается познание (понимание) содержательно определенных состояний СР (*субъективной реальности – Д.И.*) другого существа, прежде всего человека (хотя это должно быть отнесено и к животным)?»⁴.

В общем виде суть проблемы других сознаний можно передать с помощью вопроса: возможно ли достоверное знание содержания других сознаний?

Если ситуация, представленная в гипотезе инвертированного спектра, может быть помыслена, то это позволяет нам сформулировать аргумент против функционализма – наиболее популярной на данный момент теории сознания, претендующей не только на решение проблемы сознания, но и на решение проблемы других сознаний. В этом аргументе нам предлагается представить ситуацию, когда два человека, тождественных друг другу с точки зрения наилучшего функционального описания их психических процессов, имеют различный качественный сознательный опыт при восприятии одних и тех же объектов. Иначе говоря, мы должны представить, что квалиа – качественные феноменальные свойства сознательного опыта – одного человека систематическим образом инвертированы относительно квалиа другого человека. Поскольку подобную инверсию трудно сделать наглядной, проще рассматривать инверсию квалиа на примере инверсии цветовых квалиа. Например, мы можем представить, что цветовые квалиа одного человека, назовем его Инвертом, инвертированы относительно цветовых квалиа другого человека, скажем, Нормы. Предположим, что Норма является примером человека с нормальным восприятием цветового спектра. Поскольку функционально Норма и Инверт идентичны, то когда оба восхищаются цветом неба, оба восклицают: «Какое сегодня голубое небо!». Однако при этом качественный опыт Инверта такой же, какой у Нормы, когда она воспринимает лимон.

Если ситуация, представленная сценарием инвертированного спектра, возможна, то функционализм ложен (очевидно, в этом случае также ложен бихевиоризм и любая когнитивистская теория, опирающаяся на предпосылки, лежащие в основе функционализма). Поскольку с точки зрения наилучшего функционального описания сравниваемые субъекты идентичны в своих психических

⁴ Дубровский Д.И. Указ. соч. С. 155.

состояниях, однако качественный опыт субъектов различается, постольку это значит, что функционализм не способен учесть это различие и упускает в своих объяснениях качественные аспекты опыта. Иначе говоря, он не является лучшей теорией, претендующей на объяснение природы ментальных состояний, и не может рассматриваться в качестве решения проблемы других сознаний.

В строгом виде аргумент инвертированного спектра можно представить следующим образом.

- (1) Ситуация инверсии спектра мыслима.
- (2) Если ситуация инверсии спектра мыслима, то она возможна.
- (3) Следовательно, инверсия спектра возможна.
- (4) Если инверсия спектра возможна, то функционализм ложен.
- (5) Следовательно, функционализм ложен.

Данный аргумент является разновидностью картезианских аргументов от мыслимости. Для того чтобы сохранить возможность решить проблему других сознаний с функционалистских, когнитивистских позиций, нам необходимо продемонстрировать неправомерность подобного вывода.

Оспаривая правомерность подобного вывода, многие философы атакуют третью посылку. Действительно, мы способны показать, что эмпирически такая ситуация невозможна. Если бы цветовое пространство было действительно симметричным, то ситуация инверсии спектра была возможна. Однако допущение симметрии цветового пространства возможно, если мы рассматриваем только цвета и их оттенки. Если же ввести еще два параметра, связанные с восприятием цвета, а именно насыщенность и яркость, то цветовое пространство станет ассиметричным, как это можно видеть на модели цветового пространства Манселла. Соответственно, инверсия цветового спектра некоего субъекта проявит себя в изменении поведения этого субъекта. Например, поскольку голубой цвет является более темным цветом, чем желтый цвет, инверсия этих цветов могла бы быть заметна, скажем, в поведении субъекта, когда он сравнивал бы цвет неба и солнца. Он мог бы подобно его нормальному двойнику воскликнуть: «Какое небо голубое!». Однако если при этом он добавит, что небо выглядит ярче, чем солнце, то мы увидим, что его восприятие отличается от нашего восприятия. Иначе говоря, он не будет нашим бихевиоральным и функциональным двойником.

Демонстрация асимметрии цветового пространства позволяет показать, что ситуация инверсии спектра эмпирически, или номологически, невозможна. Невозможно, чтобы два субъекта были тождественны друг другу бихевиорально и функционально, но при этом по-разному воспринимали бы цвета. Однако, к сожалению, демонстрация номологической невозможности инверсии спектра не позволяет нам избежать всех трудностей, которые возникают в связи с проблемой других сознаний. Допустим, нам удастся эмпирически показать, что всякий раз, когда имеется определенное функциональное состояние, оно сопровождается соответствующим качественным опытом. Означает ли это, что качественные состояния с необходимостью являются функциональными состояниями? Иначе говоря, означает ли это, что с помощью эмпирических исследований нам удалось показать, что о каком бы существе ни шла речь, если это существо демонстрирует наличие определенных функциональных состояний, то оно обязательно должно обладать соответствующим качественным опытом? Очевидно, основываясь только на эмпирических аргументах, мы не можем исключить возможность инверсии спектра. Соответственно, если мы хотим показать, что качественные состояния тождественны функциональным состояниям, мы должны исключить не только номологическую возможность инвертированного спектра, но и любую другую возможность, прежде всего концептуальную, этой ситуации. Решению этой задачи служат аргументы, опирающиеся на анализ коммуникативных аспектов цветового восприятия. Те, кто хотел бы показать ложность функционализма, признавая номологическую невозможность инвертированного спектра, указывают на его потенциальную возможность, на то, что метафизически или по крайней мере концептуально такая ситуация возможна. Например, такой позиции придерживаются Блок и Шумейкер. Как пишет Шумейкер,

«...даже если наш цветовой опыт нельзя инвертировать, то кажется очевидно возможным существование таких существ, которые во всех отношениях подобны нам, но чей опыт имеет такую структуру, которая позволяет подобное отображение, – существ, чей цветовой опыт инвертируем. А простой возможности таких существ достаточно, чтобы поставить философские проблемы, которые, как предполагалось, ставит возможность инвертированного спектра»⁵.

⁵ Shoemaker S. The Inverted Spectrum. P. 648.

Иначе говоря, Шумейкер пытается показать, что если в принципе возможна такая ситуация, когда структурированный определенным образом качественный опыт какого-нибудь существа, не обязательно человека, не связан с его функциональной организацией, то из этого следует, что и в нашем случае связь качественных аспектов психики с ее функциональными составляющими является случайной, а не необходимой, т. е. сущность качественно-го опыта не заключается в его функциональной организации.

Несмотря на то, что факт номологической невозможности инвертированного спектра не демонстрирует, что такая ситуация в принципе не возможна, он позволяет нам переложить бремя доказательства подобной возможности на оппонентов. Для того чтобы доказать хотя бы концептуальную возможность этой ситуации, любителям квалиа необходимо прежде всего продемонстрировать, что эта ситуация может быть помыслена.

Я полагаю, что вполне возможно вообразить ситуацию, предложенную сценарием инвертированного спектра. В конце концов, помочь в этом может обращение к реальным примерам различия в восприятии субъектов, по-видимому, тождественных друг другу, по крайней мере относительно поведенческих реакций. Например, можно вспомнить какие-нибудь случаи, связанные с цветовой слепотой, скажем, случаи дальтонизма. Джон Дальтон, будучи дейтеранопатом, т. е. человеком, страдавшим таким дефицитом восприятия цвета, который не позволял ему различать красный и зеленый цвета, только в зрелом возрасте обнаружил свое отличие от людей с нормальным восприятием цвета. Это значит, что его поведение в обычной жизни не позволяло ему или кому-нибудь другому выявить это отличие в восприятии.

Однако вообразить некоторую ситуацию не значит ее помыслить, т. е. представить ее концептуально непротиворечиво. В качестве воображаемой ситуация инверсии спектра не представляет угрозу для функционализма. Если же мы способны именно помыслить ситуацию инвертированного спектра, то из этого действительно следует ее возможность, по крайней мере концептуальная возможность. Несомненно, именно факт мыслимости инвертированного спектра представляет опасность для функционализма, но задача продемонстрировать, что это мыслимо, может оказаться очень непростой для любителей квалиа. Более того, как отмечали

многие философы в XX в., анализ того, как функционируют в нашем языке термины цветов, позволяет показать, что такая ситуация немислима в принципе.

Факт немислимости ситуации инверсии спектра в XX в. впервые пытались продемонстрировать позитивисты. В их работах мы находим активное обсуждение этой гипотезы. К этой гипотезе позитивисты обращались, прежде всего, в контексте обсуждения верификационистской теории значения. С точки зрения позитивистов, высказывания, не поддающиеся проверке, являются бессмысленными. Поскольку любые утверждения о тождестве или различии ментальных состояний двух субъектов, которые мы пытаемся сделать, формулируя гипотезу инвертированного спектра, не могут быть верифицированы, то эти утверждения и вся гипотеза в целом должны быть признаны бессмысленными. Подобного рода рассуждения мы находим, например, у Морица Шлика:

«Я рассматриваю два кусочка зеленой бумаги и устанавливаю, что они имеют одинаковую окраску. Предложение, утверждающее одинаковость их окраски, верифицируется тем, что за равное время я дважды переживаю одинаковую окраску... Затем я показываю эти два кусочка бумаги другому наблюдателю и спрашиваю: видит ли он зеленое так же, как и я? *Тождественно* ли его восприятие цвета моему восприятию? Этот случай *принципиально* отличен от только что рассмотренного. В то время как в первом случае высказывание было верифицировано переживанием тождества, небольшое размышление показывает, что здесь верификация невозможна. Конечно, второй наблюдатель (если он не страдает цветовой слепотой) также называет бумагу *зеленой*, и если я эту зелень попробую описать ему более подробно, скажу, например: она более желтоватая, чем вот эти обои; более голубоватая, чем сукно на биллиардном столе; темнее, чем это растение, и т. д., то каждый раз он будет соглашаться с моими высказываниями. Однако даже если все его суждения о цвете согласуются с моими суждениями, то отсюда я еще никак не могу заключить, что он переживает “то же самое качество”. Может случиться так, что при рассмотрении зеленых кусочков бумаги он переживает ощущение цвета, которое я назвал бы “красным”; напротив, в тех случаях, когда я вижу красное, у него ощущение зеленого, которое он называет “красным” и т. д.... верифицируемый смысл утверждения, что разные индивиды испытывают одно и то же ощущение, состоит только в том, что все их высказывания (и, естественно, поведение в целом)

обнаруживают согласованность. Данное утверждение *означает* только это и ничего, кроме этого. ...Высказывание о том, что два ощущения, принадлежащие двум разным субъектам, не только занимают одно и то же место в их системах, но *сверх того* еще и качественно тождественны, не имеет для нас никакого смысла. Такое высказывание не ложно, оно просто лишено смысла: мы не знаем, что оно значит»⁶.

Важно отметить, что подобные идеи до Шлика уже высказывал Готлоб Фреге в работе «Мысль: логические исследования»:

«Мой спутник и я убеждены в том, что мы видим один и тот же луг; но у каждого из нас своё особое чувственное впечатление зеленого. Среди зеленых листьев земляники я вижу ягоду. Мой спутник ее не замечает; он – дальтоник. Цветовое ощущение, которое он получает от ягоды, практически не отличается от того, которое он получает от листьев. Видит ли мой спутник зеленый лист красным, видит ли он красную ягоду зеленой? Или он и то, и другое видит как один цвет, который вовсе мне не известен? Это вопросы, на которые нет ответа; это, собственно, бессмысленные вопросы. Когда слово “красный” не обозначает свойство вещей, а предназначено для характеристики чувственных впечатлений, принадлежащих моему сознанию, оно применимо только в области моего сознания; в этом случае сравнение моих впечатлений с впечатлениями другого человека невозможно»⁷.

Тот факт, что Фреге высказывал идеи, подобные идеям позитивистов, на мой взгляд, демонстрирует, что немислимость инвертированного спектра не зависит от верификационистской теории значения. Действительно, нам не обязательно придерживаться взгляда, что осмысленными являются только те высказывания, которые мы можем проверить, чтобы убедиться в том, что эта ситуация немислима.

Однако, отказываясь от верификационистской теории значения, мы должны признать, что в каком-то смысле, говоря о верификации, позитивисты были правы. Если мы хотим помыслить некую ситуацию, мы должны понимать, при каких условиях наши высказывания о наличии или отсутствии этой ситуации будут истинными. Таким образом, если ситуация инверсии спектра мыс-

⁶ Шлик М. Позитивизм и реализм // Erkenntnis («Познание»). Избранное. М., 2006. С. 294–295.

⁷ Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Фреге Г. Логические исследования. Томск, 1997. С. 35.

лима, то у нас должно иметься понимание того, когда мы будем правы, утверждая ее наличие, а когда – нет. Если некто утверждает, что два субъекта, идентичные друг другу в отношении своих поведенческих и функциональных реакций, тем не менее обладают разным качественным опытом, то у него должны быть основания, которые позволили бы убедить нас в том, что это действительно так и что мы не ошиблись в описании этой ситуации. Однако каким образом мы могли бы убедиться, что мы не ошибаемся? Для этого у нас должна была бы иметься возможность непосредственно сравнивать качественные состояния этих субъектов. Но у нас нет такого доступа к сознанию субъектов, который позволил бы сделать подобное сравнение. Различие же в физической организации субъектов не является показателем различия их качественного опыта. В отношении же своего поведения и функциональной организации субъекты неразличимы. Таким образом, у нас вообще нет возможности хоть как-то сравнить субъектов, чтобы судить о тождестве или различии их качественного опыта. Это значит, что, пытаясь утверждать наличие или отсутствие инверсии спектра, мы никогда не поймем, в каких случаях это правомерно делать, а в каких – нет. Иначе говоря, подобного рода высказывания об опыте других субъектов будут совершенно произвольны, и их бессмысленно использовать для того, чтобы представить некую ситуацию как реальную возможность.

Высказывания о наличии или отсутствии инверсии спектра неverifiedируемы. Однако это связано не с тем, что нашему наблюдению не доступна какая-то часть реальности, как это может показаться, а, скорее, с прагматикой языковых выражений, включающих в себя ментальные термины, например, наименования ощущений. Этот момент был хорошо продемонстрирован в «Философских исследованиях» Витгенштейна.

В этой работе, критикуя концепцию индивидуального языка и картезианское представление о сознании, Витгенштейн затрагивает гипотезу инвертированного спектра:

«Выходит, можно было бы предположить, хотя это и нельзя проверить, что одна часть человечества имеет одно ощущение красного, другая же часть – другое»⁸.

⁸ Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М., 1994. С. 178.

Подобно своим коллегам, он демонстрирует, что ментальные термины, например, «красный», «боль» и т. д., просто не функционируют таким образом, как это предполагается данной гипотезой. Позиция сторонников этой гипотезы предполагает, что ментальные термины отсылают к особым внутренним психическим состояниям, скажем, квалиа, с которыми может быть знаком только их носитель. Правильное или неправильное употребление этих понятий определяется всецело наличием или отсутствием этих состояний. Однако такое понимание ментальных терминов оставляет непроясненным вопрос о критерии тождества употребления ментальных понятий.

С позиции картезианского представления о сознании и ментальных терминах мы должны были бы сказать, что у другого человека не может быть, например, моей боли, и то, что обозначается словом «боль», определяется тем, что я чувствую как боль. Можно сказать, что тождество употребления понятия «боль» определяется возможностью указывать на свою боль. Однако с такой позиции невозможно говорить о том, что два человека способны переживать одинаковую боль. И, тем не менее, как подчеркивает Витгенштейн, это не бессмысленно – утверждать, что другой человек может испытывать такую же боль, какую испытываю я:

«Поскольку высказывание о том, что у меня такая же боль, как у него имеет *смысл*, то и возможно, что мы оба испытываем одинаковую боль»⁹.

Очевидно, что такое функционирование ментальных терминов предполагает совершенно иные критерии тождества употребления ментальных понятий, которые не зависят от апелляции к внутренним психическим состояниям субъекта. Витгенштейн пишет по этому поводу:

«Я видел, как один из участников дискуссии по этому вопросу, ударяя себя в грудь, говорил: “Но ведь другой не может испытывать вот ЭТОЙ боли!” Ответ на это состоит в том, что критерий тождества определяется не путем выразительного акцентирования слова “этой”. Более того, этим акцентированием мы лишь затемняем то, что такой критерий нам известен, но о нем нужно напоминать»¹⁰.

⁹ Витгенштейн Л. Философские исследования. С. 173.

¹⁰ Там же.

Пытаясь представить тождество употребления того или иного ментального понятия посредством только указания на собственные ментальные состояния, мы сталкиваемся с аргументом Витгенштейна против индивидуального языка. Предположим, что картезианское представление о функционировании языка является верным. В этом случае должен быть мыслим такой язык, в котором слова функционировали бы таким образом, что только человек, использующий этот язык, мог знать, что они означают. Ведь значением слов такого языка являются только внутренние переживания этого человека. Такой язык Витгенштейн называет индивидуальным языком. В этом языке критерием тождества употребления языкового выражения, например, наименования некоего ощущения, является то, что человек способен не только самостоятельно установить связь между некоторым ощущением и ментальным термином, но всякий раз, когда возникает это ощущение, правильно воспроизводить эту связь – продолжать именовать тем же термином то же самое ощущение. Однако что будет критерием того, что я всякий раз правильно воспроизвожу эту связь? В случае индивидуального языка таким критерием может быть только то, что я правильно вспоминаю установленную мной ранее связь. Однако, как отмечает Витгенштейн, это означает, что я не обладаю критериями правильности употребления языковых выражений:

«“Я закрепляю для себя связь” может означать только одно: этот процесс обеспечивает то, что впоследствии я правильно вспоминаю эту связь. Но ведь в данном случае я не располагаю никаким критерием правильности. Так и тянет сказать: правильно то, что мне всегда представляется правильным. А это означает лишь, что здесь не может идти речь о “правильности”»¹¹.

Если память является единственным критерием правильности употребления ментального термина, то это значит, что я всякий раз использую его произвольно и что его употребление может не зависеть от наличия или отсутствия того ощущения, с которым этот термин был изначально ассоциирован. Ведь память может меня постоянно подводить. Например, я могу переживать то же самое ощущение, но если память меня подводит, и я полагаю, что первоначально закрепил употребление нужного ментального тер-

¹¹ Витгенштейн Л. Философские исследования. С. 175.

мина за другим ощущением, то я буду не в состоянии правильно воспроизвести нужную связь и применить термин, который я сам первоначально связал с этим ощущением. Напротив, если я переживаю другое ощущение, отличное от первоначального, но память ошибочно подсказывает мне, что я закрепил свой термин именно за этим ощущением, то я ошибочно буду использовать термин, полагая при этом, что я правильно воспроизвожу связь. Важно, что в любом случае мне будет казаться, что я правильно употребляю термин. Но, в таком случае, как верно заметил Витгенштейн, о правильности говорить некорректно. Правильное употребление подразумевает возможность ошибки, неправильного употребления, и главное, оно предполагает, что я могу заметить эту ошибку. Полагая, что я правильно употребляю некоторое выражение, я могу столкнуться с каким-то фактом, который заставит меня изменить свое мнение, убедит меня, что я ошибался. Но для этого такой факт должен не зависеть от того, что я считаю правильным. Очевидно, что концепция индивидуального языка не предполагает существования такой независимой от меня инстанции, относительно которой я мог бы выверить собственное употребление языковых выражений. По сути, это означает, что индивидуальный язык вообще не является языком, т. е. правилосообразной деятельностью, которая предполагает возможность ошибочного употребления языковых выражений, а главное, возможность корректировки подобного употребления.

Если индивидуальный язык невозможен, то мы должны признать, что критерии тождества употребления ментальных терминов не могут заключаться в нашей способности отсылать к собственным ментальным феноменам. Более того, значениями ментальных терминов вообще не являются скрытые ментальные феномены, о которых только я могу знать, каковы они. Можно было бы даже предположить, что сторонники инвертированного спектра в каком-то смысле правы, что, например, каждый из нас, называя нечто «красным», испытывает какое-то уникальное, характерное только для него ощущение, а кто-то вообще лишен каких-либо ощущений. Однако если при этом мы одинаково используем слово «красное» и в нашем сообществе не возникает систематического недопонимания относительно того, что обозначается этим словом, то все это означает, что употребление данного слова не предполагает

обращения к скрытым внутренним фактам чьей-то психической жизни. Витгенштейн иллюстрирует эту мысль с помощью мысленного эксперимента «жук в коробке».

«Предположим, что у каждого была бы коробка, в которой находилось бы что-то, что мы называем “жуком”. Никто не мог бы заглянуть в коробку другого; и каждый говорил бы, что он только по внешнему виду своего жука знает, что такое жук. – При этом, конечно, могло бы оказаться, что в коробке у каждого находилось бы что-то другое. Можно даже представить себе, что эта вещь непрерывно изменялась бы. – Ну, а если при всем том слово “жук” употреблялось бы этими людьми? – В таком случае оно не было бы обозначением вещи. Вещь в коробке вообще не принадлежала бы к языковой игре даже в качестве некоего нечто: ведь коробка могла бы быть и пустой. – Верно, тем самым вещь в этой коробке могла бы быть “сокращена”, снята независимо от того, чем бы она ни оказалась»¹².

В определенном смысле качественные состояния, представленные сторонниками возможности инвертированных квалиа как особые приватные события внутренней жизни субъекта, о которых может знать только субъект этих состояний, оказываются исключены из контекстов, в которых мы способны обсуждать и сравнивать психические феномены. Как отмечает Витгенштейн:

«Они не нечто, но и не ничто! Вывод состоял бы лишь в том, что ничто выполняло бы такую же функцию, как и нечто, о котором ничего нельзя сказать»¹³.

Но, как отмечалось выше, если мы не можем сравнивать непосредственно качественный опыт двух субъектов, то это означает, что гипотеза инвертированного спектра немислима. Соответственно, неправомерным оказывается скептицизм относительно возможности знания содержания других сознаний.

¹² Витгенштейн Л. *Философские исследования*. С. 183.

¹³ Там же. С. 185.

Е.Н. Князева

Конструирование в коммуникативных системах

Так называемая действительность является результатом процесса коммуникации.

Пауль Ватцлавик

Эволюционные аспекты: коммуникация в мире животных

Коммуникация, на первый взгляд, – это чисто человеческий феномен. На самом деле только сложные формы вербальной коммуникации являются прерогативой человека. Животные тоже общаются друг с другом, причем весьма интенсивно и изощренно. Коммуникация в живой природе – это обмен информацией между особями, а также в более широком смысле между живым существом и всей окружающей его средой, его жизненным миром – *Umwelt*, который создается, конструируется им и творит, конструирует его самого.

Согласно основателю эволюционной эпистемологии Конраду Лоренцу, сама жизнь есть когнитивный процесс. Эволюция есть также когнитивный процесс. А всякий сложный феномен познания включает в себя коммуникацию. Коммуникация используется животными для обозначения своей территории, для указания на то, как далеко находятся пищевой ресурс и насколько он богат, для предупреждения сородичей об опасности и т. д. Наиболее древние знаки коммуникации, которые практически выпадают в мире цивилизованного человека, – это запахи. Для собак запахи и распознающий их орган обоняния – основные средства коммуникации.

Прорывные исследования в изучении способов коммуникации животных были проведены нобелевским лауреатом Карлом фон Фришем. Он изучил сложный телесный язык медоносных пчел, так называемый «танец пчел», посредством которого они сообщают друг другу о местоположении и качестве источников питания.

О типе используемых ими для коммуникации танцев рассказывает нам П.Ватцлавик. Если обнаруженный пчелой нектар располагается в непосредственной близости, то пчела совершает так называемый круговой танец, который заключается в попеременно совершаемых движениях по полному кругу вправо и влево от источника. Если корм находится на среднем расстоянии от улья, то пчела совершает так называемый серповидный танец, который, если на него посмотреть сверху, похож на рисуемую пчелой восьмерку. Если же корм обнаружен на еще более далеком расстоянии от улья, то пчела совершает так называемый хвостовой танец, который заключается в том, что она продвигается на несколько сантиметров в направлении источника вперед, а затем совершает полукруг направо или налево, возвращаясь к исходному пункту своего движения, а затем повторяет свое движение вперед¹. Кроме того, фон Фриш установил, что в телесном языке пчел существуют «диалекты». Итальянские медоносные пчелы исполняют хвостовой танец, если источник питания удален более, чем на 40 метров, тогда как у австрийских пчел этот сигнал используется при удалении, по меньшей мере, на 90 метров. Поэтому австрийская пчела, скорее всего, «не поймет» свою итальянскую «коллегу» и улетит дальше, чем нужно, а итальянская пчела при получении подобного сигнала просто не долетит до источника питания. Язык пчел является эволюционно выработанным и врожденным приспособлением к окружающей среде.

Рассматривая происхождение коммуникации в едином процессе эволюции живой природы и истории культуры человечества, Конрад Лоренц показывает, что коммуникация возникает как побочный продукт ритуализации, развития ритуальных действий. Песни птиц, например, служат не только для обозначения своей территории, но и для привлечения партнеров, поиска самки. Коммуникация является самым древним достижением в ходе развития ритуалов. Вторым достижением было «приручение» действий, их канализация, что привело к развитию социальных форм поведения. Третье достижение – это возникновение новых мотиваций. А четвертое – это запрет на смешение двух видов

¹ См.: *Watzlawick P. Wie wirklich ist die Wirklichkeit? 8. Auflage. München, 2010. S. 15.*

или двух квази-видов, например культур и субкультур². В итоге в культурных сообществах коммуникация становится свободным обменом символами.

Интересно обобщить, каковы эволюционные истоки коммуникативной активности живых существ, а в связи с этим каковы основные черты коммуникации в мире животных и чем принципиально она отличается от человеческой коммуникации. Этой теме посвящены пространные исследования, проведенные в последние годы в Институте Конрада Лоренца по изучению эволюции и познания в Альтенберге под Веной³.

Во-первых, человек *обменивается символами, а животные – сигналами*. Это, казалось бы, принципиальное отличие. Символы человеческого мира обладают смыслами. Различают ли смыслы и творят ли смыслы живые существа в природе?

Развивающаяся в течение полувека интереснейшая область исследований биосемиотика изучает репрезентацию, значения, смыслы и биологическую значимость знаковых процессов, начиная с межклеточных знаковых процессов до поведения животных и семантических артефактов человека. В качестве предшественников биосемиотики обычно рассматривают Ч.Пирса, Я. фон Иксюля и Г.Бейтсона. Современная биосемиотика – это междисциплинарное направление исследований, включающее в себя целый ряд дисциплин от биологии и антропологии до философии и лингвистики и изучающее обработку знаков и сигналов живыми системами. Пытаясь продвинуть натуралистическое понимание эволюции и развития процессов в живой природе, зависящих от способности обрабатывать знаки, современная биосемиотическая теория предлагает новые важные концептуальные средства для научного исследования ума и смысла, систем искусственного интеллекта, изучения всего разнообразия форм невербальной коммуникации в мире человека, в мире животных и растений. С точки зрения этой теории и растения, и животные и даже от-

² Lorenz K. Die Rückseite des Spiegels. Versuch einer Naturgeschichte menschlichen Erkennens. München, 1973. S. 275.

³ Evolution of Communication Systems. A Comparative Analysis / Ed. by D.Kimbrough Oller and Ulrike Griebel. Cambridge (MA), 2004; Evolution of Communicative Flexibility: Complexity, Creativity, and Adaptability in Human and Animal Communication / Ed. by D.Kimbrough Oller and Ulrike Griebel. Cambridge (MA), 2008.

дельные клетки – всё вовлечено в семиозис – процесс превращения физических сигналов в условные знаки. Биосемиотика изучает мириады форм коммуникации и обозначения (придания смысла) внутри и между живыми системами⁴.

Жизнь, которая есть познание, представляет собой извлечение смысла (*living is sense-making*), отбор значимого и ценного и вовлечение этого в жизненный мир организма. Якоб фон Иксюль блестяще описал особенности когнитивных и жизненных миров различных живых организмов, введя понятие *Umwelt* – **специфического** окружающего мира, к которому приспособлен и который строит себе всякий биологический вид. Он показал, что когнитивный мир человека принципиально отличен от мира, скажем, клеща. Полевой клещ долго сидит на кончике травинки и весь его *Umwelt*, все, что имеет смысл и значение для него, – это только ощущение теплоты и масляной кислоты, исходящей от кожи и шерсти теплокровного животного. Как только по траве пробегает собака или лисица, он мгновенно расслабляет члены и падает вниз. Затем ему надо пробраться через шерсть животного и впиться в него, насыщая себя кровью и разбухая как пузырь. Он не любит красотой осеннего леса, как это делает человек, он не распознает нектары цветов, которые значимы для пчел, его знаки, которые несут для него жизненно важный смысл, – это только теплота и масляная кислота. Это тоже пример психомоторной интенциональности живого существа.

Во-вторых, в процессе эволюции живых существ возрастает *гибкость, гибкость коммуникации*. Умение подстраиваться под изменение ситуации в окружающей среде означает, по сути дела, повышение адаптивных возможностей живых существ, улучшения их способностей выживания. Ответ на сигнал зависит от контекста, от исторического контекста, предыдущего опыта, памяти, кроме того, живые существа могут обучаться через адекватное ситуации действие. Гибкость, пластичность форм коммуникации соответствует такому современному представлению из философии сознания, как ситуационность познания (*situated cognition*).

Ч.Сноудон, изучая обезьян, приходит к выводу: «Репродуктивно успешные особи – это, по-видимому, те, которые могут быстро отвечать на изменения окружающей среды. Контекстуально гибкая

⁴ Favareau D. Essential Readings in Biosemiotics: Anthology and Commentary. Heidelberg etc., 2010. P. V.

коммуникативная система обеспечивает возможность быстрой корректировки коммуникации в соответствии с изменениями окружающей среды»⁵. В то же время коммуникативные системы не как угодно пластичны, не как угодно могут подстраиваться под окружающий мир. Возможности их подстройки и тонкой настройки на окружающую среду и адресатов их коммуникации определяются формами их телесной организации, способами их двигательной активности и т. п.

В-третьих, восприятие живого существа непосредственно связано с действием, которое творит мир. Восприятие обусловлено особенностями телесной организации живого существа и формами его коммуникации с окружением. Каждый биологический вид в живой природе фактически живет в своем собственном экологическом окружении и собственном когнитивном мире. Разные виды живут в различных, часто не пересекающихся мирах восприятия, действия и коммуникации. Какова реальность сама по себе, как таковая, в своей собственной проекции? На этот вопрос ответить не так просто. Конрад Лоренц, например, как-то заметил, что в немецком языке слово «действительность» *Wirklichkeit* одного корня с глаголом «действовать» *wirken*⁶. То, что окружает живое существо, – это не вещи, а, по выражению Я. фон Иксюля, обстоятельства действия *Aktion-Dinge*. *Действительность творится в действии, а способности действовать, формы поведения и коммуникации у особей каждого вида разные*. Восприятие и коммуникация создают реальности разные для особей разных видов, разные – для детенышей и взрослых особей, разные – для творческой человеческой личности, которая завтра может быть непохожа на себя сегодняшнюю.

Глаз человека приспособлен к определенному «оптическому окну», отличающемуся от «окна» некоторых насекомых, питающихся нектаром (пчелы, бабочки, муравьи), способных видеть в ультрафиолете. Ухо человека устроено так, что слышит в определенном «акустическом окне», оно не способно воспринимать ультразвуковые сигналы, которыми пользуются для коммуникации некоторые животные, такие как дельфины и летучие мыши.

⁵ *Snowdon Ch.T.* Contextually Flexible Communication in Nonhuman Primates // Evolution of communicative flexibility. Cambridge (MA), 2008. P. 76.

⁶ *Лоренц К.* Кантовская концепция a priori в свете современной биологии // Эволюция. Язык. Познание. М., 2000. С. 21.

Мир голубя окрашен в пять цветов, перед бабочками открывается неожиданное великолепие мира в ультрафиолетовом свете, недоступное человеческому глазу, ночные животные (волки и другие хищные звери), как правило, не различают цветов, т. е. видят мир черно-белым, а палитра красок мира, предстающая перед человеческим глазом, широка и включает в себя множество цветов и оттенков цвета. В таком случае не имеет смысла вопрошать, каков подлинный цвет мира. Каждый вид живых существ в соответствии со способностями своего тела и своей нервной системы выявляет определенные аспекты или стороны окружающего мира.

В эволюционной эпистемологии вводится понятие «мезокосм». Мезокосм – это та часть окружающего мира, к которой адаптировался человек в ходе эволюции и которая обусловлена особенностями его телесной организации. «Когнитивную нишу человека мы называем “мезокосмом”, – пишет Г.Фолльмер. – Мезокосм – это мир средних размерностей: мир средних расстояний, времен, весов, температур, мир малых скоростей, ускорений, сил, а также мир умеренной сложности. Наши познавательные структуры созданы этим космосом, подогнаны к нему, для него и посредством него отобраны, на нем испытаны и оправдали свою надежность»⁷.

В-четвертых, коммуникация демонстрирует сложность познания и жизни живого существа. А сложность познания выражается в различных формах *самоорганизации*, кооперативного и когерентного поведения, возможности внезапного, эмерджентного рождения новых форм жизненной активности, познания, коммуникации. Самоорганизация связана с *эмерджентностью*, которая является важнейшим понятием в современной теории сложных адаптивных систем, каковыми являются биологические системы, человек – его тело и сознание, – социальные системы, информационные сети и т. п. Конрад Лоренц не любил слово «эмерджентность» и предложил слово фульгурация (от лат. *fulguratio* – **сверкание молнии**) для обозначения феномена рождения чего-то принципиально нового в эволюции.

⁷ Фолльмер Г. По разные стороны мезокосма / Пер. Е.Н.Князевой // Человек. 1993. № 2. С. 8.

Самоорганизация, эмерджентность, синергизм и эмпатия в процессе коммуникации

Коммуникация – это феномен, характерный для сложных адаптивных систем. А системы такого рода (биологические системы и системы социальные) обладают свойствами самоорганизации, эмерджентности, открытости (вернее, операциональной замкнутости), нелинейности. Сложность системы определяется числом элементов системы и сложности взаимодействий (в данном случае коммуникационных взаимодействий) между ними. Самоорганизация – это спонтанное, самопроизвольное возникновение порядка из беспорядка. С точки зрения теории сложных адаптивных систем можно поставить вопрос о том, какое количество элементов группы оптимально для самоорганизации и плодотворной коммуникации. Слишком большое число коммуницирующих существ может создать эффект толпы, когда теряется индивидуальность каждого. Длительная и креативная коммуникация между двумя людьми отнюдь не всегда возможна. Из истории человеческой культуры нам известны немногие примеры: Ландау и Лифшиц, Ильф и Петров... Слишком сложны коммуникативные отношения между двумя персонами, и в упомянутых случаях мы имеем дело, вообще говоря, с формированием симбиозных личностей, с их творческим взаимным срастанием. Оптимальное число участников для креативной коммуникации – это, пожалуй, численность сплоченной команды, 7–15 человек.

С представлением о самоорганизации коммуникативных систем связано представление об эмерджентных свойствах этих систем, возникающих в процессе их развития. Эмерджентность нельзя понимать упрощенно: это не просто спонтанность и непредсказуемость появления новых свойств. Когда говорят о непредсказуемости и непостижимости появления нового, как правило, подчеркивается только гносеологический аспект новизны. Эмерджентность, как и креативная случайность, укоренена в бытии, имеет онтологическое основание. Эмерджентность – это несводимость, нередуцируемость свойств целого (системы) к свойствам частей (элементов или подсистем). Это несводимость более высокоорганизованного к менее организованному, сложного к более простому, более высокого уровня иерархии к более низкому.

Эволюция вся состоит из качественных скачков, фазовых переходов, эмерджентных трансформаций, в которых творятся ранее неизвестные свойства. Эмерджентность – это способ рождения новизны в процессе эволюции природы и общества, а в данном случае – в коммуникативных системах.

Эмерджентность в коммуникативных системах проявляется как эмерджентность их свойств и эмерджентность смысла. Коммуницирующие со-возникают, появляются заново в процессе взаимодействия. Смысл также эмерджентен. Смысл не задан заранее и не дан нам, а творится тем, кто его извлекает, в том числе и самим творцом, завтрашним или послезавтрашним, который тем самым наслаивается на самого себя.

Сложные адаптивные системы демонстрируют феномен синергии. Синергия – это эффект холизма, когерентности, кооперативных эффектов, когда целое больше суммы частей, когда коммуникативная система порождает то, что иначе не возникнет у каждого из элементов. Ссылаясь на П.Корнинга, А.В.Олескин разъясняет смысл синергии для биосоциальных систем. Это, во-первых, *«синергия масштаба* (польза от увеличения размеров системы); например, “большая коалиция львов-самцов может более успешно овладеть группой самок... большая группа шимпанзе обычно более успешно охотится” (Корниг); во-вторых, *модификация окружающей среды* (пингвины в Антарктиде тесно прижимаются друг к другу и создают вокруг себя зону с достаточно высокой температурой); в-третьих, *распределение издержек и риска* (летучие мыши-вампиры делятся проглоченной кровью с менее удачливыми товарищами по колонии, снижая для них риск голодной смерти); в-четвертых, *обмен информацией (коммуникация)*; в-пятых, *комбинирование или разделение функций* (пример: гетероцисты у цианобактерий у цианобактерий фиксируют азот, остальные клетки осуществляют полный фотосинтез)»⁸.

Живые организмы – это не машинообразные сущности, как предполагал Декарт. Ч.Дарвин в своей книге «Выражение эмоций у человека и животных» (1872) показал, что животные обладают богатой гаммой эмоций, могут иметь симпатию по отношению друг к другу, порой действуют так, как будто имеют долг по отношению к своим сородичам. Симпатия – это эволюци-

⁸ Олескин А.В. Биополитика. Курс лекций. М., 2007. С. 73.

онное начало (происхождение) этики. Моральное поведение – это не что-то искусственное, а результат эволюции посредством естественного отбора.

Подобного взгляда придерживался и основоположник экономической теории Адам Смит, оказавший влияние на Дарвина. В книге «Теория моральных чувств» (1759) он высказал предположение, что симпатия, т. е. способность вообразить себя на месте другого и чувствовать другого как самого себя, – это основа нравственности. Смит еще не употреблял слова «эмпатия», вчувствование, по-немецки *Einfühlung*. Как становится ясным сегодня, подлинная коммуникация, т. е. коммуникация как творчество, невозможна без эмпатии, без ментального воображения и ощущения себя в позиции другого.

В рамках современной парадигмы энактивности познания, т. е. о вдействовании человека в среду, коммуникативное взаимодействие можно назвать энактивной деятельностью. Коммуницирующие, как целостные личности, обладают автономией, они операционально замкнуты, сохраняют свою личностную идентичность. Но их взаимодействие означает взаимную энактивацию, полагание и творение друг друга и друг для друга. Это партисипационное созидание самих себя и смысла в процессе коммуникации (*participatory sense-making and sense-making*). *Participatory sense-making* является основой социального познания⁹.

Энактивность подлинной коммуникации близка сопровождающему ее эмпатическому чувству. Не только опыт определяется внешним миром, но познаваемый нами мир нашим опытом. Участники коммуникационного взаимодействия являются и наблюдателями и деятелями: они включены в наблюдаемый мир и рассматривают мир с позиции внутреннего наблюдателя, в том числе и себя с позиции другого. А.Смит говорил о позиции беспристрастного наблюдателя, который, будучи включен во взаимодействие, может отстраниться от него и как бы посмотреть на себя со стороны. Способность к такому наблюдению по отношению к самому себе – это способность человеческого духа. По словам

⁹ См.: *De Jaegher H., Di Paolo E. Participatory Sense-making. An Enactive Approach to Social Cognition // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2007. Vol. 4. № 4. P. 485–507.*

У.Матураны, «все биологические процессы протекают как циклическая рекурсивная динамика, через которую живые системы возникают как исторические сингулярности»¹⁰.

Мир с позиции его внутреннего наблюдателя – вот перспектива энактивизма. Трудно поэтому провести грань между внешним и внутренним. Внутреннее и внешнее, оказывается, секретично связанными друг с другом. Это полностью в духе феноменологии М.Мерло-Понти, который писал: «Внутри и вне неразделимы. Мир полностью внутри меня, а я полностью вне самого себя». Или, как говорил Ф.Варела, «мир, который меня окружает, и то, что я делаю, чтобы обнаружить себя в этом мире, неразделимы. Познание есть активное участие, глубинная ко-детерминация того, что кажется внешним, и того, что кажется внутренним»¹¹. Субъект вбирает в себя мир, поскольку без остатка обращен к миру, разлит в нем. Это широко обсуждаемая сейчас проблема интернализма и экстернализма (extended mind) в философии сознания.

Созидание реальности в процессе коммуникации. Пауль Ватцлавик

Пауль Ватцлавик (1921–2007) – пионер семейной терапии, теории систем и философии конструктивизма. Как и фон Фёрстер, он родился и провел свое детство в Австрии. В 1950-х гг. работал в Институте аналитической психологии К.Г.Юнга в Цюрихе. С 1960-х гг. до своей кончины он осуществлял свою научную деятельность в Институте ментальных исследований Пало Альто (Калифорния, США), где основал научную школу психотерапии и теории коммуникации, краеугольным камнем мировоззрения которой является конструктивизм.

В качестве основополагающих положений конструктивизма Ватцлавика, изложенного в его работе «Реальность реальности» (1978), обычно приводятся его слова: «Мы конструируем реальность, в то время как мы полагаем, что мы ее воспринимаем». То, что мы

¹⁰ *Maturana H.R.* Self-consciousness: How? When? Where? // *Constructivist Foundations*. 2006. Vol. 1. № 3. P. 92.

¹¹ *Varela F.* Quatre phares pour l'avenir des sciences cognitives // *Théorie – Littérature – Enseignement*. 1999. № 17. P. 8–9.

называем реальностью (индивидуальной, социальной, идеологической), есть интерпретация, сконструированная посредством коммуникации и через нее. Пациент заключен в системную конструкцию, которая составляет его мир. Поэтому терапия должна заключаться в том, чтобы разрушить эту конструкцию. Видоизменяя тот способ, каким больной видит мир, других людей и самого себя, мы пробуждаем его силы побороть болезнь (его психотерапевтическая практика была связана с лечением шизофрении, депрессии, социально агрессивного поведения). На коллоквиуме по проблемам коммуникации Вацлавик говорил: «Невозможно не манипулировать». Лечащий врач тоже манипулирует, разрушает конструкции больного, изобретает реальность, которая может стать новой позитивной реальностью больного, в которой произойдет улучшение его состояния здоровья.

С точки зрения Вацлавика, не существует единственной реальности. Но то, что существует, – это различные версии реальности, которые могут даже противоречить друг другу. Предлагаемый им психотерапевтический метод «Будь спонтанным!» означает призыв к игре с реальностью (реальностью *als ob*), к мягкой взаимной подгонке к окружающему миру, к сотворению себя и мира с целью лучшей адаптации к нему.

Свою конструктивистскую теорию коммуникации Вацлавик построил на следующих пяти аксиомах.

(1) Невозможно не коммуницировать. Всякий поведенческий акт влечет за собой коммуникацию. Даже наш выбор не коммуницировать есть форма коммуникации.

(2) Всякая коммуникация имеет два аспекта: содержание (то, что хотят сказать) и отношение (манера говорения). Поскольку второй аспект охватывает первый, то второй аспект есть метакоммуникация (главное, не *что* нам говорят, а *как* нам говорят).

(3) Природа отношения (утверждение, оппозиция, отрицание) зависит от расстановки пауз в последовательности актов коммуникации между партнерами. Для установления гармонических отношений следует находить средства для возобновления отношений. Самое невыносимое – быть игнорируемым.

(4) Человеческие существа используют два способа коммуникации: цифровой (сложный логический синтаксис при недостатке семантики) и аналоговый (использование образов, персонафицированных историй, игры слов, цитат, переформулировок с богатой семантикой).

Всякий коммуникативный обмен является симметричным или дополнительным, смотря по тому, базируется ли он на равенстве или различии.

Эдгар Морен. Коммуникация как партисипация

Французский философ и социолог Эдгар Морен (р. 1921) широко известен ныне в мире как создатель эпистемологии сложного, принципов сложного мышления, позволяющих понять сложность мира¹².

Один из этих принципов – принцип повторного введения познающего и действующего субъекта во всякий процесс познания и действия. Этот принцип восстанавливает субъекта и отводит ему подобающее место в процессе познания. По мнению Морена, не существует «зеркального» познания объективного мира. Познание есть всегда перевод и конструкция. Конструкцией является и реальность, созидаемая в процессе коммуникации. Всякое наблюдение и всякое понятийное представление включают в себя знания наблюдателя, воспринимающего и мыслящего существа. Нет познания без самопознания, наблюдения без самонаблюдения, коммуникации без рефлексии о ней самой. Нет действия без ответного отклика окружающего мира (объекта воздействия), заставляющего субъекта корректировать свое действие, а потому он вводит представление об экологии действия.

Эпистемология сложного, т. е. эпистемологические принципы, надлежащие для познания сложного мира, обретает свою форму в ходе познания познания, которое включает в себя и познание пределов познания. Обнаружение противоречий и антиномий является для нас сигналом того, что мы сталкиваемся с глубинами реального. Познание познания свидетельствует о том, что мы познали всего лишь тончайшую пленку реальности. Единственная реальность, которая доступна нашему познанию, со-производится человеческим сознанием, силой его воображения. Реальное и воображаемое сотканы, сплетены воедино, образуют сложный комплекс нашего бытия, нашей жизни, нашей коммуникации.

¹² См. об этом: *Морен Э. Метод. Природа Природы / Пер. с фр. Е.Н.Князевой. М., 2005.*

Представление о полувоображаемой реальности Морен предложил еще в ранний период своей исследовательской деятельности, когда он занимался социологией кино. Реальность, которая предстает перед зрителем в кинокартине, – это «мир на расстоянии вытянутой руки». Эта реальность дана зрителю через отношение партисипации и ангажирования. Это мир творимый и творящий нас. Просматривая картину, зритель сопереживает героям и попадает в иную реальность. Он может сопереживать даже преступнику, находя в нем позитивные качества.

Ситуации схватываются с разных точек зрения. Они изменяются в зависимости от того, является ли человек в них участником или только внешним наблюдателем. Реальность виртуозного хирурга, хладнокровно и безошибочно осуществляющего сложную операцию, радикально отличается от той реальности, в которую он попадает, становясь наблюдателем этого процесса: он видит нечто иное, разверзнутую и терзаемую плоть, и может лишиться чувств.

Еще Платон говорил, что все люди пребывают во сне, и только философ бодрствует. Морен переформулирует эту мысль и говорит, что мы всегда «пробуждены» лишь частично, ибо обитаем в воображаемой, созданной нами самими реальности. Но мы не можем и полностью заснуть, ибо погрузиться в глубокий сон – значит растворить свое Я во вселенной, полностью отдаться реальности, что невыносимо для человеческой личности.

Дело в том, что, как справедливо говорил англо-американский поэт Т.С.Элиот, «человеческий ум не может выдержать слишком много реального». Человеческая реальность сама по себе является полувоображаемой. Эта реальность строится человеком, и она является лишь частично реальной. Тайна мира – в нас самих, мы не придаем этому значения, и поэтому она остается для нас непостижимой.

* * *

Итак, рассмотрение проблемы коммуникации с эволюционно-эпистемологической перспективой с подключением важных понятий из современной теории сложных адаптивных систем позволяет обнаружить новые и неожиданные аспекты этой проблемы. Это и созидание реальности в процессе коммуникации, и позиции внутреннего и внешнего, беспристрастного наблюдателя, и автономия, и открытость коммуницирующего субъекта, и партисипационное творение самого себя в процессе коммуникации, и партисипационное творение смысла и его эмерджентность.

И.А. Бескова

Коммуницирующие вселенные

Посетитель официанту, входя в ресторан: «В вашем заведении бывают омары?» – «Добро пожаловать, сэр, проходите, садитесь, мы всех обслуживаем».

Английский анекдот

Это конечно, самый простой вариант коммуникативной аберрации. Есть гораздо более изощренные, разобраться в основаниях которой подчас очень сложно, поскольку «судья» в ходе такого «разбирательства» оказывается вынужденным занять одну из оцениваемых позиций, тем самым утрачивая бонус непредвзятости вместе с возможностью взглянуть на проблему «со стороны». В результате устранить конфликт подходов далеко не всегда удается. И не только потому, что не ясно, кто же на самом деле «прав», а кто нет, но и потому, что «правы» в определенном смысле могут оказаться обе коммуницирующие стороны. И при этом сама коммуникативная ситуация предстает как глубоко тупиковая: кажется, что спорящие вообще не слышат друг друга, общение вызывает лишь раздражение, и в споре не рождается никакой истины.

В чем же причина подобного положения вещей? Результат ли это злого нежелания считаться с позицией другого, зачарованность ли собственной непогрешимостью? Или здесь таится некое объективное, трудно уловимое обстоятельство, которое и выступает предпосылкой того, что иной раз максимально возможной степенью понимания оппонента оказывается допущение возможности его правоты, *даже вопреки собственному здравому смыслу и собственному непосредственному опыту?*

Звучит довольно странно, однако попробуем вникнуть в существо проблемы.

Что мы обычно называем пониманием? В культуре технократической цивилизации понимание чаще всего – это нечто «умственное», выражающееся в акте встраивания поступившей информации в собственные концептуальные структуры, в собственную систему знания-мнения. Однако на мой взгляд, таким определением не исчерпывается содержание концепта «понимание», которое глубже и объемнее вышеприведенного. Чтобы обосновать свою позицию, коснусь вопроса о соотношении процессов восприятия и продуцирования информации.

В обыденном сознании эти акты предстают как противоположно ориентированные: восприятие – это нечто, имеющее отношение к поглощению, усвоению, «принятию в себя», а продуцирование – к выделению вовне того, что имеется внутри, к выведению наружу, излучению, в широком смысле отдаванию. Однако так ли обстоит дело в действительности? Есть основания считать, что подобный подход опрошает реальную сложность отношений этих двух процессов. В частности, известный антрополог, специалист в области психологии сознания Георг Кюлевинд показывает, что усвоение информации осуществляется в ходе ее внутреннего воспроизведения средствами собственной телесности уже в момент поступления сигнала. В качестве примера он приводит механизм воспроизведения на слух незнакомой мелодии: «При восприятии на слух слышимое оставляет свой след, отпечатывается на слуховых органах или на голосовых связках, там происходит, как у ребенка, впечатывание в телесность при одном только настрое внимания... Хороший логопед исправляет неправильно звучащий звук не в горле, а в слухе. Если звук будет услышан правильно, он будет правильно воспроизведен»¹.

Иными словами, восприятие и продуцирование могут быть поняты как сложный целостный процесс, в котором для того, чтобы нечто было правильно **воспринято**, в момент поступления сигналов оно должно быть правильно **воспроизведено** (т. е. **продуцировано** внутри себя) ресурсами собственной интегральной телесности². Это, на мой взгляд, неплохое обобщенное описание

¹ Кюлевинд Г. Звездные дети. М., 2005. С. 30–34.

² Под интегральной телесностью я понимаю недиссоциированную целостность <ум-тело>, в которой отсутствует разделение на «ментальное» и «физическое», привносимое в понимание феномена позицией диссоциированного ума.

предпосылок успешной коммуникации. Понимание в этом сложно организованном пространстве взаимодействия будет достигнуто в том случае, если субъект пойдет на то, чтобы использовать собственную интегральную телесность как инструмент для репрезентации поступающих сигналов. Однако человек не всегда готов это сделать. И здесь хотелось бы упомянуть о существовании так называемых да-тенденции и нет-тенденции.

Исследования показали, что так называемая «да-тенденция»³ складывается как следствие более разнообразного предшествующего личностного опыта субъекта⁴ и обуславливает следующую особенность восприятия: скорее модификации, не принадлежащие к данному классу, будут ошибочно причислены к нему, чем подлинные варианты прототипа будут необоснованно отвергнуты. И напротив, так называемая «нет-тенденция»⁵ формируется как следствие более однообразного предшествующего обучения и обуславливает противоположную особенность восприятия: скорее подлинная модификация некоторого прототипа будет ошибочно отвергнута, чем конфигурация, не являющаяся в действительности вариантом прототипа, будет неверно причислена к нему. При этом негативный ответ на запрос выражается не просто в формулировании соответствующего отрицательного суждения, а порождает комплексную перестройку многих систем организма, вследствие которой всё в человеке оказывается настроенным на отвержение, неприятие предлагаемого⁶. В результате возможность последующего продуктивного использования отрицаемой информации оказывается минимальной (а ведь известно, что даже из ложных идей, гипотез, теорий могут быть извлечены весьма нетривиальные и перспективные выводы). Кроме того, «нет-реакция» чаще всего предопределяет проигрышную стратегию поведения, когда, несмотря на осознание своей ошибки, субъект будет – даже вопреки здравому смыслу – внутренне сопротивляться изменению ранее

³ Склонность давать положительный ответ на вопрос о присущности предъявляемых конфигураций прототипу, представление о котором было сформировано у испытуемого заранее.

⁴ Имеется в виду формирование прототипа на основе предъявления значительно различающихся между собой конфигураций.

⁵ Склонность давать отрицательный ответ на вопрос о принадлежности некоторого данного объекта соответствующему классу.

⁶ *Posner M. Cognition: An Introduction. Scott. Illinois, 1973. P. 53–54.*

высказанной оценки. И напротив, готовность к позитивному отношению к воспринятому позволяет максимально продуктивно использовать его впоследствии. Стремление субъекта вычленить рациональное зерно, готовность признать и сильные стороны, справедливые моменты пусть и неприняемого в целом построения, даст возможность включить выявленные рациональные компоненты в собственные концептуальные структуры, что, естественно, обогатит их и позволит в ряде случаев продуктивно изменить угол собственного видения ситуации.

Таким образом, отсутствие готовности использовать собственную интегральную телесность как инструмент репрезентации поступающей информации («нет-реакция») обернется как раз невозможностью «услышать» другого, тем, что поступающая информация не будет воспринята и уж тем более размещена в собственных концептуальных структурах. Соответственно, взаимопонимание в подобного рода коммуникативном взаимодействии окажется изначально заблокированным.

Итак, я бы сказала, что продуктивное восприятие – это сложный процесс непрерывной трансформации собственной интегральной телесности вследствие репрезентации ее ресурсами поступающих сигналов в ходе постоянно осуществляющегося коммуникативного взаимодействия с контрагентом в широком смысле (это может быть среда, внутренний мир, иной человек или иное живое существо).

Вместе с тем выполнение упомянутых предпосылок еще не означает, что достижение взаимопонимания в акте коммуникации гарантировано. Иными словами, возможна ситуация, когда будет налицо готовность воспроизвести поступающие сигналы ресурсами собственной интегральной телесности, однако не будет такой возможности. Это произойдет в том случае, если прямой непосредственный опыт усмотрения природы объективной реальности будет достаточно различным у людей, вступающих в коммуникативное взаимодействие по тем вопросам, которые непосредственно увязаны с параметрами этих базовых отличий. Попробую пояснить.

Реальность для всех одна?

То, что мы воспринимаем объективную реальность, как для всех одинаковую, для тебя и для меня в равной мере и в одних и тех же аспектах данную, не означает, что так дело и обстоит в действительности. Исследования показали, что реальность открывается живому существу той своей гранью, которую это существо в состоянии (имеет возможность и готовность) воспринять. Мир пчелы, мир летучей мыши и мир человека будут различаться, поскольку к восприятию реальности окажутся обращены средства, ориентированные на фиксацию сигналов разной природы. Как справедливо отмечает Н. Тинберген, все живые существа – от низших на эволюционной лестнице до высших, – хотя и живут в одном мире, но «можно сказать, что они живут в разных мирах, т. к. каждое животное лучше воспринимает ту часть окружения, которая помогает ему процветать... Мир выглядит для нас таким, каким позволяют увидеть его наши органы чувств»⁷. Так, летучая мышь, в отличие от человека, способна воспринимать в ультразвуковом диапазоне, а пчела видит в ультрафиолетовом спектре. Реальности пчелы, человека и летучей мыши будут различаться.

Принимая этот известный и неоспоримый факт, мы почему-то не задумываемся о том, что то же верно не только по отношению к разным видам живых существ, но и применительно к разным представителям одного и того же вида, например, Ното. Иными словами, особенности организации наших средств восприятия, переработки и репрезентации информации, имеющие в значительной степени генетическую подоплеку⁸, представляющие собой вариации в границах

⁷ Тинберген Н. Поведение животных. М., 1985. С. 40.

⁸ Данные социобиологии свидетельствуют о том, что генетические вариации обуславливают изменения в когнитивных способностях, поведении, восприятии человека. В частности, это касается цветового зрения, остроты слуха, способности различения запахов и вкусов, экстравертированности-интровертированности личности, времени овладения языком, правописанием, особенностей формирующихся перцептивных и психомоторных навыков, времени прохождения стадий Пиаже, характера возникающих фобий, некоторых форм неврозов, психозов и др. Кроме того, были выявлены единичные генетические вариации, которые обуславливают когнитивные способности (данные Ахтона и др.). Стало также очевидным, что мутации в отдельном локусе могут выразиться в глубоких и очень специфических изменениях в архитектуре мозговых тканей (данные Ракик). Эти изменения не только мо-

нормы, обеспечивают то, что разным субъектам будут открыты к взаимодействию разные пласты реального. И в этом смысле можно сказать, что объективная реальность одного человека будет отличаться от объективной реальности другого, потому что они имеют разные по своим возможностям и ресурсам средства восприятия и переработки сигналов, поступающих из среды (хотя и близкие по базовым параметрам). И это одна из причин возникновения трудностей, известных как проблема *qualia*: не существует возможности передать другому точное знание того, что для тебя самого в твоём собственном внутреннем опыте будет «тихо» или «громко», «бледно-зеленое» или «блекло-желтое», «сладковатое» или «пересоленное».

Есть и еще один принципиальный момент, на который необходимо обратить внимание.

Любая система восприятия и переработки информации кодирует своими средствами лишь то, что соответствует ее собственной природе. И если в психике человека есть осознаваемые и неосознаваемые компоненты, значит, будут иметься как такие воздействия среды, информированность о которых преодолет барьер сознания индивида, так и те, что окажутся вне этого поля.

Например, человек, отдыхающий тихим летним вечером в месте, где обитают летучие мыши, в какой-то момент может испытать странное чувство напряжения и тревоги, хотя, если он этих существ непосредственно не видит, то не будет даже иметь представления о том, почему оно возникло. Тем не менее чувство напряженности может быть настолько отчетливым, что заставит его оглядываться в поисках источника неприятных ощущений непонятной этиологии. Это значит, что на уровне сознания соответствующее воздействие не представлено (считается, что сигналы в ультразвуковом диапазоне человек не распознаёт), однако же бессознательно им зафиксированы некие компоненты причиняющего дискомфорт воздействия.

Или же классический эксперимент с засветкой ладоней⁹. Проводились исследования, в которых испытуемым предлагалась ситуация, где на их ладонь сначала воздействовали обыч-

дифицируют поведение на локомоторном и перцептивном уровнях, но также влияют и на такие высокоуровневые функции, как осуществление выборов и принятие решений (Блисс и Эррингтон) (См.: *Lumsden Ch. J., Gushurst A.C. Gene-Culture Coevolution: Humankind in the Making // Sociobiology and Epistemology. Dordrecht, 1985. P. 9–10.*

⁹ Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. М., 1997. С. 173.

ным светом (при этом сами они не видели этого), а затем следовал не слишком сильный, но достаточно ощутимый удар током. Испытуемые могли его избежать, если им удавалось зафиксировать момент засветки ладони. Так вот, оказалось, что если их предупреждали, что существует некий предварительный сигнал о приближающемся неприятном воздействии, они *научались распознавать момент засветки*. Иначе говоря, под угрозой удара током и при условии информированности о том, что его можно избежать, если проявить достаточное внимание, *самые обычные люди* оказались в состоянии ладонью воспринимать свет. На уровне сознания такое воздействие не было представлено (испытуемые, даже научившись избегать удара, не могли определить ни свои ощущения, ни свои мысли по поводу этих ощущений: они «просто» убрали ладонь после ее засветки и перед ударом током). На бессознательном же уровне эти люди оказались способны зафиксировать данное воздействие.

Таким образом, среди *в принципе доступных* восприятию человека воздействий среды есть такие, которые он способен на сознательном уровне отследить и зафиксировать, и такие, которые он не способен осознать в обычных условиях. Тем не менее на бессознательном уровне многие из них распознаются и фиксируются, влияя и на поведение человека, и на его настроение, и на принимаемые им решения, и на общие оценки происходящего. Так вот, по моему убеждению, в основе общепринятого представления о наличии единой для всех объективной реальности лежит именно спектр воздействий, которые человек не просто воспринимает, но *способен осознать*, что они имеют место. Я же предлагаю расширить репертуар методологических средств за счет введения концепта *«индивидуальная объективная реальность»*, под которым буду понимать такие аспекты среды (внутренней и внешней), которые *вообще* воспринимаются человеком, включая и те, взаимодействие с которыми, хотя и имеет место, но в обычных условиях недоступно осознанию. Тогда получается, что индивидуальные объективные реальности всех людей различны и существуют наряду с неким усредненным *представлением* о единой для всех, общей объективной реальности.

Почему же люди убеждены, что объективная реальность для всех одна и та же?

Параметры сознания у современных, в данный момент, в данной культуре живущих людей в значительной степени совпадают, поэтому *осознаваемая составляющая* индивидуальной объективной реальности каждого конкретного члена сообщества будет практически идентичной (или по крайней мере весьма сходной). Так рождается стихийная убежденность в том, что объективная реальность на всех одна. На самом же деле объективная реальность (причем именно объективная, а не субъективная, что и так понятно), для каждого своя, просто *осознаваемая ее составляющая* – да еще в той своей части, относительно которой человек может *сформулировать* свои впечатления, – практически одинакова для людей, принадлежащих к одной культуре. В том числе и потому, что *язык, задающий и категориальные возможности выражения впечатлений, и сами границы осознания таких впечатлений, является для них общим*.

Поэтому можно сказать, что индивидуальная объективная реальность для каждого своя, но с достаточным на то основанием она воспринимается членами сообщества как *одна и та же, общая для всех* (и именно на этот аспект переносится стихийное убеждение в ее «объективности»). Происходить это будет потому, что из *объективно данного* субъекту в собственных непосредственных ощущениях **отдавать себе отчет** относительно наличия соответствующего опыта он будет лишь в той его части, которая *преодолела барьер сознания*. Иначе говоря, сам он будет иметь представление только об *осознаваемых* компонентах собственного опыта и, следовательно, только о *тех аспектах реальности, которые и обусловили формирование* таких компонентов. Те же составляющие собственных восприятий, впечатлений, состояний, которые остаются за порогом его сознания (хотя их источником послужили *не менее объективные аспекты реальности*), хотя и не войдут в осознаваемую им картину мира, тем не менее, на подсознательном и бессознательном уровне будут зафиксированы его репрезентативными системами. А это значит, что *компоненты окружающего, лежавшие в основе* соответствующих впечатлений, хотя и не будут субъектом отслеживаться как реально существующие и воздействующие на него, тем не менее составят важную часть *его индивидуальной объективной реальности*. По объему наверняка даже *большую, чем те, в собственном взаимодействии с которыми он отдает себе отчет*. Выражена же для передачи другим может быть еще меньшая

часть *действительно воспринятого* человеком. Потому что язык, как мы знаем, отстроен в соответствии с параметрами восприятия, *общими для всех* членов данной культуры, являющихся носителями сходного генетического материала.

Таким образом, нет оснований для того, чтобы говорить, что объективная реальность для всех одна и та же, не только потому, что мы не знаем, какова она для других, но и прежде всего потому, что мы *на уровне сознания не знаем*, какова она *для нас самих*. Мы знаем ее только в той части, восприятие аспектов которой зафиксировано нашим сознанием, но мы не знаем, какова она в той части, которая остается *вне* этого поля. (И уж тем более *относительно этой части* не можем сообщить другим о том, что реальность, по нашему внутреннему ощущению, такова.)

Проиллюстрирую этот вывод на примере выразительного средневекового дзэнского диспута, в котором противоборствующие стороны никак не могли прийти к согласию, а приверженцы разных подходов без устали осыпали друг друга оскорблениями и упреками в непонимании природы вещей и сути вероучения. Камнем преткновения оказался вопрос, нуждаются ли следующие по Пути в том, чтобы развивать свои возможности и свое понимание, или, изначально обладая совершенной природой будды, они должны всего лишь не замутнять ее? Если упоминать наиболее ярких представителей противоборствующих тенденций, то можно сказать, что с одной стороны это были приверженцы наставника Банкзэ, идеолога пути «молчаливого озарения», который считал, что человек изначально совершенен и ему нет нужды прилагать какие-то дополнительные усилия для того, чтобы реализовалась его подлинная суть. Всё, что требуется для достижения состояния буддовости, – просто ничего не предпринимать, поскольку по своей изначальной природе все мы уже будды. И его приверженцы действительно не считали необходимым прибегать к каким-то особым упражнениям и практикам, которым в других школах уделялось большое внимание и которые считались абсолютно необходимыми для успешного продвижения по Пути.

Противоположное воззрение наиболее рельефно представлено в духовной автобиографии дзэнского наставника Хакуина, которого призыв к бездействию и пассивности сильно возмущал. Он получил широкую известность как непримиримый борец с таким пониманием дзэн.

Приведу выдержки из его полемики с приверженцами пути «молчаливого озарения».

«О монахи! О наставники! Не можете же вы все, все до единого стать ворами! “Ворами”, то есть теми последователями дзэн “молчаливого озарения”, воровством которых ныне наводнена вся страна... Такие наставники приносят миру огромное количество зла, чернота которого превосходит тьму пяти великих прегрешений»¹⁰.

И далее: «В последние сто лет... появилось множество защитников слепого, сухого пути дзэн “молчаливого озарения”. По всей стране они собираются в толпы, презрительно шелкают пальцами и бормочут: «Большие сатори восемнадцать раз! Малые сатори без числа! Смешно! Если ты просветлен, так ты просветлен, а если нет, так нет!.. Как вообще можно сосчитать моменты просветленного счастья, ведь это же вам не понос!..¹¹ Нужно попросту быть Буддой, как это делаем мы, как “закрытые деревянные чаши, простые, не покрытые лаком”»... Эти люди говорят правду: они действительно ничего не делают. Они не утруждают себя дзэнскими упражнениями, им не присуща даже малая частица мудрости. Подобные медлительным барсукам, они проводят жизнь в ленивой дремоте. Их жизнь совершенно бесполезна, о них забывают сразу после их смерти... Пусть начнется потоп или разверзнется ад, они все равно будут повторять: “Какие мы есть, все мы будды, подобные пустым нелакированным чашам” и поглощать свою тарелку с кашей изо дня в день. Так они избавляют себя от пота и тягот, известных даже лошадям. Подушки с мусором! Вот все их заслуги»¹².

«Я отвечаю им: “Вы должны знать, что существуют пятьдесят две ступени, которые проходит каждый бодхисаттва, прежде чем становится Буддой. Первая из них – это зарождение сознания и веры, а последняя – достижение высочайшего просветления. Одни

¹⁰ Дикий плющ. Духовная биография дзэнского наставника Хакуина. СПб., 2001. С. 81–83.

¹¹ Филиппика сторонников дзэн молчаливого озарения адресована непосредственно наставнику Хакуину, личностный опыт которого как раз и включал 18 больших сатори и малые сатори без числа. Большими он считал те, которые приводили к радикальной трансформации его миропонимания и даже внешне проявлялись в таких крайних формах безрассудного поведения, которое, по его собственным словам, со стороны могло выглядеть как поведение умалишенного.

¹² Дикий плющ. Духовная биография дзэнского наставника Хакуина. С. 169–171.

достигают просветления постепенно, к другим оно приходит внезапно. Некоторые достигают полного просветления, а некоторые лишь частичного. Если вы не заблуждаетесь в том, что ваша таковость “простых чаш” может “быть как она есть”, тогда ошибочными были все эти древние рассуждения о ступенях бодхисаттвы. Если же знание о ступенях, пришедшее нам из прошлого, истинно, тогда вы, которые остаетесь такими, какие есть, подобно “простым чашам”, совершенно заблуждаетесь»¹³.

Как видим, наставник Хакуин в обоснование своей позиции, кроме ссылок на личностный опыт просветления, приводит даже чисто логические аргументы. Последнее, казалось бы, должно убедить оппонентов в его правоте, однако же не убеждает. В той же мере не удается преуспеть в диспуте и сторонникам дзэн «молчаливого озарения».

Итак, имеются два противоположных взгляда на один и тот же предмет. Относительно него на протяжении десятилетий ведутся ожесточенные споры, но никто никого не может ни в чем убедить. При этом спорящие – люди нормальные и более того, некоторые из них достигли просветления, тогда как придерживались противоположных воззрений на предмет дискуссии. О чем свидетельствует такая коммуникативная ситуация?

На мой взгляд, о том, что реальность и такова, какой она видится представителям одной школы, и такова, какой она видится сторонникам другой. Но как это возможно, ведь их взгляды по обсуждаемому вопросу противоположны?

Подобный парадокс я объясняю тем, что индивидуальные объективные реальности приверженцев одного подхода (и, как следствие, реальность **их** консенсуса) по определенным базовым параметрам кардинально отличаются от индивидуальных объективных реальностей приверженцев другого направления (и, как следствие, реальность **их** консенсуса). Поэтому **непосредственный личностный опыт** этих людей **различен**, даже противоположен, вследствие чего самоочевидное, буквально данное **в собственном непосредственном переживании** («на кончиках пальцев»), и в силу этого бесспорно истинное для тебя, будет **неубедительным** для того, параметры индивидуальной объективной реальности которого в этих моментах принципиально иные.

¹³ Дикий плещ. Духовная биография дзэнского наставника Хакуина. С. 171–172.

Я вижу и еще одну глубинную причину для фундаментального взаимного непонимания коммуницирующих сторон в ситуациях сложных концептуальных споров: это обращенность к восприятию мира *диссоциированного ума* человека, т. е. инструмента, который изначально видит имеющееся сквозь призму двойственности. Ведь именно с позиции диссоциированного ума любой феномен предстает как дуальный, такой, в котором есть Р и не-Р или который может быть адекватно описан со ссылкой на наличие или отсутствие у него свойств Р и не-Р. Данный «фильтр» двойственного мировидения есть то, что объединяет огромное большинство людей (за исключением тех, кто находится на *до*диссоциативной стадии – младенцы и маленькие дети, и тех, кто в акте просветления преодолел подобную двойственность – можно сказать, находится на *пост*диссоциативной стадии). Поэтому все они, несмотря на индивидуальные различия в специфике организации органов восприятия и переработки информации, воспримут реальность как такую, которая **в принципе допускает** описание в форме, сводимой к констатации наличия Р или не-Р. А дальше уже – именно в силу личностных особенностей, обусловленных спецификой генетической организации, личностной историей формирования и развития данного конкретного индивида, характером сформировавшихся на этом поле возможных наклонностей и предпочтений, стереотипов самой разной природы, и т. п., – одни из них сделают акцент на одном, а другие – на другом. Иными словами, предпочтут огрубление континуума по указанному параметру либо в одну сторону, либо в другую. На этой основе и возникнут взаимоисключающие позиции, приверженцы которых будут спорить и не находить точек соприкосновения, потому что, двигаясь от единой недואльной реальности, они отправились в разных, точнее, в противоположных направлениях.

Итоги

Итак, каждый из нас представляет собой целую вселенную смыслов, которые составляют для него привычное, повседневное поле существования и в которых он чувствует себя как рыба в воде. Но то, что именно **эти** смыслы оказываются для нас ограниченны-

ми – не случайность и не только результат воспитания и личностной истории. Само это обстоятельство производно от того, что разным индивидам открыты, буквально даны «на кончиках пальцев», разные пласты реального, обуславливающие индивидуальные детали и оттенки содержания, казалось бы, таких понятных общих языковых единиц. И сделать свой опыт и свои смыслы непосредственным достоянием другого – даже в акте самой полной, самой безупречной коммуникации – невозможно именно потому, что за выражением естественного языка, которое используется каждым из нас в коммуникативных целях, у каждого – своя индивидуальная объективная реальность.

Близкая по звучанию проблематика анализируется представителями Гарвардской школы переговоров¹⁴. Однако они делают акцент на той мысли, что каждому дана лишь часть универсума и для каждого человека она своя. Относительно совпадающей части могут быть истинные и ложные мнения, и здесь имеет смысл вести обсуждение, тогда как в отношении того, что дано одному и не дано другому, диалог бессмыслен. Отличие моей позиции заключается в том, что я стремлюсь ввести дополнительное измерение перспективности коммуникативного эпизода: а именно, измерение «осознавания – неосознавания» наличия информации по некоторому параметру. Дело в том, что даже в числе данного **обоим** представителям коммуникативного взаимодействия есть такие составляющие, в которых они способны отдавать себе отчет, и такие, о которых на уровне сознания они не осведомлены. Поэтому объективное совпадение открытых к контакту с данным конкретным субъектом сфер реального – недостаточное основание для того, чтобы предполагать, что консенсус по интересующему параметру возможен. Ведь относительно данного в непосредственном опыте может наличествовать, а может отсутствовать информация, **преодолевшая барьер сознания** индивида, и следовательно, такая, в наличии которой он отдает себе отчет и может обсуждать это с другими участниками коммуникативного эпизода.

Понятие индивидуальной объективной реальности мне понадобилось ввести для того, чтобы выразить наличие таких реально представленных составляющих воздействий среды, в которых

¹⁴ Фишер Р., Юри У. Путь к согласию или переговоры без поражения. М., 1990; Юри У. Преодолевая «нет» или Переговоры с трудными людьми. М., 1993.

даже сам человек **не отдает себе отчета**. Хотя они объективно имеют место и в его неосознаваемой картине мира представлены, а следовательно влияют и на его оценки, и на его состояния, и на принимаемые им решения, **и на отстаиваемые позиции**. Но именно то обстоятельство, что он **сам не знает об этом массиве данных**, обуславливает то, что он никому ничего сообщить на этот счет не может, а значит, и научить не может и убедить не может, хотя зачастую верит, что объяснить и научить другого возможно. **Невозможно**, – именно потому, что он не будет иметь представления о том, **чему** следует научить, поскольку эта информация **в его собственном сознании не представлена!**

Таким образом, для меня ключевой момент здесь такой: дело не в том, что нам непосредственно даны разные фрагменты реального, а в том, что в числе объективно данных есть такие, о которых мы никогда ничего не **узнаем** (по крайней мере до тех пор, пока наше восприятие и наши органы чувств таковы, каковы они есть). То есть фокус не в том, что мы знаем о мире *разное*, потому что он нам открыт по-разному, а в том, что **сам я не знаю, каким он мне открыт**, поскольку огромный массив данных никогда не окажется в сфере моего сознания. И при этом лежавшие в основе этого массива воздействия среды абсолютно объективны и реально имеют место.

Поэтому я считаю, что в коммуникативных взаимодействиях полезно волевым усилием ориентировать себя на то, что в воззрениях оппонента может содержаться зерно истины, **даже вопреки твоему** – *в непосредственных ощущениях данному* – опыту. «Датенденция» в этом случае окажется хорошей страховкой, позволяющей не упустить действительно ценное, что может содержаться в позиции оппонента, которая буквально по всем параметрам противоречит твоей собственной, такой очевидной, доказательной и бесспорной в свете **твоего** личностного опыта, сформировавшегося в результате регулярного контакта с типом индивидуальной объективной реальности, открытой **тебе**.

А пытаться переубедить другого в ситуациях коммуникации по каким-то глубинным проблемам, имеющим отношение к базовым аспектам мироустройства, так или иначе выводящим на специфику организации индивидуальной объективной реальности каждого из спорящих, – так же невозможно, как силой собственной воли развернуть перед ним тот пласт реального, кото-

рый открыт к взаимодействию с тобой. А ведь именно специфика организации этого слоя непосредственно данного как раз и обуславливает то, что окажется стоящим за общими понятиями в сфере личностных смыслов каждого из нас, поскольку из контактов с именно **так** ощущаемой-переживаемой реальностью каждый извлекает свои смыслы.

Осознание того, что поле твоих личностных смыслов никогда не станет в полной мере достоянием другого человека, поможет не пытаться навязать собственное понимание и собственное мироощущение другому, а другому – не спешить с порога отвергать то, что противоположно его собственной – такой очевидно верной **для него самого** – позиции.

Е.Н. Шульга

Символический интеракционизм и проблема понимания

Коммуникативный аспект человеческих взаимодействий интересен для современных исследователей (философов, психологов, социологов) в силу того, что коммуникация, сопровождая повседневную жизнь людей, затрагивает фундаментальные аспекты человеческого понимания. И если эпистемология рассматривает проблематику понимания в связи с познанием, указывая на понимание как на важный элемент, организующий процесс познания, то философская герменевтика изучает понимание в связи с интерпретацией, придавая эпистемологический смысл всему, что подлежит истолкованию. Фундаментальность понимания очевидна, в особенности, когда объектом исследования выступает соотношение «коммуникация – понимание». Коммуникация предполагает понимание. Со своей стороны взаимопонимание людей – это и есть результат успешной коммуникации. Ярко выраженная социальная направленность коммуникации как деятельности, изучение многообразных условий таковой, наконец, выдвигание основополагающих концептуальных положений, касающихся сути процесса понимания в связи с коммуникацией – все это круг философских вопросов, относящихся к области социологической науки.

Современные историки науки выделяют в социологии две большие группы теорий. Одну образуют *структурные* (или макросоциологические) парадигмы, в которых общество рассматривается как единое целое. (Эту идею отстаивал марксизм, а также функционализм в лице О.Конта, Г.Спенсера, Э.Дюркгейма,

Т.Парсонса.) Другую группу составляют *интерпретирующие* (или микросоциологические) парадигмы. Именно в них поведение людей предстает как социальное действие, нуждающееся в интерпретации. Сторонники микросоциологической парадигмы изучают не само общество как целостность со всеми входящими в него социальными институтами (государство, религия, семья и т. д.), а исключительно человеческие взаимодействия. Те, кто придерживается интерпретирующей парадигмы, сходятся во мнении, что ученым следует понять поведение людей для того, чтобы раскрыть то уникальное значение, которое сами люди ему придают. Это предполагает наблюдение за поведением людей в различных ситуациях, объяснение мотивов человеческих поступков и действий и т. д. Основываясь на характере мотивации, систематизируя и придавая им поведенческий смысл, ученые стремятся понять специфическую природу коммуникации.

Попытку познать природу человеческих взаимоотношений и при этом не ограничиваться изучением мотивов поступков людей мы обнаруживаем в теории (концепции) «символического интеракционизма». Эта концепция интересна тем, что в ней находит отражение устремленность исследователей к познанию природы понимания на его сущностном уровне и рассматриваемой в контексте реализации социальной деятельности людей. Две важные позиции определяют проблемное поле данной концепции – это жизнь (рассматриваемая с точки зрения ее символического воплощения) и язык (речь), прежде всего, символы языка. Символический интеракционизм выдвигает идею, согласно которой социальный мир людей может быть представлен как бесконечное множество разнообразных символов. Символы придают значимость человеческой жизни и создают тем самым основу для интеракции – взаимодействия людей друг с другом в процессе коммуникации.

Но символ не просто обозначает какой-то предмет или событие. Символ описывает эти события особым образом – он опосредует и одновременно определяет реакцию на него. Это направляет восприятие человека на постижение значений тех общепринятых символов, которые обеспечивают интеракцию. Для осуществления интеракции каждый, кто вовлечен в коммуникативный процесс, должен распознавать и одновременно интерпретировать намерения других людей. Такой процесс обеспечивается благодаря

«принятию роли», которая примиряет одного человека с другим в процессе общения; и эти роли могут меняться местами в процессе коммуникации.

На первый взгляд кажется, что для распознавания намерений партнера по общению человеку достаточно включить собственное воображение или поставить себя на его место. Однако для понимания истинных намерений и скрытых мотивов поступков людей одного воображения бывает недостаточно, поскольку *понимание другого* оказывается возможным в силу большой приспособляемости человека к внешней среде. Такая способность (понимать) квалифицируется как эволюционно эпистемологическая характеристика человеческих познавательных возможностей.

Конечно, существуют и другие объяснения. Например, представители *феноменологической школы* пытаются постичь внутренние стороны сознания, феномены сознания, изучая способы, с помощью которых люди классифицируют и осмысливают окружающий мир. Отталкиваясь от феноменологического подхода, предложенного Э.Гуссерлем, ученые применяют его к анализу социологических явлений. Они концентрируют внимание на понимании значения социальных явлений в большей степени, чем на объяснении этих же явлений рациональными методами. В частности, А.Шюц полагает, что способ, с помощью которого можно классифицировать окружающий мир, не является сугубо индивидуальным – на самом деле люди понимают друг друга, поскольку используют общепринятые представления (социально детерминированные типизации), которые как раз и обеспечивают социальное общение.

В противоположность феноменологической парадигме, представители *этнометодологии*, напротив, рассматривают социальную жизнь как заведомо упорядоченную. Основным доводом здесь является убеждение в том, что люди активно заняты приданием смысла своей жизни. Например, этнометодология в лице Г.Гарфинкеля и Д.Циммермана изучает методы, с помощью которых люди могут воспроизводить социальный мир, а также выясняет способы и технические приемы получения смысла.

В дискуссиях на тему способов функционирования социального мира смыслов и для объяснения специфики встроенности человеческого понимания в мир общественных связей социологи используют достижения герменевтики, выясняя, как происходит

вплетение интерпретирующего субъекта в связи, возникающие между интересубъективным миром общества и субъективным смыслом деятельности индивидуумов.

Между тем не только теоретический аппарат герменевтики может рассматриваться в более широком социально-культурном контексте, но и сами постулаты философской герменевтики получают новый смысл и новое направление развития, обогащаясь за счет результатов социальных теорий. В нашем случае это значит, что социологическая проблематика символической интерактивности может рассматриваться в проблемном поле философской герменевтики.

Обозначая проблемное поле соотношения «понимание – коммуникация», напомним, что герменевтика представляет собой теорию операций понимания в ее отношении к интерпретации текстов. И хотя при интерпретации символов феноменологии религии, психоанализа или в сфере феноменологии духа используются три самостоятельные методологии, все они движутся в направлении познания онтологических корней процесса понимания. Поэтому философской герменевтике предстоит соединить эти интерпретации и стать экзегезой всех значений, существующих в мире культуры. Таким образом, культура включается в контекст герменевтического анализа, где «текст культуры» предстает как историческая данность. Такой контекст рассмотрения соотношения «понимание – коммуникация» делает актуальным проблему распознавания смысла социальных действий людей и эти действия, в том числе действия коммуникативного свойства, могут рассматриваться как «тексты» с особым содержанием – сложным и нуждающимся в понимании и истолковании.

Часто «сюжеты» коммуникации являются уникальными настолько, насколько уникальна каждая интеракция. Кроме того, обращенность к человеку, оценка смысла его коммуникативной деятельности как включенной в «контекст культуры» делает актуальным использование герменевтического анализа. И здесь особую важность приобретают как специфические ментальные характеристики и личностные особенности человека, обусловленные его принадлежностью к той или иной культурной традиции, так и сугубо человеческие качества – его познавательные способности. Другими словами, взаимопонимание людей возможно в силу

общей природы человеческого мышления, в силу обладания интеллектом и когнитивными способностями. В то же время особенности менталитета в распознавании смысла интерпретируемой информации в процессе общения, безусловно, сказывается на характере воспринятого и на содержании понимаемого, делая открытой ту или иную интерпретацию.

Опираясь на общепринятые положения в распознавании условий человеческого мышления, воображения, понимания, принимая во внимание, что этими качествами уже обладают люди, попытаемся найти убедительные аргументы в пользу идеи о возможности участия герменевтического подхода в исследовании специфики коммуникации. Философская герменевтика рассматривает способность к символизации в качестве одной из основных характеристик феномена человека и предлагает редукцию как условие распознавания возможности символической функции как таковой. Основанием этого положения может служить феноменологическая позиция, согласно которой редукция рассматривается как такой изначальный философский акт сознания, с помощью которого сознание отделяется от мира и тогда любое бытие становится для сознания смыслом, релятивным по отношению к сознанию. Онтология понимания (как исходная точка коммуникативной деятельности в связи с задачей понять нечто) имеет место в мире и в бытие. Это значит, что в соотношении «понимание – коммуникация» интерпретация символов мира идет вслед за пониманием, и лишь затем наступает его словесное выражение. Этот процесс происходит практически постоянно, однако при этом мы не попадаем в некий порочный круг, но, напротив, этот процесс (выражение понятого) предстает как живой круг выражений бытия человека в мире в процессе коммуникации.

Для взаимопонимания и понимания *другого* важно, что как слово, так и дискурс в целом обладают символическим значением. Понимание наступает благодаря осознанию смысловой двойственности символа. Дело в том, что семантическая структура символа такова, что смысл его распознается при помощи другого смысла: изначальный, буквальный смысл в нем отсылает к смыслу иносказательному, экзистенциальному, духовному. Тем самым «символ зовет к интерпретации и говорению, между этой способно-

стью символа и временной нагрузкой, – отмечает И.С.Вдовина, – «наличествует сущностное отношение, делающее возможной коммуникацию»¹.

Интерпретация выступает совместно со структурным анализом языка. Интерпретация, сопровождающая коммуникацию, представляет собой реализацию опыта понимания. «Опыт понимания» – это опыт самого в нем содержащегося разума и разумности, где коммуникация – первичное помещение «человека понимающего» в естественную для него социальную среду. Социологически опосредованный «опыт понимания» – это способ человеческого существования, его бытие-в-мире, поэтому опыт понимания не может рассматриваться только как определенная позиция по отношению к самому себе (как опыт самоконтроля над коммуникацией или пониманием). Необходимо смещение акцентов с исследования сферы субъективных смыслов – на познание логики процесса наделения смыслами, возникающими из интересубъективного взаимовлияния в процессе коммуникации. Все это дает основание утверждать, что постулированный образ *интерпретационной социальной теории* нуждается в новом, герменевтическом измерении. Герменевтика выступает здесь в качестве метода истолкования социального мира, предусматривает практику получения смысла, а значит, предполагает выдвижение теории выведения смысла. При этом герменевтика призвана показать, что интерпретация всегда имеет место там, где есть необходимость понять нечто.

Социология, опирающаяся на герменевтический подход и ищущая вдохновение в герменевтике при рассмотрении сущности коммуникации, не ищет источник социальных смыслов только в индивидуальном сознании или исключительно в объективных, внешних по отношению к индивидууму идеях, сводах правил и норм. В центре ее внимания – сфера интересубъективности, лежащая вне оппозиции субъективизм-объективизм. Поэтому, признавая правомерность герменевтического подхода в социологии, мы должны будем конкретизировать теперь наше отношение к пониманию смысла – отныне, в этой парадигме (назовем ее *социальная герменевтика*) смысл должен характеризоваться как результат процесса интерактивной интерпретации, осуществляемой участниками диалога.

¹ Вдовина И.С. От переводчика // Рикёр П. Конфликт интерпретации. Очерки о герменевтике. М., 2002. С. 19.

Из этого положения следует, что *социальный смысл* не может оставаться исключительно субъективным смыслом, т. к. его статус зависит от диалогового согласования, он привнесен извне, а значит, смысл объективен. Но он также не является исключительно объективным, поскольку не может появиться (не существует) независимо от участников диалога (с их мотивами и субъективными предпочтениями) и вне объединяющего их отношения взаимовлияния. Такая характеристика социального смысла для *социальной герменевтики* не является противоречивой, как это может показаться на первый взгляд – просто я хотела указать на двойственность любых характеристик, касающихся сложных понятий и отражающих реальное положение дел.

Известно, что хорошо обоснованная теория или концепция имеет свои философские основания (онтологические и эпистемологические предпосылки). Она предполагает наличие развитой методологической базы в виде методологических установок и директив. Онтологические принципы герменевтической теории, применяемые в рамках интерпретативной теории (в рамках *социальной герменевтики*), являются следствием положения, согласно которому интерсубъективность социальных смыслов вытекает из практики коммуникативной деятельности. Теоретическое мышление, являясь практикой того же самого рода, стремится к формулировке, описанию и выяснению законов подобной практики. Если же предположить, что уже существует (или допустить, что найдется) достаточно всеобъемлющая герменевтическая теория, опираясь на положения которой удастся вывести принципы конструирования такой теории, то это будет редукция последней к практике коммуникативной деятельности. Такое расширение поля герменевтического исследования означает допустимость (возможность) использования герменевтики как метода выявления смысла «текстов», создающихся и реально функционирующих в границах социального мира, в первую очередь, конечно, внутри коммуникативного пространства.

В подтверждение выдвинутого положения, касающегося перспектив социальной герменевтики, сошлюсь на концепцию Макса Вебера, согласно которой *социологическая теория должна стремиться к объясняющему пониманию социальной деятельности*. Полагаю, что это высказывание можно рассматривать как опре-

деление задачи герменевтической социологической теории. Что касается определения места понимания в указанном контексте, то можно утверждать, что понимание, так или иначе, опережает (упреждает) причинное объяснение внутри любой теории. Тем самым социальная герменевтика (как теория понимания социального мира) не ограничивается исключительно задачей интерпретации, объясняющей нечто, например, на основе причинно-следственных связей, но такая теория сохраняет следствие объяснения после понимания. На очевидность такого положения указывает тот факт, что в коммуникации активно задействована живая речь с ее разным выражением смыслов – высказанных участниками диалога (или предполагаемых по умолчанию). Наконец, понимание как когнитивную способность человека можно характеризовать исключительно как *делание понятным важные состояния вещей* и называть такое понимание попросту «толкованием». Тем самым понимание и истолкование, рассматриваемые в границах социального мира, будут располагаться последовательно в дискурсе коммуникации. При этом возникновение смысла в последовательных фазах символической интеракции происходит в результате индивидуального переживания. Тем самым мы должны констатировать появления явного когнитивного аспекта в коммуникативной практике и во взаимодействии людей.

Символический интеракционизм и его основные положения

Понятие символической интерактивности в социологической литературе используется довольно широко, и оно многозначно. Укажу лишь фундаментальную линию раздела между чикагской школой (Дж.Г.Мид, Т.Парсонс, Г.Блумер, А.Стросс, Т.Шибутани и др.) и айовской школой социологии (М.Кун, Т.Партленд и др.). Для первой характерен интерес к процессуальным аспектам взаимодействия; в центре внимания вторых – стабильные, «состоявшиеся» символические структуры. Фактором, объединяющим исследовательские интересы этих школ, является усиленное внимание к языку, который они характеризуют как главный символический «медиум» взаимодействия людей в процессе коммуникации.

Представители символического интеракционизма трактуют социальные процессы как направленные на выработку социальных значений, поэтому сущность символической интерактивности описывается ими на языке социально детерминированных понятий. Конечно, они наблюдают за изменениями социальных значений, обнаруживают новые смыслы и констатируют этот факт. Исходя из идеи, что мир имеет полностью социальное происхождение, эти ученые связывают наблюдаемые изменения в области социальных смыслов с преодолением ситуаций взаимодействия, в которые попадают их участники.

В концептуальном смысле это означает введение интерпретации в контекст символического содержания интерактивности. Таким образом, за использованием термина «символическая интерактивность» стоит описание специфики процессов получения смыслов – и этот процесс связан с социальной интерактивностью. Приведу некоторые аргументы.

Получение смыслов в процессе интеракции становится возможным в силу того, что между индивидуумом и действительностью лежит система смыслов, целый мир смыслов, и эти смыслы человек приписывает элементам окружающей среды – как материальным объектам, так и абстрактным идеям. Это позволяет рассматривать отношение между элементами интерактивности как такое взаимоотношение, которое не до конца детерминировано культурой, и которое, тем не менее, оставляет участникам коммуникации возможность достигать взаимопонимания посредством ведения диалога. Наступление взаимопонимания (а согласование смыслов – это и есть условие взаимопонимания) как раз и является исходным пунктом в создании новых смыслов в результате коммуникации.

Интерпретация, осуществляемая в акте коммуникации, отделяет субъекта от коммуникативного символа. Но что такое «коммуникативный символ», каково его участие в создании пространства коммуникации, в границах которого становится возможным взаимопонимание? Дело в том, что коммуникативный символ может быть одновременно элементом «понимаемого контекста», т. е. создавать пространство коммуникации и при этом принадлежать другому участнику диалога или, напротив, он может быть «моментально схваченным» пониманием первого. Поскольку смыслы множественны, можно предположить, что каждый символ так сказать

посредничает между партнерами, не принадлежа исключительно к восприятию кого-то одного из них. Со своей стороны символ, используемый в интерактивном процессе, предстает в форме чего-то взаимно воспринимаемого участниками диалога – символ становится предварительно интерпретированным. Что касается содержания передаваемого смысла, то само оно как раз и становится предметом дальнейшей взаимной интерпретации.

Определяющей идеей этого нашего рассуждения является *идея взаимности*. Скрытый смысл ее раскрывается в случае, когда под интерактивностью понимается некоторое социальное действие, происходящее между индивидами, в пространстве которого они *для самих себя* становятся объектами этого действия. Но для того чтобы один партнер увидел в другом партнере объект (проявил интерес) и придал коммуникации определенный смысл (один понял другого), каждый из партнеров должен позволить другому определить вид поведения, к которому они оба могут прибегнуть. В этом как раз и состоит идея взаимности как условие успешной коммуникации.

Процедура понимания в этом случае взаимосвязанная, и каждый партнер может воспользоваться одними и теми же приемами (аргументированными шагами) в разворачивании содержания обсуждаемой темы диалога. Интересно, что один партнер может воспользоваться смыслами, исходящими от другого участника коммуникации, а тот другой должен приписывать смысл действиям первого. Следствием подобной «взаимности», превращающей интеракцию в социальный акт, является наличие концепции *указаний самому себе* в процессе интеракции, нацеленной на ее последующее развитие. Таким образом, интеракция не является каким-то механическим актом (или социобиологическим) реагированием, типа «раздражитель–реакция», но это сложный интеллектуальный процесс, поэтапно разворачивающаяся во времени и пространстве конструкция. Для субъекта – это акт раскрытия «концепции *указаний самому себе*».

Интерактивная деятельность протекает постепенно, шаг за шагом, по мере разворачивания ситуации диалога, и на каждом этапе взаимного согласования мнений партнеры оценивают ситуацию, ее смысл, демонстрируя то, что она ими вполне осознаваема и понятна.

Безусловно, можно предположить, что символическая интеракция неминуемо приобретает интенциональное измерение. Это происходит потому, что каждый из партнеров стремится к своим целям, действует в силу собственного понимания намерений другой стороны, а также в силу объективных условий, независимых от участников интеракции. В частности, это касается роли культурного контекста коммуникации.

Дело в том, что успешная коммуникация предполагает включение контекста культуры, или *концепции культуры*, которая сформировалась у участников диалога в результате длительного процесса их социализации. Благодаря сложившейся *концепции культуры*, партнеры легко присваивают систему ценностей (смыслов) тех социальных групп, к которым они принадлежат или тех групп, с которыми вступают в коммуникацию.

Конечно, мы не должны предполагать, что человек выстраивает собственную концепцию культуры всякий раз, когда вступает в диалог с другими людьми – вообразить это невозможно, поскольку такой процесс представляется громоздким и для мышления, и для языка. Однако общаясь с представителями других культур и иного языка, мы находим пути для взаимопонимания (например, невербальные способы коммуникации). Даже изучая тексты, относящиеся к эпохам, исторически далеко отстоящим от нас, мы осмысливаем прочитанное, мы способны «вчувствоваться» в содержание текста, в исторический контекст и атмосферу текста и, в конце концов, понимаем его и способны его интерпретировать. Всё это факторы, указывающие на универсальный характер когнитивных способностей человека, одной из которых является способность понимания.

Как нормативность организует и регулирует интеракцию?

Мы выяснили, что важным элементом, корректирующим понимание (и интеракцию), является *социализация*. Интерактивная социология трактует социализацию как законченный процесс, который предшествует и одновременно обуславливает интерпретации, осуществляемые людьми. Так, если человек успешно вводит

в коммуникацию собственную *концепцию культуры*, то это значит, что им усвоены социально-культурные связи. Такой партнер усвоил *нормы* и культурные ценности своей социальной среды (своей социальной группы) и способен адаптировать любой контекст интерпретации в процессе присвоения смыслов, в том числе социального значения.

Существует ли нормативность коммуникативного действия? Подчеркну, что под *нормой* мы не будем понимать отношение человека к тому, что разрешено и дозволено, или называть то, что категорически неприемлемо во взаимоотношении людей. Норму мы рассмотрим только в контексте коммуникативной деятельности.

Изучая нормативные основания индивидуальных действий людей, философы, социологи выделяют два важных аналитических аспекта: нормативную структуру действия и нормативную направленность или ориентацию действия². В понятии нормативной структуры действия содержится объективное измерение смысла этого действия – оно включает в себя культурные нормы и образцы социально значимых действий. Действие при этом получает статус смысла только по отношению к регулирующим его нормам, а норма, в свою очередь, характеризуется значительной продолжительностью. *Социальные действия*, как непосредственно зависящие от выдвигаемых обществом норм, также трактуются как относительно длительные явления, как факт процесса социализации, в результате которого в восприятие индивидуума постепенно, с помощью символических средств (символов мира культуры) вводятся представления о ценностях и нормах, которыми руководствуется социальное окружение.

Нормы и образцы, воспринятые из социального окружения, образуют канву, основу *социального действия*, и эти действия социология описывает в терминах санкционирования, где на первое место выходит понятие *роли*. Поскольку социальная роль рассматривается как полностью находящаяся под действием норм культуры, то и действие, описываемое как социальная роль, «разыгрывается» согласно культурному сценарию. Определенной ценностью при этом обладают те ситуации (назовем их «сценарии действия»),

² См. *Wilson T.P. Normative and Interpretative Paradigms in Sociology // Understanding everyday Life / J.D.Douglas (ed). L., 1974. P. 56–59.*

в которых социальная роль участников интеракции приобретает смысл – ценный для каждого в отдельности (и для целой группы), а также для реализации цели самого этого действия³.

В основе коммуникации, раскрывающей свое социальное значение, лежит принцип разделения общественных ролей, согласно которому участники коммуникативного акта сами выделяют и сами определяют характер ситуации и приходят к очевидным для них выводам. При этом как «ситуации действия», так и практика разделения «ролей» может нести в себе следы длительного исторического процесса становления культуры. Так «ситуация действия» может содержать следы архаической культуры и ассоциироваться с таковой или, напротив, явно не осознаваться. Приведу несколько примеров в подтверждение этой моей мысли.

Так, понятие «круглый стол», используемое в научно-практической жизни исследовательского коллектива, указывает на то, что при обсуждении сложных вопросов и проблем правомерно мнение всех участников, независимо от их положения и звания. Тем не менее «ситуация действия» предполагает главного организатора, который направляет и регулирует ход дискуссии. При этом месторасположение главного лица всегда отвечает характеру его главенства над данной ситуацией – в этом его роль, и она «считывается» правильно всеми присутствующими уже только на том основании, *где* располагается данное лицо (а не только исходя из того, *что* тот говорит).

К слову сказать, месторасположение, выбор места – это всегда действие, которое происходит (срабатывает) на бессознательном уровне: попадая в большой зал или аудиторию, люди стремятся занять места либо непосредственно у стены, либо рядом с выходом (так безопасно). Аналогом стены (защищающей) является спинка стула или кресло с высокой спинкой, которая отгораживает от «чужих» и защищает (что мы и наблюдаем в автобусах дальнего следования и в самолетах).

В результате длительного культурно-исторического процесса происходит адаптация социального действия к смыслам языка, что мы видим на рассматриваемом примере. Так смысл выражений, указывающих, что кто-то «на своем месте» (ему удобно и он в

³ Об этом более подробно см.: Шульга Е.Н. Проблематика предпонимания в герменевтике, феноменологии и социологии. М., 2004. С. 78–86.

безопасности) или, что он «занял кресло», «получил пост» и т. п. – первоначальный архаический смысл этих выражений социально-го действия содержится в них в скрытом виде. Однако социальная роль конкретного лица и ожидаемые действия его всегда нами правильно понимаются. Конечно, указанные выражения утратили свой первоначальный смысл в результате длительного процесса социализации, но получили новое значение. Причем социальная роль здесь приобрела значение культурно значимой ценности, а также характер *нормативно ориентированного действия*. Тем самым нормативность «места» как выражения социальной функции человека присутствует как в нашем восприятии его (в понимании смысла его действий), так и в восприятии людей.

Важный концептуальный вывод, касающийся оценки нормативно ориентированного действия, может быть получен в связи с рассмотрением условий социализации в процессе интеракции. Наряду с нормативным фундаментом интеракции, каковым является нормативная ориентация действия (как в нашем примере), большое значение имеет личностный аспект. Это связано с тем, что каждый человек формирует собственный опыт, приобретаемый в процессе интеракции (коммуникации) со *значимыми Другими*. Общение со значимыми другими оказывается наиболее важным в становлении личности; оно может стать решающим и даже более существенным для личности, нежели любые значительные события биографического плана.

Значимые другие часто оказывают решающее влияние и на течение интеракции. На этой идее настаивают представители концепции «сердцевины личности» (Манфред Кюн⁴ и Гарольд Гарфинкель⁵) – они подчеркивают значение социальной регуляции как исходного знания, которым овладевает субъект. Т. Парсонс идет дальше. Он формулирует концепцию, согласно которой взаимодействия людей в процессе коммуникации – это всегда реализация субъективного подчинения обязательным нормам в отношении определенных ситуаций. Эти сознательные «подчинения» осуществляются в интеракции, когда индивиды «играют» приписываемые им обществом социальные роли.

⁴ Kuhn M., McPartland T. An Empirical Investigation of Self Attitudes p. 100 и далее.

⁵ Garfinkel H. Aspekty problemu potocznej wiedzy o strukturach społecznych, tłum. D. Lachowska, w: Fenomenologia i socjologia / Z. Krasnodębski (red.). Warszawa, 1989. S. 193.

Индивид – носитель целой системы социальных ролей (например, руководитель на работе, мама и бабушка – в семье). Роли детерминируют конкретный *образ личности*, а их смена и внутреннее освоение складываются в структуру личности. Социализация и система «ожиданий» формируют личность, это создает относительно длительную диспозицию по отношению к ситуации коммуникации, понимание смысла которой происходит согласно горизонту закрепленных смыслов культурного окружения, вопреки «давления» роли. Комплекс ожиданий, связываемый с социальной ролью, накладывает отпечаток на тип личности и характере человека, что, в свою очередь, отражается на характере коммуникации.

Итак, для успешной коммуникации необходима система совместных смыслов. Они содержатся в культуре, которая детерминирует все индивидуальные интерпретации. Культура здесь понимается как некая *константа*, интерпретируемая в интеракции каждым ее участником. Такая позиция приводит к тому, что коммуникация рассматривается как редукция к воссозданию сценария культуры. В целом это означает, что дальнейший ход исследований в этой сфере предполагает поиск конкретных закономерностей влияния социальных структур на индивида.

Е.О. Труфанова

Роль коммуникации в построении личностной идентичности*

Под *личностной идентичностью* я понимаю особую систему отношений индивида с различными аспектами его внутреннего мира и значимыми для него аспектами окружающего мира. Существенной характеристикой личностной идентичности является чувство «самотождественности», т. е. чувство принадлежности данных различных аспектов к единой системе, центром которой является *Я* индивида. Личностная идентичность конструируется на основе категорий, с помощью которых индивид познает мир, организует свое знание о мире и описывает себя. Таким образом, мы можем сказать, что личностная идентичность состоит из множества *идентификаций*. Каждая идентификация выражает связь индивида с определенным аспектом внешнего мира и то, как этот аспект отражается и преломляется в единой системе его личностной идентичности.

Коммуникация и аутокоммуникация являются важнейшими инструментами конструирования личностной идентичности. И без того важная роль коммуникативных взаимодействий выходит на новый уровень в связи с появлением новых технологий коммуникаций, которые приводят к трансформации самого процесса конструирования идентичности. Однако еще до появления

* Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента РФ для молодых ученых (Проект МН-1212.2012.6 «Личностная идентичность и Я: современные аспекты исследований»).

массовых коммуникаций и сетевых технологий коммуникативная природа человека являлась основой конструирования личностной идентичности.

Для личностной идентичности очень важно иметь не только внутренние, но и внешние «точки опоры», с которыми индивид может идентифицироваться. И именно поэтому так важны коммуникативные отношения индивида с другими. В социальном конструкционизме, например, подчеркивается, что индивидуальное *Я*, личность, всегда находятся в тесной взаимосвязи со своим социальным окружением, и *Я* состоит не только из детерминированных природой и уникальной биографией фактов, но и из различных социальных интеракций с другими людьми. В процессе коммуникативных отношений индивида и различных социальных групп, к которым он принадлежит или с которыми он сталкивается, осуществляется социализация и формирование ряда важнейших «коллективных» идентификаций, таких как национальная, этническая, гражданская, политическая и т. д. Однако помимо подобных более «обширных» идентификаций имеются также более узкие, более личные идентификации, связанные с конкретными ситуациями моих взаимодействий с другими людьми.

Каждая совокупность моих отношений с каждым конкретным другим составляет еще одну особую идентификацию. Идентификации также могут основываться на вымышленных персонажах, придуманных как самим индивидом, так и заимствованных им из книг, фильмов и т. п. Индивид вводит подобных персонажей в свой внутренний мир как значимых других – иногда в качестве знакомых, иногда – в качестве своих alter ego. Такого рода персонажи могут выступать как «ролевые модели», ориентируясь на которые индивид выбирает свой стиль поведения. В ряде исследований американских психологов и психиатров в связи с этим вопросом рассматривается роль так называемых «невидимых гостей» («invisible guests», М. Уоткинс), «социальных образов» («social imagery» Э.Клингер), «социальных призраков» («social ghosts», М.Герген). Под этими терминами разные авторы подразумевают образцы поведения, на основе которых могут формироваться идентификации. Сюда относятся родственники, друзья, учителя, однако, как показывают исследования,

почти четверть «социальных призраков» – личности, с которыми опрошенные никогда не встречались: знаменитости, религиозные фигуры, персонажи фильмов и книг¹.

В процессе конструирования и реконструирования личностной идентичности важную роль играет язык. Даже использование такого простого на первый взгляд лингвистического понятия, как «Я», в различных языках существенно различается. Это можно увидеть, проанализировав словари личных местоимений в разных языках. Если английский язык является одним из наиболее ограниченных в наборе личных местоимений, то японский – самым сложным. Система местоимений там настолько сложна, что в повседневной речи их использования вовсе стараются избегать. С помощью местоимений и глаголов два японца в разговоре могут выразить около 260 социальных отношений между ними². В некоторых языках местоимения первого лица сразу содержат в себе гендерную идентификацию. В том же японском, например, местоимение «**воки**», **используемое мужчинами**, чтобы подчеркнуть солидарность между собеседниками, начинает использоваться феминистками, чтобы подчеркнуть равенство в правах³. В индонезийском языке кави некоторые местоимения, в том числе первого и второго лица зависят от времени: есть, например, форма местоимения «я-в-некотором-прошлом»⁴. Так, в каждом языке предопределены формы и способы конструирования личностной идентичности, так что ряд способов аутокоммуникации и саморепрезентации, которые могут возникнуть, например, в японском языке, будет невозможно использовать в большинстве других языков. Язык отражает стереотипы культуры, а та, в свою очередь, составляет собой «питательную среду», в которой вырастает самосознание и которая дает основу для различных идентификаций.

¹ См.: *Gergen M. Social Ghosts, Our Imaginal Dialogues with Others* (Paper at American Psychological Association. Meetings. N.Y., August. 1987). Цит. по.: *Gergen K.G. The Saturated Self: Dilemmas Of Identity In Contemporary Life*. N.Y., 2002.

² *Harre R., Gillet G. The Discursive Mind*. L. (New Dehli), 1994. P. 105.

³ *Ibid.*

⁴ *Becker A.L., Oka I. 1974. Person in Kawi // Oceanic Linguistics. 13(2): 229–55.* Цит. по.: *Harre R. The Singular Self. An Introduction to the Psychology of Personhood*. L. (New Dehli), 1998. P. 58.

Одна из важнейших способностей *Я* – это способность отображать свои состояния в дискурсе, артикулировать их⁵. Не случайно в исследованиях становления индивидуальности, индивидуального самосознания часто делается упор на то, что рост осознания своей индивидуальности отражается в росте числа автобиографий и схожих текстов⁶. Способность к вербализации собственной личностной идентичности является отражением «зрелости» самосознания. Именно эта способность лежит в основе конструирования биографической идентификации, поскольку личностная идентичность в наиболее сжатой форме может быть выражена в виде рассказа о себе (нарратива)⁷. Как созданию свойственно сглаживать противоречия (об этом говорит явление когнитивного диссонанса), так и индивид пытается создать последовательную, непротиворечивую модель личностной идентичности. Наглядным примером попытки вербализовать личностную идентичность является то, как современный индивид репрезентирует себя в Интернете, о чем отдельно будет сказано ниже. Хотя нарративный подход к личностной идентичности очень важен, она все же не сводится только к вербализованной автобиографии, поскольку ни одна, даже самая подробная автобиография не способна выразить абсолютно все идентификации индивида и, следовательно, не будет являться полной.

Для построения любого рода нарратива о себе, автобиографии необходима аутокоммуникация. Аутокоммуникация является выражением двойственности индивидуального сознания, его разделения на две инстанции «Я» и «Другой» или «Я действующее» и «Я наблюдающее». Основным выражением аутокоммуникативных актов является рефлексия. Способность к рефлексии, способность взглянуть на себя со стороны, являются одними из ключевых способностей, отличающих человека от прочих живых существ. Именно аутокоммуникация является завершающим актом конструирования идентичности, именно с ее помощью индивид способен рассмотреть по отдельности все свои идентификации и собрать их в единую систему. Вопрос о личностной идентичности

⁵ Harre R. The Singular Self. An Introduction to the Psychology of Personhood.

⁶ См., например: Porter R. (ed.) *Rewriting of the Self*. L.–N.Y., 1997.

⁷ См., например: Труфанова Е.О. *Я-нарратив и его автор* // *Философия науки*. Вып. 15. М., 2010.

во многом зависит от внешних обстоятельств, на меня оказывает влияние то, как меня видят и воспринимают другие, но главную роль играет самовосприятие. Другие часто используют «ярлыки» – характеристики, описания, которые они дают мне, я бы никогда не использовал сам. Как правило, мое виденье своей личностной идентичности и виденье окружающих существенно отличаются. Даже самым близким людям может быть известен только небольшой набор моих идентификаций, а вся личностная идентичность в целом будет ускользать. Потому так важна именно аутокоммуникация, в которой человеку открыто максимальное количество его идентификаций. Тем не менее могут быть некоторые стороны, которые мы «изнутри» видеть не можем – например, родители всегда видят в нас ребенка, хотя нам может казаться, что мы полностью утратили этот Я-образ. Таким образом, в конечном счете, полнота картины достигается только при сочетании моего взгляда на себя изнутри и взглядов других на меня извне.

Личностная идентичность в массовых коммуникациях

В связи с разворачивающейся «цифровой революцией» в современном обществе, в вопросе о конструировании идентичности возрастает роль не просто коммуникации, но так называемых массовых коммуникаций. Развитие и распространение технологий глобальных коммуникаций, перешедшее в наиболее активную стадию с конца 90-х гг. XX в., стало главной характеристикой новой эпохи в развитии общества и общественного сознания. Массовыми коммуникациями, конечно, затронуты достаточно широкие слои населения, но наибольшей яркости и концентрации эти особенности современной эпохи достигают в больших городах, в мегаполисах, и касаются они, прежде всего, людей, находящихся на достаточном уровне экономического благополучия, чтобы быть причастным к технологическим благам информационного общества в полной мере.

Можно выделить два основных аспекта, касающихся влияния глобальных коммуникаций на конструирование идентичности. Первый – это воздействие средств массовой информации в качестве односторонней коммуникации (по сути – передачи со-

общения) и второй – это виртуальные коммуникации, составляющие основу «онлайновой» идентичности. В развитии глобальных коммуникаций происходит трансформация. От односторонне направленных массовых коммуникаций (таких как СМИ, где медийный источник односторонне воздействует на индивида, сообщая ему определенную информацию, а обратная связь отсутствует) происходит переход к коммуникациям с обратной связью, возникает интерактивность. Вслед за развитием Интернета, и традиционные источники СМИ становятся все более интерактивными, вовлекая читателя газеты в полемику, а зрителя – во всевозможные голосования в ходе телепередач. Несмотря на это, СМИ остаются в основном однонаправленными, их явной задачей является передача сообщения, а неявной – манипуляция массовым сознанием, нацеленная на желаемый владельцем конкретного источника СМИ результат. В данном случае нас будут интересовать не этические аспекты подобной манипуляции или их политическая значимость, а то, как данная ситуация отражается на личностной идентичности.

Помимо очевидных аспектов, связанных с формированием гражданской и политической идентификаций, которые происходят под влиянием транслируемой СМИ пропаганды, существуют более неоднозначные последствия воздействия СМИ на личность. Следует отметить, что неоднородность СМИ в современном обществе, противоречивые сведения, представляемые различными источниками относительно одного и того же события, преувеличенная роль «знаменитостей» в общественной жизни, огромное количество явной и скрытой рекламы – все это ведет к дестабилизации личностной идентичности, приводит к кризисам самоидентификации.

Создание новых технологий массовых коммуникаций создает мощную поддержку начавшему свое становление вместе со становлением массового производства феномену, который принято называть «обществом потребления». Одной из основных задач этого общества становится создание спроса на товары и услуги. Так, реклама становится главной составляющей современных СМИ, именно она является основным коммуникантом, воздействующим на идентичность индивида. Даже новости, которые, казалось бы, представляют собой основное содержание СМИ, являются одно-

временно и товаром, и рекламой. Как будет показано далее, таким образом, СМИ оказывают постоянное воздействие на личностную идентичность, не столько формирующее новые идентификации, сколько служащее расщеплению идентичности и приводящее к кризисам идентичности.

Потребительское общество создает у индивида иллюзию, что все, чего он только желал бы, к чему бы он ни стремился, может быть реализовано с помощью той или иной покупки. Главным ориентиром для идентификации обывателя становятся навязываемые ему стандарты жизни, демонстрируемые в рекламе, где на первый план выходит «человек экономический» и идентификация происходит по принципу «я есть то, что я потребляю». Рекламуется не сам товар, рекламируется образ жизни, и человек, часто сам не отдавая себе в этом отчет, идет покупать именно «образ жизни».

Рекламные СМИ настойчиво предлагают нам образцы для идентификации, предлагая сочетать понятия «успешный» и «автомобиль», «обаятельный» и «дезодорант», «здоровый» и «йогурт». То же самое происходит на уровне пропаганды, когда СМИ создают фальшивую харизму избранному политику, подчеркивая его преимущество перед другими с почти такой же наивностью, с какой нам в рекламе показывают преимущество рекламируемого стирального порошка перед «обычным». Погружаясь в мир, изображенный СМИ, человек теряет точку опоры, поскольку СМИ (особенно аудио-визуальные) воздействуют на человека агрессивно, они направлены на самые уязвимые области человеческой психики, они не просто информируют, а побуждают к эмоциональному восприятию важнейших новостей. Например, второстепенная с точки зрения источника СМИ информация может быть подана в новостной программе просто текстом, который читает диктор, тогда как «главные» новости представлены в видеорепортаже, который зритель переживает эмоционально или даже эмпатически, и таким образом отдает приоритет именно этой информации, включая именно ее переживание в структуру своей идентичности, хотя вполне возможно, что более актуальная информация была передана без дополнительных аудио-визуальных стимулов, но была вытеснена последними.

В связи с навязываемыми в рекламе (а также в массовой кино- и телепродукции) стандартами жизни возникает разрыв между предполагаемыми возможностями человека (которые де-

монстрируются с голубых экранов) и его реальными возможностями. Товар «обещает» исполнить заветную мечту человека, но вместо этого вызывает только подспудное разочарование: от покупки новой машины личная жизнь не налаживается, новый телефон не принесет новых друзей, а счет в надежном банке не решит экзистенциальных проблем. Потребительская психология, конструируемая рекламой, строится таким образом, что человека пытаются убедить в том, что через покупку товаров и услуг он удовлетворит *все* свои потребности, включая самые высшие. Однако когда этого не происходит, человек начинает чувствовать себя обманутым, он не осознает, что, приобретая в «вещном» виде «успех», «уважение», «счастье», «справедливого правителя» и т. д., он приобретает не более чем суррогат, заменяющий подлинное бытие и подлинные ценности.

В обществе, где всё, заканчивая самим человеком, превращено в товар, в товар превращаются и сами универсальные ценности: жажда познания, тяга к прекрасному, мораль. Типичным примером морали как товара являются современные политические концепты «политкорректности» и «толерантности» по отношению к национальным, сексуальным и прочим меньшинствам. Универсальная ценность уважения к другому человеческому существу подменяется показной «терпимостью». Там, где моральные ценности могут являться товаром, который предлагается на выбор, существование стабильной идентичности индивида невозможно, поскольку самый тяжелый кризис идентичности возникает при распаде моральных ценностей, уничтожении нравственных образцов и идеалов. А именно к этому ведет психология консьюмеризма.

СМИ также являются источником «социальных призраков», предлагаемых в роли «знаменитостей» – политиков, актеров, спортсменов, «светских личностей», персонажей сериалов и «обычных людей», попавших на телеэкраны как участники различных ток- и реалити-шоу. Идентификация с этими представленными нам «образцами» для подражания может быть как временной (подобно тому, как человек, погрузившись в просмотр любимого сериала, забывает на время о своих заботах и погружается в перипетии судеб героев), так и постоянной (выбор для себя некой знаменитости в качестве «ролевой модели», что более характерно для молодых людей, еще находящихся в поиске своей индивидуальности).

Таким образом, мы можем заключить, что СМИ, играя роль преимущественно односторонней коммуникации, являются одной из наиболее мощных социальных сил, оказывающих влияние прежде всего на различные «коллективные» идентификации индивида, однако перенасыщенность этими коммуникациями и отсутствие возможности адекватно оценить достоверность тех или иных источников информации становятся источником нестабильности личностной идентичности, приводят к ее фрагментации. Фрагментация личностной идентичности наблюдается также в сетевых коммуникациях, однако там она заложена изначально, за счет самих используемых коммуникационных технологий, которые позволяют человеку находиться сразу в нескольких коммуникативных процессах одновременно, причем даже выступая в них с абсолютно различных позиций.

Личностная идентичность и сетевые коммуникации

Как верно утверждают современные отечественные авторы, «сетевые коммуникации становятся особой, специфической сферой культуры, своеобразной **третьей природой**, развивающейся в рамках существующей сегодня культуры как второй природы»⁸. В связи с ростом количества и значимости сетевых коммуникаций бытие индивида разделяется на два мира – «онлайн»-бытие и «оффлайн»-бытие. Исходя из классических представлений, из здравого смысла, у нас возникает соблазн назвать «оффлайн»-бытие истинным, подлинным, а «онлайн»-бытие вторичным, вымышленным, неподлинным. В конце концов, ведь в первом случае мы говорим о наших взаимоотношениях с материальным миром, наших непосредственных контактах с другими людьми, тогда как в последнем случае мы имеем дело лишь с неким эрзацем реальных коммуникаций, с псевдомиром или же с откровенно выдуманном миром (как, например, в случаях онлайн-игр). Этот последний псевдомир, помимо прочего, как утверждается, несет угрозу психике индивида, он не просто является технологическим инструментом связи, но вызывает зависимость, подобную наркотической.

⁸ Кувшинов С.В., Ярославцева Е.И. Сетевые перспективы. Возможности человека в оцифрованном мире. Human IT. М., 2011. С. 96.

Удивительно, но не имеющие никаких аналогов в природном мире технологические изобретения, такие как компьютеры и сотовые телефоны, как оказалось, содержат в себе нечто притягательное для людей определенного психического склада. Конечно, можно сразу сказать о положительных сторонах «онлайн»-общения – оно позволяет людям с психологическими комплексами, связанными с трудностями общения, находить контакт с другими людьми, а также людям, лишенным возможности поддерживать связь с внешним миром – инвалидам, людям с различными психическими и физиологическими отклонениями и т. д. – иметь хотя бы такой выход во «внешний» мир. Однако это касается лишь определенных групп населения. Тем не менее большая часть активных пользователей Интернета является физически и психически полноценными людьми. Однако они тоже не мыслят своей жизни без «онлайн»-коммуникаций. Этому есть несколько причин, но важнейшая из них, как представляется, связана с личностной идентичностью. Индивид ощущает зависимость между цельностью и стабильностью своей личностной идентичности и теми виртуальными коммуникациями, в которые он вовлечен. Он чувствует необходимость для сохранения стабильности своей идентичности постоянно поддерживать эти коммуникативные отношения, иначе он в определенной мере перестанет быть собой. Важнейшими точками опоры для стабильности личностной идентичности являются отношения с другими людьми. Любопытный пример: еще на заре становления общества массовых коммуникаций, когда появились первые телефоны, основной реакцией на них, зафиксированной в британской газете «Таймс» в 1877 г., была вовсе не мысль о мгновенной передаче информации, а мысль о том, что телефон передает уникальные особенности звучания индивидуального голоса каждого. Разговор по телефону воспринимался как возможность интимной коммуникации прежде всего со значимым другим⁹. Таким образом, коммуникационные технологии для основных масс населения, охваченных ими, были изначально тесно связаны с межличностными отношениями.

В связи с развитием Интернета и особенно «мобильных технологий» происходит резкое возрастание количества коммуникаций для отдельного индивида, однако само «качество» коммуникаций

⁹ Connor S. The Modern Auditory I / Porter R. (Ed.). Лю–N.Y., 1997. P. 203–223.

остается, как правило, крайне низким: насколько бы тесным и интенсивным не было сетевое коммуникативное взаимодействие, оно не дает возможности установить глубокий личностный контакт, поскольку в Сети проявляются лишь некоторые идентификации. Сетевое поведение индивида может существенно отличаться от «оффлайнового», поскольку в Сети людей зачастую не сдерживают моральные принципы, правила поведения, этикет и т. п., поскольку сохраняется определенная анонимность и отсутствует возможность непосредственного физического контакта.

Еще до появления Сети, с момента распространения письменности, индивиду было легче выразить самые сокровенные мысли на бумаге, в личном дневнике или письме. С одной стороны, вербализация в письменном виде требует придания мыслям более строгих форм, следовательно, в процессе написания индивид подвергает свой текст «цензуре», пытаясь более точно выразить свою мысль. Вербально-текстовое выражение требует как бы двойной рефлексии. Невозможно «исправить» мысль, которая содержится в уме, или сказанное слово, но текст можно откорректировать. С другой стороны, индивид более свободен, выражая свои мысли на бумаге в частном дневнике, который не предполагается видеть и читать никому, кроме автора. Это один из способов аутокоммуникации. Личный дневник, при условии, что он ведется на более-менее регулярной основе, может являться одним из наиболее интересных источников исследования личностной идентичности и ее трансформаций. Если вернуться к дневниковым записям многолетней давности и сравнить их с текущими, автор дневника может воскликнуть «Это не я!», не узнавая своих былых переживаний, способов самовыражения, даже используемого набора слов. Трансформируется не только личностная идентичность, но и способы ее коммуницирования.

Дневник по изначальному замыслу является «закрытым» текстом, нацеленным только на одного коммуникативного партнера – самого автора дневника, хотя и в дневнике часто сохраняется форма обращения вовне, часто – обращения к дневнику как к некому собеседнику («дорогой дневник!»). В письме же, как правило, присутствует конкретный адресат и, следовательно, автор письма выражает тот уникальный тип идентификации, который существует между ними. Можно заметить, насколько сложнее писать письмо

незнакомому или малознакомому человеку, идя наощупь, не зная, какие аспекты своей личностной идентичности следует «подключить». Таким образом, письмо, особенно адресованное близкому человеку, тоже является «закрытым» текстом, который в полной мере понятен только двум коммуникативным партнерам.

Сообщение в Сети, казалось бы (за исключением очевидных «личных» сообщений, электронных писем и т. п.), максимально открыто, однако, таким образом, фокус на личностной идентичности оказывается максимально сужен, сведен только к одной идентификации, поскольку сообщение, как правило, касается только одной избранной темы. Помимо этого, хотя в Сети и существует общепринятая система выражения эмоциональных состояний и настроения («смайлики»), эти способы выражения эмоций гипертрофированы, избыточны, без них же, наоборот, сообщения кажутся эмоционально выхолощенными и поэтому за сообщением трудно «увидеть» человека и, как следствие, понять его как личность.

Человек-пользователь занимает в Интернете некое свое уникальное пространство, ему принадлежит там как минимум адрес электронной почты, как максимум своя персональная веб-страница или блог. Помимо этого, фрагменты его «онлайн»-идентичности, его «файловые Я»¹⁰ содержатся в различных публичных пространствах Интернет – форумах, сообществах, социальных сетях и т. п. Они содержат избранную самим пользователем информацию о нем и являются его способами саморепрезентации в «онлайн»-обществе. В Интернете человек способен создавать в разных местах разные типы своих саморепрезентаций, подчеркивая один или другой аспект своей биографии, интересов и т. п. так, что зачастую может показаться, что речь идет о совершенно разных людях. Иногда этот эффект «неузнаваемости» достигается сознательно – порой человек пытается «жить» «онлайн-жизнью» в нескольких местах одновременно и независимо. Эта совокупность фрагментов Интернет-пространства, «принадлежащих» человеку воспринимается им как некая отчужденная часть самого себя, своей идентичности. Потому, не имея доступа к ней, он чувствует себя неполноценным, воспринимает отсутствие доступа, пребывание «оффлайн» как ограничение своей свободы.

¹⁰ Лекторский В.А. Я // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 4. М., 2001. С. 497–502.

Современный Интернет обладает множеством точек входа – персональных компьютеров с Интернет-доступом. Сейчас количество таких точек входа существенно расширилось, в том числе за счет появления сотовых телефонов с данной функцией. Сотовый телефон – едва ли не столь же значимое изобретение XX в., как Интернет. Возможно, потому, что он быстро становится персональным, почти интимным. Сотовый телефон – это мой уникальный номер, код доступа ко мне лично, а не к квартире, в которой я прописан или моему рабочему месту. Меня может не быть дома или на работе, но сотовый телефон всегда должен быть при мне. Я всегда нахожусь в режиме «онлайн» и открыт для общения. Конечно, есть возможность избежать ненужных звонков, не брать трубку, но зачастую прибегнуть к ним невозможно, поскольку, отсекая неудобного собеседника, мы рискуем пропустить нужный звонок. В итоге, совсем как в антиутопических романах, каждый владелец сотового телефона оказывается вечно под контролем, сотовый телефон становится его продолжением, почти частью его организма. Мы становимся зависимыми от сотовых телефонов и, забыв их дома, ощущаем себя как без рук, поскольку нам кажется, что мы потеряли важное средство связи с окружающим миром, со значимыми для нас людьми.

Кроме того, телефон становится универсальным средством связи и передачи мультимедийной информации, по сути, он превращается в портативный мини-компьютер, который может записывать звук, снимать фото и видео, выходить в Интернет и пересылать любые материалы на другие сотовые телефоны или компьютеры. С развитием технологий «смартфонов», а также планшетных компьютеров, в обществе появляется определенная прослойка людей, которые практически никогда не бывают «оффлайн». Если изначально к таковым принадлежали люди, связанные с бизнесом, от которых требовалось постоянное оперативное принятие решений, то сейчас эта прослойка включает далеко не только деловых людей. Человек становится зависимым от средств коммуникации, он испытывает потребность непрерывно участвовать в коммуникативных процессах, происходящих в Сети. Если такие активные пользователи вовремя не отреагируют на новое сообщение в блоге или социальной сети,

то они чувствуют себя отставшими от жизни, упустившими нечто важное. Коммуникации в основном строятся в форме обмена комментариями к сообщениям разных пользователей, их фотографиям, новостям.

Таким образом, у человека-пользователя в информационном обществе формируется новая насущная потребность – потребность в постоянном нахождении в режиме «онлайн» или хотя бы в возможности моментального доступа к Сети, поскольку в мире Интернета также происходят значимые события социальной жизни человека, которые он рискует упустить, оставаясь «оффлайн». Эта потребность часто может быть иллюзорной, поскольку большинство подобных «упускаемых» событий, как правило, являются незначимыми, однако само отсутствие возможности удовлетворить эту иллюзорную потребность, может вызывать постоянный дискомфорт и беспокойство. Человек привыкает к тому, что в его жизни постоянно присутствует поток информации, получаемый из Интернета. В итоге возникает новая модель идентичности человека: «онлайновый» человек, чьи возможности познания, коммуникации и социальных интеракций расширяются за счет постоянного пребывания в статусе пользователя Интернета и в постоянном прямом доступе благодаря «мобильным технологиям». В этой ситуации, с одной стороны, расширяется круг и возможности социальных интеракций, с другой стороны – человек начинает получать извне слишком много информации, в результате чего уровень ее обработки сознанием снижается. Тем не менее человек оказывается экзистенциально привязанным к этой новой, «третьей природе», для ощущения полноты своего существования он должен постоянно иметь выход в этот цифровой мир. Личностная идентичность индивида связана, таким образом, не только с «реальными», но и с «сетевыми» или «онлайн»-идентификациями, отбросить которые индивид просто так не в состоянии.

Так, мы можем заключить, что роль коммуникации в построении личностной идентичности в рамках информационного общества существенно возрастает за счет расширения коммуникативного пространства и увеличения числа коммуникаций в масс-медиа и Сети. Это перенасыщенное коммуникативное пространство делает личностную идентичность более сложной и

как следствие более нестабильной, подверженной постоянным изменениям. Для поддержания стабильности своей личностной идентичности индивид должен постоянно поддерживать большое количество коммуникативных взаимодействий, и таким образом, современная личностная идентичность должна являться «сетевой» в прямом смысле слова: она представляет собой сложную сеть, объединяющую взаимодействия индивида с другими коммуникантами, с миром, и с самим собой.

Н.С. Мудрагей

Коммуникация как мера человека (возрождая Ясперса)

Лирическое отступление

Еще не успев начать статью, я делаю отступление. (На мой взгляд, к нижеследующему тексту никак не подходит заголовок «Введение».)

Мода на то или иное философское учение, как на шляпки, с течением времени проходит. Насколько популярен был экзистенциализм в 20–50 гг. прошлого века, особенно если учесть, что его идеи распространяли такие философы-писатели, как Ж.-П.Сартр, А.Камю и др. (Камю в 1957 г. даже подучил Нобелевскую премию с замечательной формулировкой Нобелевского комитета: «За важность литературных произведений, ставящих перед людьми с *проницательной серьезностью проблемы наших дней*». В сущности, это оценка именно его философских идей.) И настолько же экзистенциализм практически забыт в 10-е гг. века нашего. Конечно, экзистенциализм «проходят» в вузах, где есть кафедры философии, им занимаются историки философии, но того резонанса уже нет. А жаль! Экзистенциализм – это мудрое и проницательное понимание человека и его существования в зачастую враждебной к нему среде. Подзаголовок статьи – «Возрождая Ясперса» – определяет направленность моего текста: *не «Назад к Ясперсу», а вперед к человеку через философский опыт прошлого*. Во «Введении» к английскому изданию книги К.Ясперса «Разум и экзистенция» ее редактор В.Эрли справедливо пишет: «Интенция философствования Ясперса – просто воззвать нас к нашей аутентичной ситуации. Это воззвание не есть само по себе доктрина; это только стимул

к внутреннему действию, которое должен выполнить каждый в коммуникации с другим»¹. И основной посыл моей статьи – через анализ ясперовской экзистенциальной коммуникации призвать читателя, даже не приемлющего экзистенциального учения, вчитаться, вдуматься, вчувствоваться в его основные положения и начать путь к самому себе, своему самобытию, своей самости, стремиться к подлинной, глубинной коммуникации. Чаще вспоминайте слова А. Камю: «Я нуждаюсь в других, а они – во мне и в каждом человеке»². Предельно лаконичная и пронзительно ясная формула коммуникации.

Актуальность коммуникации сегодня обусловлена чрезвычайно сложным политическим, социальным и психологическим климатом в современном мире. Е. Дьякова, рецензируя роман Мишеля Уэльбека «Карта и территория» («самый мудрый роман Уэльбека»), отмечает: сквозной темой романа (как и других его произведений) является «иссыхание, отмирание “любых человеческих отношений”». «В его книгах, – пишет рецензент, – отношения матерей с детьми, мужчин с женщинами, людей с их ремеслом гибнут так, точно с каждым частным случаем *отмирает еще одна клетка Европы*»³.

* * *

Философия – не заповедник для профессиональных философов, а дело каждого.

Дж. Р. Коллингвуд

Начну же статью с констатации факта, а именно: *разительного контраста* между двумя типами коммуникаций – поверхностной, внешней (массовой) и внутренней, глубинной (экзистенциальной). Концепция подлинной коммуникации занимает одно из центральных мест в философии Карла Ясперса. Именно фило-

¹ Earle W. Introduction // Jaspers K. Reason and Existenz. The Noonday Press, 1955. P. 15.

² Камю А. Бунтующий человек // Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 349.

³ Дьякова Е. Сеть шарм-отелей «Конец света» // Новая газета. 2011. № 138. С. 22 (курсив мой. – Н.М.).

софское высветление немецким философом аутентичных основ человеческого бытия приводит к пониманию природы коммуникации *как меры* человека.

По моему глубокому убеждению, философия Ясперса посвящена одной проблеме – проблеме человека, и обращена к *каждому человеку* (что и обусловило мой выбор эпитафии). Многосложная конструкция его учения построена с целью определить способы существования человека и обнаружить то существование, которое есть его подлинное самобытие – глубинное ядро человеческой личности.

Известно, что понятие, термин, категория приобретают свое конкретное значение в рамках той или иной системы. Для того чтобы понять ясперсовскую категорию коммуникации, необходимо знать *схему* мира (слова самого философа), представленную в его учении, а именно – объемлющее и его способы (разумеется, предельно коротко).

Схема мира

Вслед за Кантом Ясперс полагает невозможным учение о бытии в себе: в процессе познания мы раскалываем его на объект и субъект и не имеем выхода к бытию в себе. Тем не менее мы обязаны допустить существование чего-то, что предшествует этой расколотости; это «что-то» Ясперс и называет *объемлющим*. Мы живем и мыслим, говорит немецкий философ, внутри горизонта. Но сам факт, что существует горизонт, указывает на что-то, что опять объемлет данный горизонт. Так мы получаем понятие *объемлющего*. «Бытие, – пишет немецкий философ, – которое не есть ни только субъект, ни только объект, которое в расщеплении на субъект и объект присутствует и в том, и в другом, мы называем *объемлющим*. Хотя оно и не может стать адекватным предмету, мы в философствовании говорим, отправляясь от него и приближаясь к нему»⁴.

Объемлющее есть либо бытие само по себе, которое нас объемлет, либо бытие, которое есть мы. Способы *объемлющего*, которое есть мы: 1) *эмпирическое существование «Я»* как природного

⁴ Ясперс К. Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 424.

индивида, стремящегося к удовлетворению своих потребностей; единичное сознание; живое тело и душа; здесь мы в сущности – один из видов бытия, а не собственно человеческое; 2) *сознание вообще* – место всего понятного, общепринятого, предметного. Только то, что появляется в нашем сознании как переживаемое, как предмет, есть бытие для нас. Но осознание границ открывает нам и возможность Другого; 3) *дух* есть целостность понимающего мышления, поведения, чувства, есть целостность, которая не становится в себе закрытым предметом для моего знания, но остается Идеей.

Бытие, которое нас объемлет, двойственно: оно есть мир, есть бытие, мельчайшая часть которого составляет и сторону нашего существа; оно есть и трансценденция, т. е. бытие, в которое мы не входим, но на котором мы основаны. Трансценденция обступает нас со всех сторон, постоянно взывая к нам. Мы его можем не услышать, но оно говорит с нами, оно не видимо, как видимы предметы эмпирического опыта, но оно пронизывает нас. Отказаться от трансценденции – значит замкнуть себя в эмпирическом мире вещей и самого себя знать только как эмпирическое существование (*Dasein*⁵). Но человек всегда больше того, что он знает о себе, больше, чем он есть в своей жизнедеятельности.

Все это – имманентные способы объемлющего, которое есть мы. Экзистенция – *трансцендентный* способ объемлющего, которое есть мы. В силу того, что именно экзистенция имеет своим горизонтом трансценденцию, она есть *одушевление и основа* всех способов объемлющего, *исток* как условие самобытия, без которого всякая даль была бы распыленностью.

А теперь непосредственно о коммуникации. Ясперс различает два вида коммуникации: 1. коммуникация как сообщаемость (*Mittelbarkeit*) и 2. экзистенциальная коммуникация.

⁵ Ничего общего с «Dasein» у Хайдеггера. По С.Аверинцеву, хайдеггеровское Dasein соответствует Vorhandensein (~ присутствие). Главная особенность Dasein в философии Хайдеггера – конечность человеческого бытия, отношение к которой обозначено у него как «забота».

Коммуникация как сообщаемость

Ни для кого из нас, живущих на этом свете, не является секретом, что каждый из нас есть *единичность* (не путать с индивидуальностью). Но, утверждает Ясперс: «Не может быть ни одного человека, который был бы один для себя как чистая единичность»⁶. В этой фразе заложен фундамент ясперовского толкования коммуникации: мы есть то, что мы есть, «только благодаря общности взаимного сознательного установления понимания (*Verständlichwerdens*)»⁷.

Кстати, а вот *непонимание* – одно из величайших бед человечества – как в общественном, так и в личном плане (утверждение настолько очевидное, что не требует пояснения). И экзистенциальной трагедией оборачиваются для умного человека поиски понимания даже тогда, когда он а priori обречен на поражение. Этот парадокс тонко подметил Д.Быков в эссе «15 января. Родился Александр Грибоедов». Он напоминает нам упреки, высказанные в разное время и независимо друг от друга Пушкиным и Белинским в адрес Грибоедову. Эти упреки можно обобщить одной фразой: зачем Чацкий мечет бисер перед Скалозубом, Фамусовым и им подобными? Но, замечает Быков, горькая и странная, эта пьеса – именно о том, как ум взыскует диалога. Здесь Грибоедов попал в нерв: черта умного человека – изначально и неизбежно присущая уму, – высказываться даже перед теми, кто не может тебя понять. Грибоедов точно подмечает ахиллесову пяту всякого большого ума: необходимость отклика (см.: *Быков Д.* Календарь-2. Споры о бесспорном. М., 2011).

Но вернемся к Ясперсу. Чтобы подчеркнуть уникальность человеческой коммуникации, философ сравнивает человека с животным. Животное является единичным во всех поколениях в силу наследования и естественного развития. Если оно составляет общность, то только благодаря инстинкту, и эта общность неисторична, ибо соответствует лишь природным законам. Человеческая же общность по аналогии с животным более слабая с точки зрения

⁶ *Jaspers K.* Vernunft und Existenz. Batavia, 1935. S. 50 (проблема коммуникации пронизывает все произведения Ясперса, но именно в «Vernunft und Existenz» она становится центральной).

⁷ *Ibid.* (курсив мой. – Н.М.).

сохранения естественных надежных связей: «Чисто биологически человек здесь, как всюду, ниже животного. Его общность прежде всего не является непосредственной, но опосредована *через отношение к другому*: через отношение к общей познанной цели в мире, через отношение к истине, через отношение к Богу»⁸. Это опосредование приводит к тому, что человеческая коммуникация в общности, с одной стороны, в отличие от животного, не имеет только повторяющейся, окончательной цели. Она *исторична* и имеет путь непрерывного изменения, начало и конец которого невидим. С другой стороны, вследствие движения и изменения она (человеческая общность) является ненадежной, постоянно должна завоевывать себя: «Она существует поэтому в напряжении окольной дороги, ошибки, перевертывания и возвращения к прошлому»⁹.

Итак, человеческое бытие существует не только через наследование, но прежде всего через *традицию* как сообщаемость новым поколениям из прошлого. Каждое новое поколение, каждое новое человеческое бытие, заявляет Ясперс, начинает с этой коммуникации, а не просто со своей биологической действительности, а потому коммуникация есть *универсальное условие человеческого бытия!* (Однако сама коммуникация не может быть универсальной – только личностной, так сказать «с глазу на глаз».)

Коммуникация, говорит философ, имеет столь всеохватывающую сущность, что то, чем является человек и что для него существует, – все это связано с коммуникацией. И еще важное замечание: объемлющее как то, что есть само бытие, является для нас только постольку, поскольку оно становится в сообщаемости *речью, или становится произносимым.*

Кстати, в лекциях по радио «Введение в философию» (1953 г.) Ясперс так определил философию: исток философии хотя и лежит в удивлении, сомнении и опыте пограничных ситуаций, «но в конце концов все это замыкается в воле к подлинной коммуникации. Это обнаруживается с самого начала уже в том, что всякая философия стремится *к сообщению, высказывает себя, хочет быть услышанной, что ее суть – это сама сообщаемость, которая не отделима от истинствования (Wahrsein).* Только в коммуникации достигается та цель философии, в кото-

⁸ Jaspers K. Vernunft und Existenz. Batavia. S. 51.

⁹ Ibid. S. 52.

рой все цели находят свое последнее основание и смысл: внятие бытию (*das Innewerden des Seins*), просветление любви, совершенство покоя (курсив мой. – Н.М.)»¹⁰.

Итак, мы приходим к истине, которая не может быть отделена от сообщаемости. И это имеет свои последствия: истина обладает столь же многообразным смыслом, сколь многообразны способы коммуникации, в которых она выступает. Эти способы зависят от того объемлющего, внутри которого имеет место сообщение, например, от одного эмпирического существования (*Dasein*) к другому или в сознании вообще и т. д.

Ясперс анализирует способы коммуникации и соответственно сообщаемости во всех способах объемлющего. И в каждом способе объемлющего коммуникация имеет свою специфику. Например, эмпирическое существование человека – это безгранично заинтересованная в себе жизнь и воля безгранично сохранять себя и расширять, хотеть удовлетворения и счастья. Чтобы добиться этих целей, объемлющее *Dasein* принуждает к коммуникации общности, способной сохранить эмпирическое существование (физиологическое, психологическое, социологическое). Интерес (или, напротив, то, что каждый принимает за свой интерес) находится в другом. Говоря о том, что каждому способу объемлющего соответствует свой способ коммуникации, Ясперс особо подчеркивает: было бы неправильно какой-либо способ коммуникации считать незначительным.

Различные способы объемлющего не следует воспринимать так, что один человек – *Dasein*, другой – сознание вообще и т. п.¹¹. Никакой способ объемлющего не может иметь абсолютного преимущества бытия, каждый способ необходим в целом. Это целое, заявляет философ, не есть сумма уровней, но есть внутренне артикулированная структура способов бытия и «каждый способ принадлежит шифру трансценденции»¹².

¹⁰ Ясперс К. Введение в философию / Пер. Т.Шитцова (<http://elenakosilova.narod.ru/studia/einfuehrung.htm>).

¹¹ Персонаж одного фантастического романа (читала давно, поэтому, хотя прекрасно помню сюжет, не помню ни названия романа, ни его автора) андроид в зависимости от обстоятельств и целей превращался то в человека, то в волка, то в мыслителя в виде пирамиды, слабо светящейся голубым светом. Так это не про нас как объемлющее, которое есть мы.

¹² Ясперс К. *Vernunft und Existenz*. S. 75. «Шифр», по Ясперсу, более адекватен в отношении непознаваемой трансценденции, чем «символ». С этим нельзя не согласиться.

Итак, каждый человек есть целостность, которая обусловлена *всеохватывающей связью* всех типов объемлющего. Это – разум. И – экзистенция.

Экзистенциальная коммуникация

Но прежде чем исследовать подлинную природу коммуникации – экзистенциальную, – остановлюсь на коммуникации неподлинной, о которой писал Ясперс, как я бы сказала, коммуникации со знаком минус (здесь я использую доказательство от противного).

1. Случается так, что разум – всеохватывающая сила всякой коммуникации, которая кроме понимания себя дает понимание чужого, – парадоксальным образом оказывается в лишенном коммуникации изолировании. Это так, пишет Ясперс, будто все силы духа дают исчезнуть разуму, чтобы на его место поставить абсурд. Тот, кто отрицает возможность подлинной коммуникации вообще, упорствует в своем утверждении неизбежного одиночества всех¹³.

2. В «Духовной ситуации времени», опубликованной в 1931 г., Ясперс рисует картину, до боли знакомую нам в XXI столетии: расцвет астрологии, теософии, спиритизма, ясновидения, изгнания болезней заклинаниями, оккультизма. Суеверия разного рода, отмечает философ, дробят повсюду «субстанцию разумного бытия человека»: «Коммуникация становится невозможной в тумане этого, вносящего сумятицу, суеверия, уничтожающего возможность как подлинного знания, так и действительной веры»¹⁴.

3. На протяжении человеческой истории для формирования человека, пишет Ясперс, использовали такие техники, как *exercitia spiritualia*, йога-техника, мистические инициации. Все подобные методы преследовали воспитания в человеке определенной дисциплины, и только. Но человек «нуждается в более глубокой дисциплине *постоянно вырабатываемой прозрачности коммуникации*...

¹³ *Jaspers K.* Vernunft und Widervernunft in unsere Zeit. München, 1950. S. 61.

¹⁴ *Ясперс К.* Духовная ситуация времени // Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 373. Сколько писем в свое время разослал В. Гинзбург главным редактором центральных газет с просьбой не публиковать астрологические прогнозы – никто даже не ответил ему.

человечество должно формироваться при условии не обманчивой, не облегченной, не вырождающейся, но бесконечно высветляющей коммуникации»¹⁵.

Широко известна резкая критика Ясперсом психоанализа, претендующего на раскрытие природы человека. В результате человек, пишет философ (по первому образованию психиатр) не приходит через напряжение к самому себе, а возвращается к своей природе, и ему уже больше не нужно быть человеком, не нужно овладевать *истинной саморефлексией*: «Истинная саморефлексия, – подчеркивает Ясперс, – достигшая после длительного развития в рамках христианства вершины у Кьеркегора и Ницше, здесь искажена для открытия сексуальных желаний и типичных переживаний детства; это – маскировка подлинной опасной саморефлексии простым обнаружением известных типов в их мнимой неизбежности, которая абсолютизирует человеческое существование в его низменных проявлениях»¹⁶. И уж, конечно, он не принял бы современную трансперсональную психологию, которая, дабы понять природу человека, задается целью исследовать формы измененного сознания. Это такие состояния сознания – измененные или расширенные (например, галлюцинации), – для достижения которых в ход идут суггетивные и гипнотетические техники, спиритический опыт, медитативные практики, различные школы йоги, даосизма, шаманизма, опыт наркотического опьянения и пр.

Так что же такое подлинная коммуникация как мера человека? *Разум и экзистенция* – это, утверждает Ясперс, и есть собственно человеческая сущность, и нигде глубже эта сущность не раскрывается, как в *коммуникации*. Экзистенция только тогда открыта и вместе с тем действительна, когда она приходит к самой себе вместе с другой экзистенцией. И помогает ей в этом – разум. По Ясперсу, экзистенция не просто объемлющее в смысле дали горизонта всех горизонтов, но *исток* (Ursprung) как условие самобытия (Selbstsein), без которого всякая даль была бы расплылена: «Экзистенция, – говорит Ясперс, – не становясь сама ни объектом, ни образом, несет в себе смысл каждого способа объемлющего»¹⁷. Это значит, что она есть одушевление и основа *всех* способов объ-

¹⁵ Jaspers K. Vernunft und Existenz. S. 67.

¹⁶ Ясперс.К. Духовная ситуация времени. С. 383.

¹⁷ Jaspers K. Vernunft und Existenz. S. 36.

емлющего. Экзистенция в философии Ясперса призвана указать нам на глубины подлинного человеческого бытия – на тот исток, где мы должны обрести свою уникальную человеческую самость и увидеть ее связь с Другим – с миром, с другой экзистенцией, с трансценденцией. Экзистенция наделяет смыслом *все* другие способы объемлющего, она – как бы ось, вокруг которой вертится все значимое для нас. Экзистенция не может быть предметом науки, даже просто образом, она получает экзистенциальное высветление в таких терминах, как свобода, творчество, спонтанность, историчность, но и они не исчерпывают всего объема понятия, а только подводят человека к пониманию необходимости все нового и нового *осуществления своей самости*. Человек есть больше, чем он знает о себе, и об этом говорит его экзистенция, которая постоянно разбивает установленные образцы, чтобы создать новые исторические организации (на уровне эмпирического существования), новое познание в сфере наук (на уровне сознания вообще) и новые идеи (на уровне духа, такие, как мораль, искусство, религия).

В философии Ясперса экзистенция – это индивидуальное, единичное, конкретное, историческое бытие каждого человека. Но экзистенция дана человеку в отличие от других способов объемлющего только как возможность. Истинное предназначение человека – реализовать себя как экзистенцию.

В мою задачу не входит анализ экзистенции в полном объеме. Отмечу лишь два важных для её понимания момента. 1. В мышлении, в сознании вообще, даже в духе человек отделен от бытия (субъект-объектный раскол); в экзистенции же человек есть *и понимание* (та же субъект-объектная дихотомия) *и одновременно бытие понимаемого*. Или по-другому: «это сразу понимание *и* бытие понимаемого»¹⁸. Это, поясняет Ясперс, как в любви, – одно дело понимать любовь как состояние какого-то человека, другое дело – любить самому. 2. Только в экзистенции происходит встреча с трансценденцией, которая есть *условие* выхода за предел данного, видимого, предметного мира. Связь экзистенции с трансценденцией глубоко внутренняя, интимная, именно она наделяет экзистенцию глубочайшим смыслом, присущим ей. «Сравним ли мы экзистенцию с сознанием вообще, – пишет Ясперс, – с духом или другим каким-либо способом объемлющего, всегда одно и то

¹⁸ Jaspers K. Vernunft und Existenz. S. 38.

же: без экзистенции все становится как бы пустым, полым, бес-телесным, поддельным, потому что все превращается в бесконечное бытие масок, бытие возможного, или простое эмпирическое существование»¹⁹.

В свою очередь, экзистенция нерасторжимо связана с чем-то, что относится ко всем способам объемлющего. Это не есть новое целое, но постоянное *требование и движение*. Оно не есть новый, добавленный способ объемлющего. Это новое есть радикальная открытость и всеобщая воля к коммуникации. Оно есть *связь (das Band)* всех способов объемлющего. «Оно называется разумом»²⁰.

Наконец, мы подошли к главной составляющей экзистенциальной коммуникации – связи разума и экзистенции. Разум, пишет Ясперс, требует беспредельной коммуникации, он – тотальная воля к коммуникации. Глубинная причина такой роли разума лежит в том, что мы *во времени* не можем обладать истиной как единой и вечной, и потому наше наличное бытие возможно только наряду с другим наличным бытием. Следовательно, утверждает философ, «экзистенция постигает себя лишь в сообществе с другой экзистенцией» и «коммуникация являет собой образ открытия истины во времени»²¹. Таким образом, историчность истины, с одной стороны, и историчность экзистенции (как существующей в конкретном историческом времени), с другой, делают столь важной коммуникацию. Истина есть то, что нас соединяет, говорит философ, и в коммуникации – истоки истины: «На всех ступенях объединения людей попутчики по судьбе, любя, находят *путь к истине*, который теряется в изоляции, в упрямстве и в своеволии, в замкнутом одиночестве (курсив мой. – Н.М.)»²².

Связь разума и экзистенции – квинтэссенция ясперовской концепции коммуникации как человеческого измерения: благодаря *свету разума*, утверждает философ, экзистенция чувствует притяжение трансценденции, под уколами вопросов разума она приходит в свое подлинное движение. *Разум без экзистенции* – просто интеллектуальное движение сознания вообще. Экзистенция как не-

¹⁹ *Jaspers K.* Vernunft und Existenz. S. 38.

²⁰ *Ibid.* S. 39. Добавлю: по Ясперсу, и разум, и экзистенция имеют мышление (Denken), которое служит для их прозрачности и пробуждения. Разуму принадлежит *философская логика*, экзистенции – *высветление экзистенции*.

²¹ *Jaspers K.* Философская вера. С. 442.

²² Там же.

познаваемое самобытие есть только коммуникация с другой экзистенцией через разум. Выше я писала о невозможности оставаться единичностью в мире. Экзистенция – единичность, которая может быть реализована только в коммуникации. Для моего истинного бытия, говорит Ясперс, и моего постижения истины важно, что я не только фактически не являюсь для себя один, но я не могу даже стать как я есть без того, чтобы возникать из бытия с другим для меня. Подлинная экзистенциальная коммуникация есть *общение, доверие и понимание*. Но, предупреждает философ, безграничная воля-к-коммуникации никогда не означает, что нужно просто подчиниться другому, но означает необходимость знать его, слышать, считаться с ним вплоть до необходимости преобразования (*Verwandlung*) самого себя.

Но, пожалуй, лучше, чем С.С.Аверинцев выразить ясперовское понимание экзистенциальной коммуникации трудно, потому позволю себе привести цитату из его статьи в «Философской энциклопедии»: «Соотнесенность экзистенции с другой экзистенцией осуществляется в акте *коммуникации*, соотнесенность ее с трансценденцией – в акте веры. Термин “коммуникация” означает в лексиконе Ясперса глубоко интимное и личностное общение “в истине”. Коммуникация есть центр, понятие не только этики и аксиологии, но и гносеологии и вообще всего миропонимания Ясперса; она возводится в ранг критерия философской истины и отождествляется с разумом»²³.

Да не упрекнет меня читатель в моем пристрастии к Сергею Сергеевичу, но закончить статью хочу его прекрасными словами о братстве мыслителей всех времен: «Вера Ясперса в возможность общечеловеческой коммуникации в пространстве и времени поверх всех культурных барьеров связана с его исключительно интимным и прочувствованным ощущением философской традиции как братства мыслителей всех времен: “пока человек философствует... он ощущает себя в связи с сокровенно-открытой цепью свободно ищущих людей”»²⁴.

²³ Аверинцев С.С. Ясперс (Jaspers), Карл // Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970. С. 621.

²⁴ Там же. С. 622.

* * *

P.S. Предвижу критику в мой адрес дорогих коллег – где критическое осмысление текстов К.Ясперса, почему не ставится вопрос о том, как он решал проблему всеобщего и единичного, как автор расценивает релятивизм и плюрализм в толковании Ясперсом истины и т. п.? Может представить читатель, какой бальзам пролился на мою душу, когда я прочитала в статье всемирно известного финского философа Я.Хинтиikka «Философские исследования: проблемы и перспективы» следующее: «В наши дни преобладающая парадигма философской деятельности – не научное исследование, а скорее экзегезис – прояснение или толкование священных текстов или, возможно, творческая интерпретация великих произведений мировой литературы. Мы можем назвать это “экзегетическим поворотом”. Даже в области изучения истории философии многие современные исследователи, похоже, удовлетворяются тем, что дают новое “прочтение” работ какого-то классического или даже современного философа вместо того, чтобы выяснять, что этот мыслитель действительно имеет в виду или что могут его прозрения внести в наше понимание предмета. Говоря в более общем виде, в изучении истории философии эта смена целей философствования проявляется в форме практического отказа от поиска исторической истины. Вместо того, чтобы сосредоточиться на вопросе, что тот или другой мыслитель действительно имел в виду, философы слишком часто проектируют на чужие философские тексты свои собственные идеи и проблемы. Эта тенденция не нова. В Оксфорде того или иного философа иногда обвиняли в том, что он относится к Аристотелю или Платону так, как если бы они были “коллегами из соседнего колледжа”. И эта тенденция становится все сильнее и все распространеннее. Слишком часто философы, занимаясь историей, концентрировались на собственных проблемах и идеях, оставляя общую интеллектуальную историю историческим или гуманитарным факультетам вместо философских»²⁵.

P.P.S. За рамками статьи осталась проблема свободы, но и так ясно, что без свободы не может быть никакой подлинной личности: свобода – одно из важнейших условий существования экзистенции в коммуникации.

²⁵ Хинтиikka Я. Философские исследования: проблемы и перспективы // Вопр. философии. 2011. № 7. С. 4.

2. КОММУНИКАЦИЯ, ЯЗЫК, СМЫСЛ

А.Л. Никифоров

Язык как средство построения индивидуального жизненного мира

1. Значение языковых выражений

С помощью мышления человек строит картину окружающего мира, и эта картина находит выражение в языке. Язык одной своей стороной обращен к мышлению: именно мышление наполняет языковые выражения смыслом. Но другой своей стороной он обращен к миру: мышление, смысл с помощью языка налагается на внешние воздействия, интерпретируя их в виде предметов. Так создается мир, в котором мы живем.

Наиболее прочную и устойчивую основу этого мира составляет, по-видимому, знание – то знание, которое мы получаем в процессе взаимодействия с окружающим миром в обыденной жизни, которое представлено в научных публикациях, учебниках, энциклопедиях и принимается всеми членами общества. Усваивая язык, овладевая смыслом слов и терминов повседневного и научного языков, человек постепенно приобретает умение видеть мир глазами общества, т. е. интерпретировать внешние воздействия, создавая образы предметов, свойств, связей между предметами и явлениями и т. п. В дополнение к естественной среде своего обитания человек создает так называемую «искусственную» среду. Мы живем, в основном, не среди лесов, полей и рек, а среди асфальтовых дорог, домов и автомобилей. Нас окружают не только цветы и деревья, но и холодильники, стиральные машины, столы и стулья. Когда мы обсуждали вопрос о том, где и как существует знание¹, мы решили, что знание

¹ *Никифоров А.Л.* Смысл языковых выражений и знание // *Философия науки.* Вып. 15. М., 2010.

существует как смысловая сторона или смысловое содержание повседневного и научного языков. Сейчас мы можем к этому добавить, что знание существует также в виде предметного мира, который нас окружает. Окружающий нас мир есть предметное воплощение нашего знания. Знание – это не «третий мир» бестелесных идей и проблем К.Поппера, это не ментальное состояние того или иного индивида, знание – это окружающий нас мир, создаваемый нашей интерпретацией внешних воздействий.

Как известно, логическая семантика сводила значение языковых выражений, в основном, только к предметному или денотативному значению: значением слова является обозначаемый этим словом предмет (или класс предметов, «естественный вид» и т. п.). Основной функцией языка в логической семантике называется функция обозначения. Поэтому естественно возникает мысль о том, что посредством анализа языка мы можем выявить структуру мира. «Анализ языка, – пишет Л.Б.Макеева, – служит ключом к выявлению структуры и содержания реальности. Такова позиция создателей аналитической метафизики, которые убеждены в том, что, изучая феномен языка, его общие черты и механизмы функционирования, можно составить представление и об онтологическом строении мира, т. е. установить, что имеет статус существующего»².

Практически все концепции аналитической философии, рассматривавшие отношение между языком и миром, опирались на весьма сомнительную с точки зрения эпистемологии идею: существуют предметы, события, положения дел, а мы с помощью языка лишь обозначаем эти предметы и положения дел и проблема состоит лишь в том, чтобы отделить выражения, обозначающие реально существующие предметы, от тех выражений, которым в реальности ничего не соответствует и которые, следовательно, ничего не обозначают.

Сведение всех функций языка к обозначению чрезмерно упрощает картину. Язык служит не только для обозначения. Его основная функция – обеспечение коммуникации, хранение и передача информации. Для рассмотрения этой функции одного денотативного значения уже не хватает, приходится обращаться к понятию смысла. Опять-таки, логическая семантика, начиная с Г.Фреге, со-

² Макеева Л.Б. Язык, онтология и реализм. М., 1911. С. 15.

держание смысла языкового выражения сводила только к указанию на обозначаемый объект: смысл языкового выражения – это способ указания на тот объект, который обозначается этим выражением. Всего этого, может быть, достаточно для построения и анализа искусственных языков логики и математики, но когда мы обращаемся к естественному языку, чрезмерная упрощенность всех этих рассуждений становится очевидной.

Лингвистическая семантика, описывающая свойства выражений естественного языка, даже в самом первом приближении выделяет, по крайней мере, четыре слоя в значении языкового выражения: денотативное значение; сигнификативное значение; прагматическое значение и синтаксическое значение³. Для нас в данном случае важно то, что в лингвистике значение языкового выражения не сводится к денотату или референту, а имеет весьма сложную структуру.

«Денотативный слой значения, – пишет И.М.Кобозева, – или *денотативное значение*, или просто *денотат* языкового выражения, – это передаваемая им информация о внеязыковой действительности, о том реальном или воображаемом мире, о котором идет речь»⁴. В логико-семантической традиции под денотатом или референтом принято понимать предмет или множество предметов, обозначаемых языковым выражением, а информация об этом предмете выражается понятием смысла. О нем мы и будем говорить ниже.

Первый слой смысла слов повседневного и терминов научного языков состоит из знания о предметах и явлениях окружающего мира. Наши обычные слова «воздух», «земля», «дерево», «человек», «река» и т. п. несут в себе то знание о соответствующих объектах, которое мы приобретаем в процессах взаимодействия и действия с ними. Смысл научных терминов «масса», «сила», «электрический заряд», «ген» и т. п. задается научными теориями. Наука влияет также и на смысл слов нашего повседневного языка, дополняя его теми знаниями, которые мы не можем получить в обыденной жизни. Скажем, в смысл слова «воздух» современный человек включает также знание о том, что это смесь газов, что воздух содержит кислород, что он оказывает на нас давление и т. п.

³ См.: Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2009. С. 58.

⁴ Там же.

Знание – это часть смысла языковых выражений, которая сохраняется при переводе с одного языка на другой и делает возможной коммуникацию между представителями разных народов. Налагая языковые выражения на чувственные восприятия, мы формируем образы предметов и явлений окружающего мира, – референты этих выражений. Знание и конструируемый с его помощью предмет образует то денотативное значение, о котором говорит И.М.Кобозева.

Однако смысл языковых выражений не исчерпывается знанием. В него включаются также те культурные коннотации, ассоциации, которые связывают с предметами и явлениями люди, принадлежащие определенной культуре. И если знание можно в какой-то мере считать интернациональным, культурный слой смысла одних и тех же языковых выражений может весьма сильно различаться у разных народов⁵.

Вот, например, очень простые и обыденные слова: «белый» и «черный». В энциклопедических словарях разных народов они определяются приблизительно одинаково: белый – цвет свежесвыпавшего снега, лебедя; черный – цвет угля, сажи. Предметное значение этих слов и для немца, и для русского будет одним и тем же. Однако в дополнение к этому предметному значению в русской культуре белый цвет ассоциируется с чистотой, невинностью, с чем-то вообще хорошим: белое платье невесты, белый голубь – символ мира, доброй вести, белая скатерть для дорогих гостей. Черный цвет, напротив, – это цвет траура, печали, чего-то плохого, злого: черные мысли, черная зависть, черные тучи. Встретить черную кошку – к несчастью. А вот в английской культуре встреча с черной кошкой означает удачу, везение, счастье. В России слово «национальность» означает принадлежность к определенной нации, к народу – татарин, армянин, литовец. Английское слово «nationality» означает вовсе не национальность в этом смысле, а гражданство. Мы о своей стране говорим: «Родина», «Отечество», «Отчизна», в английском языке обычно употребляется лишь одно слово «country»; мы говорим: «наша страна», англичанин более сух и сдержан: «this country» – «эта страна» – произносит он, даже говоря о своей родной Англии.

⁵ Чрезвычайно интересный материал по этому вопросу можно найти в книге: Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2004.

Наши местоимения «ты» и «вы» передают десятки различных отношений людей друг к другу: вежливое, уважительное или холодное, отчужденное «вы» и дружеское, интимное, а то и грубое, хамское «ты». У англичан есть только одно «you» – «вы». А грамматический род наших слов – род, которого лишены слова английского языка? Мы относим к мужскому или женскому роду не только людей или животных, но и деревья, цветы, горы и реки, планеты и звезды: роза и мак, береза и дуб, Волга и Днепр, Париж и Венеция. Тем самым мы как бы одушевляем окружающие нас предметы, делаем их ближе, роднее. В самом деле, нам легко произнести: «Волга-матушка» или «Одесса-мама», англичанин же едва ли скажет: «Темза-матушка». А ведь приписывание грамматического рода существительным способно оказывать достаточно серьезное влияние на наше восприятие предметов и ситуаций. Широко известным примером этого влияния является перевод М.Ю.Лермонтовым стихотворения Г.Гейне, в котором могучий северный кедр «*ein Fichtenbaum*» тоскует о далекой южной пальме «*eine Palme*». Гейне рассказывает историю о мужчине и женщине. Лермонтов в своем переводе вынужден был превратить «*der Fichtenbaum*» в сосну – предмет женского рода – и смысл всего стихотворения принципиально изменился: оно стало повестью о двух разлученных сестрах.

Быть может, стоит еще обратить внимание на обилие в русском языке так называемых «уменьшительно-ласкательных» суффиксов, с помощью которых мы можем выразить целую гамму отношений к людям, предметам и явлениям. Например, русское слово «старуха» можно передать по-английски выражением «*old woman*». Но есть еще слова «старушка», «старушенция». Как можно было бы передать на английском языке то чувство, которое выражено в стихотворной строчке С.Есенина: «Ты жива еще, моя старушка?». Буквальный перевод этого вопроса: «*Are you still alive, my dear little old women?*», далеко не выражает той нежной заботливости, с которой поэт обращается к своей старушке матери. Разница в смысле языковых выражений обусловлена различием культур: каждая культура создает свой собственный мир, в котором живет народ – творец и носитель этой культуры.

Разница в культурном слое смысла языковых выражений наиболее ярко проявляется при попытках перевода литературы одного народа на язык другого народа. Знаменитый русско-американский

писатель В.В.Набоков, живший и в мире русской, и в мире американской культуры, в своей статье «Искусство перевода»⁶ говорит о почти непреодолимых трудностях перевода с одного языка на другой. «...В переводе Чехова на немецкий язык, – пишет он, разбирая разнообразные казусы и нелепости перевода, – учитель, едва войдя в класс, погружается в чтение “своей газеты”, что дало повод величавому критику сокрушаться о плачевном состоянии школьного обучения в дореволюционной России. На самом-то деле Чехов имел в виду обыкновенный классный журнал, в котором учитель отмечал отсутствующих учеников и ставил отметки. И наоборот, невинные английские выражения “first night” (“премьера”) и “public house” (“пивные”, “закусочные”) превращаются в русском переводе в “первую брачную ночь” и “публичный дом”»⁷.

Набоков рассказывает о том, как он бился над переводом на английский язык первой строки стихотворения А.С.Пушкина «Я помню чудное мгновенье...». Английский перевод будет выглядеть так: «*I remember a wonderful moment*». – «Как ни старайся, – замечает Набоков, – английского читателя не убедишь, что “*I remember a wonderful moment*” – совершенное начало совершеннейшего стихотворения.

«Прежде всего я убедился, – продолжает он, – что буквальный перевод в той или иной мере всегда бессмыслен. Русское “я помню” – гораздо глубже погружает в прошлое, чем английское “*I remember*”... В слове “чудное” слышится сказочное “чудь”, окончание слова “луч” в дательном падеже и древнерусское “чу”, означавшее “послушай”, и множество других прекрасных русских ассоциаций. И фонетически, и семантически «чудное» относится к определенному ряду слов, и этот русский ряд не соответствует тому английскому, в котором мы находим “*I remember*”. И напротив, хотя английское слово «*remember*» в контексте данного стихотворения не соответствует русскому смысловому ряду, куда входит понятие “помню”, оно, тем не менее, связано с похожим поэтическим рядом слова “*remember*” в английском, на который при необходимости опираются настоящие поэты. Ключевым словом в строке Хаусмана “*What are those blue remembered hills?*” («Что за синие вспомнившиеся холмы?») в русском переводе становится ужасное,

⁶ Набоков В. Лекции по русской литературе. СПб., 2010.

⁷ Там же. С. 433.

растянутое слово “вспомнившиеся” – горбатое и ухабистое и никак внутренне не связанное с прилагательным “синие”. В русском, в отличие от английского, понятие “синевы” принадлежит совершенно иному смысловому ряду, нежели глагол “помнить”»⁸.

2. Семантические поля

Замечание Набокова приводит нас к еще одному компоненту смысла – той его части, которая зависит от места слова в лексической структуре языка, от его связи с другими словами. Де Соссюр называл это «значимостью», современные лингвисты называют этот компонент «структурным значением». Все лексическое богатство языка распадается на множества взаимосвязанных слов, и эти связи влияют на значения входящих в множество слов. Это легко понять, если мы возьмем, например, такое простое слово, как «друг». Предметным значением этого слова будет человек, с которым вас связывают определенные отношения. Однако дополнительное значение этому слову придает его связь с такими словами, как «враг», «знакомый», «приятель» и т. п. Вот такие наборы взаимосвязанных слов лингвисты называют «семантическими полями».

«В современном языкознании, – пишет И.М.Кобозева, – *семантическое поле* определяется как совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений. Семантическое поле характеризуется следующими основными свойствами:

- 1) наличием семантических отношений (корреляций) между составляющими его словами;
- 2) системным характером этих отношений;
- 3) взаимозависимостью и взаимоопределяемостью лексических единиц;
- 4) относительной автономностью поля;
- 5) непрерывностью обозначения его смыслового пространства;
- 6) взаимосвязью семантических полей в пределах всей лексической системы (всего словаря).

⁸ Набоков В. Лекции по русской литературе. С. 440–441.

Примеры семантических полей: поле времени, поле животноводства, поле имен родства, поле цветообозначений, поле глаголов побуждения, поле имен характеров и т. д.»⁹.

Какие отношения (корреляции) связывают слова внутри одного поля? Ну, прежде всего, это отношение *синонимии* или *квази-синонимии*: «бросать – кидать», «глядеть – смотреть», «заснуть – уснуть», «убегать – драпать – улепетывать» и т. п. Затем это *родовидовые* отношения: корреляция рода с видами и вида с родом: «дерево – дуб, береза», «сосуд – стакан, графин» и т. п. Далее можно назвать отношение *несовместимости*, имеющее место между видами одного рода: «родитель: мать – отец», «передвигаться: идти – бежать – ползти». Отношение *антонимии*, в котором находятся слова, противоположные по смыслу: «спать – бодрствовать», «влететь – вылететь», «здороваться – прощаться», «большой – маленький» и т. п. Наконец, *конверсивная* корреляция связывает слова, относящиеся к одной и той же ситуации, но характеризующие ее с противоположных сторон: «выиграть – проиграть», «над – под», «купить – продать» и т. п.

Все эти отношения между словами одного семантического поля вносят свой вклад в их смысл, который иногда почти целиком задается этими отношениями. Возьмите, например, слово «племянник». Его предметное значение исчерпывается всего лишь двумя признаками – это человек мужского пола. Для того чтобы полнее представить себе смысл этого слова, нужно знать смысл таких слов, как «родственник», «родитель», «мать», «отец», «сестра», «брат», «сын», и отношения, связывающее слово «племянник» со всеми этими словами, т. е. знать все семантическое поле, в которое входит данное слово. У народов с иными отношениями родства все эти слова могут изменить свой смысл. Отсюда следует, что смысл слова задается в значительной мере тем семантическим полем, к которому принадлежит данное слово. Слово, взятое в изоляции от своего семантического поля, часто обладает очень бедным смыслом.

Эти семантические поля или «смысловые ряды», как называет их Набоков, будут разными в различных языках. Разные народы и их языки по-разному расчленяют поле времени, поле родства, поле растений и т. п., создавая отличные друг от друга миры культуры. И можно подозревать, что эти миры несоизмеримы и несовместимы.

⁹ Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. С. 99.

мы: нельзя мир одной культуры вполне описать на языке другой культуры и нельзя одновременно жить в двух культурных мирах. Конечно, один человек способен освоить несколько языков и жить в мирах разных культур, но в определенный момент времени он может говорить только на одном языке и жить только в одном культурном мире. И даже если он одинаково хорошо чувствует себя в двух мирах и одинаково хорошо владеет двумя языками, он не может на языке одной культуры выразить все содержание другой культуры. Как раз Набоков в этом отношении может служить хорошим примером. При переводе с одного языка на другой может сохраниться только та часть смысла, которая воплощает знание, культурная компонента почти всегда подвергается изменению. Поэтому перевод не только является «неопределенным», как полагал Виллард Куайн, он попросту невозможен.

3. Референты естественного языка

Имя существительное – это грамматическая категория, отличающаяся от других тем, что ей присущ род (мужской, женский, средний), число (единственное или множественное) и падеж. На месте подлежащего в предложении обычно стоит существительное, обозначающее предмет нашей мысли. Но этот предмет далеко не всегда является предметом в обыденном смысле слова – какой-то устойчивой материальной вещью. В самом деле, если цветок или кирпич можно считать предметами, то дым или огонь называть «предметами» как-то трудно. Поэтому, говоря о референтах наших существительных, будем подразумевать под этим любой объект нашей мысли. Взглянув на объекты мира культуры, т. е. на референты имен существительных нашего языка, мы прежде всего отмечаем их громадное разнообразие. Так называемые «материальные» или «реально существующие» объекты занимают в этом мире довольно скромное место, значительно больше в нем объектов, созданных нашим воображением и фантазией.

Начнем хотя бы с героев литературных произведений, сказок, мифов, легенд. Все мы прекрасно понимаем, что никогда не было на свете венецианского мавра Отелло или датского принца Гамлета – их придумал Вильям Шекспир. Никогда не существовали Хлестаков или Чичиков – их придумал Н.В.Гоголь. Не хо-

дил по улицам Лондона знаменитый на весь мир сыщик Эркюль Пуаро – его изобрела Агата Кристи. Царя Салтана и князя Гвидона создал А.С.Пушкин. Баба Яга, Кошей Бессмертный, разбойник Прокруст, побежденный Гераклом, Змей Горыныч, Медуза Горгона и Соловей-разбойник – все они плод народной фантазии и воображения. Тем не менее все эти персонажи живут в нашей культуре, в личном мире множества людей и оказывают порой на мысли, чувства, поведение людей гораздо большее воздействие, чем многие реально существовавшие или существующие люди. Я с огромным трудом вспоминаю имя Жака Ширака, недавнего президента Франции. По-видимому, у этого имени есть физический референт, т. е. живой реальный человек, но этот человек не занимает никакого места ни в мире русской культуры, ни в моем личном мире. А вот размышления Гамлета о жизни и смерти, о лицемерии и подлости, его понимание нравственного долга заставляли многих из нас задумываться над этими вопросами и, возможно, оказали какое-то влияние на нашу жизнь. Гамлет занимает в мире нашей культуры гораздо более значительное место, нежели Жак Ширак.

Таким образом, для начала мы можем отметить, что значимость референта того или иного имени или существительного для культуры и для личного мира отдельного человека никак не зависит от физического существования или несуществования этого референта.

К числу заведомо несуществующих объектов относятся также идеальные или абстрактные объекты, являющиеся референтами терминов научных теорий. Материальная точка, инерциальная система, идеальный газ, абсолютно упругое тело, числа, геометрические фигуры и вообще объекты математики – все они являются предметами, не обладающими реальным существованием. Точно так же повседневный язык превращает в предметы красоту, любовь, белизну или скорость, силу или радость. Эти абстракции задают самые общие, первоначальные формы и схемы для построения реальных объектов и образуют фундамент наших интерпретаций внешних воздействий. Благодаря им мы распознаем во внешнем мире конкретные тела, отношения, свойства.

Однако даже с теми референтами наших существительных, которые как будто бы обладают реальным существованием, дело обстоит не так уж просто. Начнем с *имен событий*, которые в логической семантике, кажется, никогда не рассматривались.

Что такое свадьба, извержение вулкана, морской шторм или восход Солнца? События. Что такое Великая Отечественная война, Сталинградская битва, Реформация или открытие Америки? События. Они обозначаются общими или единичными терминами, но что собой представляют референты этих имен? Ясно, что событие включает в себя какие-то физические предметы и процессы, людей и их действия, но как все это соединяется в нечто единое – в конкретное событие? Можно ли сказать, что событие существует до того, как ему дали имя?

Возьмем для простоты имя какого-нибудь известного события, скажем, «Столетняя война». Известно, что это была война между Англией и Францией, которая началась в 1337 г. с разгрома французского флота у берегов Фландрии. Затем последовали поражения при Креси, при Пуатье, пленение французского короля англичанами, подвиги «Черного принца» Эдуарда, описанные в романе А. Конан-Дойля «Белый отряд». На этот же период приходится восстание в Париже под руководством купеческого старшины Этьена Марселя и крестьянская Жакерия. Несколько раз враждующие стороны заключали перемирие на все более тяжелых для французов условиях, страна распадалась на отдельные провинции. Наконец, во время знаменитой осады Орлеана появляется Жанна д'Арк, под руководством которой французы одерживают первую победу, и в 1453 г. война заканчивается почти полным изгнанием англичан с территории Франции.

Теперь спросим: существовал ли объект, обозначаемый термином «Столетняя война», до того, как мы дали ему имя? Совершенно очевидно, что такого объекта не было. Реально происходили какие-то сражения, передвижения войск, захваты, пожары, грабежи. В 1360 г. был заключен мир; в 1420 г. еще раз был заключен мир, т. е. военные действия вовсе не были непрерывными. Тысячи разнообразнейших эпизодов, сменяющих друг друга во времени, одновременных и переплетающихся друг с другом на протяжении 116 лет, мы подвели под одно общее наименование «Столетняя война» и тем самым создали новый объект. *Имя создает, а затем обозначает* свой объект. *И это справедливо для всех объектов.*

Вы смотрите в окно и видите: с неба льется вода или падают снежинки. Вы произносите: «Дождь» или «Снег». Слово «дождь» объединяет многочисленные капли и струйки воды, падающие на

землю, в нечто единое, цельное, в событие, являющееся референтом этого термина. Звезды ночного неба мы объединяем в созвездия – Большая Медведица, Лира, Дракон, Кентавр и т. п. Мы видим в них нечто целое, хотя звезды, которые мы относим к одному созвездию, часто весьма далеки друг от друга и никак между собой не связаны. Чем созвездия отличаются от «Столетней войны»? Мы часто превращаем в отдельные предметы части реальных объектов, которые, конечно, сами по себе существовать не могут, например, хвост собаки, нос (помните «Нос» Н.В.Гоголя?), этаж дома, окно и т. п.

Короче говоря, мир культуры и личный мир отдельного человека наполнены такими объектами, которые вызваны к жизни только словом: смысл слова задает его референт, превращая в некий самостоятельный объект совокупность внешних воздействий и обстоятельств.

Но, может быть, сами по себе, независимо от обозначения реально существуют хотя бы конкретные единичные предметы – отдельные капли дождя, снежинки, Луна или Эверест? Посмотрим на то, что нам всего ближе – на имена известных нам людей.

Вот перед нами распространенное имя «Петр». Немало разных людей носило и носит это имя. Не вдаваясь в этимологию, добавим к нему отчество «Сергеевич», т. е. включим в смысл нашего имени дополнительную черту: сын Сергея. Круг людей, носящих имя «Петр Сергеевич», будет гораздо уже множества лиц, носящих имя «Петр». Внесем в смысл нашего имени фамилию, год и место рождения, адрес проживания и т. п. В конечном итоге нам все-таки удастся выделить того единственного индивида, которого мы обозначаем именем «Петр Сергеевич». Допустим, это мой молодой друг.

Увы, как только нам удалось выделить интересующий нас единичный объект, как он сейчас же начинает дробиться, расплываться, вибрировать и даже исчезать. Если бы он все время оставался одним и тем же, как число 9, как корень квадратный из 25, как треугольник, то все было бы прекрасно. Но наш объект постоянно изменяется! И это изменение выражается в вариациях его имени. В раннем детстве, когда он еще играл в кубики-рубики, его ласково называли «Петенька», «Петушок»; в школе и в университете он уже «Петька», «Петя», «Петр»; вот он защитил диссертацию, читает лекции, и студенты обращаются к нему почтительно: «Петр Сергеевич». Годам к 50-ти его научные труды прославили его имя

по всему миру, самые престижные университеты США, Англии, Германии конкурируют за честь иметь его в числе своих сотрудников, теперь его называют «известный профессор К.». Проходит еще два десятка лет, и мы видим опустившегося старика, которого соседи ласково кличут «Сергеич». Так каков же референт имени «Петр Сергеевич» – школьник, студент, профессор?

Но изменение самого объекта – это еще пустяки. Главная трудность заключается в том, что разные люди, употребляя имя «Петр Сергеевич», вкладывают в него свой специфический смысл. В устах матери это имя имеет один смысл; жена вкладывает в него другой смысл; коллеги по работе, говоря о Петре Сергеевиче, имеют в виду нечто такое, о чем не подозревают ни мать, ни жена. Каждый человек строит свой образ Петра Сергеевича, приписывая ему специфический набор свойств. Для матери он любящий сын; для жены – заботливый муж; для сына – наставник, кормилец, старший друг; для коллег – талантливый ученый. Однако во всей целокупности своих черт и свойств он не является никому, он всегда повернут к окружающим какой-то одной из своих сторон. И мы опять возвращаемся к нашему вопросу: каков же референт имени «Петр Сергеевич»?

Выражаясь несколько иначе, мы можем сказать, что с этим именем разные люди связывают разные наборы дескрипций, т. е. придают этому имени разные смыслы. И нет никого, кто связал бы с этим именем *объединение* всех этих разных наборов, иначе говоря, «полный» набор черт, особенностей, свойств Петра Сергеевича – как отца, сына, мужа, коллеги и т. п. И в этом смысле Петр Сергеевич во всей полноте своих характеристик не существует ни для кого, даже для самого себя. Можно предположить, что смысл имени «Петр Сергеевич» образуется *пересечением* разнообразных индивидуальных наборов дескрипций, т. е. теми чертами Петра Сергеевича, которые входят в каждый из таких наборов: человек, мужского пола, русский. Вот так и получается, что мы с двух сторон приходим к одному и тому же выводу: имя изменяющегося, рассматриваемого к тому же с разных сторон единичного предмета является абстракцией – обозначением идеализированного объекта. И этот объект столь же мало существует в реальности, как сила, масса, скорость, биологический вид, война или революция. Все эти по-

нения и выражающие их слова задают некоторые общие схемы, которые мы налагаем на внешние воздействия для конструирования предметного мира.

С этой точки зрения имя «Петр Сергеевич» не так уж сильно отличается от так называемых «пустых» имен типа «Пегас», «Евгений Онегин», «Дон Кихот» и т. п. Их называют «пустыми» вследствие того, что референты этих имен не существуют в качестве физических объектов. Начиная с Б. Рассела считается, что употребление таких имен способно приводить к логическим затруднениям. По-видимому, эти затруднения возникают благодаря чрезвычайно упрощенному представлению о языке и его предметной области – тому представлению, на которое опиралась логическая семантика в своем развитии. При таком упрощенном представлении употребление терминов, относящихся к идеализированным объектам или к литературным персонажам, якобы приводит к нарушению законов логики. Но ничего подобного не происходит. С более широкой точки зрения здесь вообще нет никаких проблем.

4. Экспрессивно-оценочные выражения

С точки зрения употребления лингвисты выделяют три разных класса слов. Во-первых, это слова, обладающие только предметным значением и не выражающие никакого отношения говорящего к обозначаемым предметам и явлениям. К этому классу будут относиться такие слова, как «дерево», «император», «писатель», «масса», «реформа», «белый» и т. п. Выше шла речь только о словах такого рода. И это было оправданно, ибо это – слова, с помощью которых конструируется мир знания и культуры. Овладевая повседневным и научным языками, мы делаем часть этого громадного мира знания и культуры основой своего жизненного мира. Ко второму классу относятся слова, выражающие чистую оценку без указания объекта, к которому эта оценка относится, например, «хороший», «полезный», «уродливый», «вредный», «прекрасный» и т. п. Только контекст, т. е. соединение оценки со словами первого рода, позволяет понять, к каким предметам и явлениям применяет говорящий эти оценки: «хороший писатель», «вредная реформа», «безобразная скульптура».

Когда мы начинаем говорить об индивидуальном жизненном мире, то наиболее интересным оказывается третий класс, состоящий из таких слов, которые указывают на некоторый объект и одновременно выражают оценку этого объекта говорящим. Например, в «Словаре русского языка» С.И.Ожегова мы читаем: «*Пособник* – помощник в дурных, преступных действиях»; «*Сподвижник* – помощник в деятельности на каком-нибудь поприще, соратник». Слова «пособник» и «сподвижник» по своему предметному значению совпадают – это помощник в каком-то деле, однако они выражают совершенно разное отношение говорящего к этому «помощнику» и к самому «делу». Таковы же слова «заклеймить», «самоуправство», «сговор», «военщина», «судилище», «произвол», «лихачество» и т. п. Лингвисты называют их «экспрессивно-оценочными» словами или «прагмемами»¹⁰, подчеркивая в этом названии их специфически прагматическую функцию: не только обозначать какой-то предмет, явление или передавать информацию о нем, но и выражать – положительное или отрицательное – отношение говорящего к этому предмету или явлению. Прагмемы резко отличаются от слов первых двух классов. Слова первого класса обладают только предметным значением и могут выступать в качестве субъекта суждения. Здесь референт и смысл – указание на предмет и информация о нем – слиты воедино, в одно значение. Слова второго класса вообще не указывают на предмет, их смысл исчерпывается оценкой и обычно они используются только в качестве предикатов. Лишь соединение слов этих двух классов способно породить суждение: «Дом – удобный», «Поступок – нравственный», «Лекарство – полезное». А вот в прагмеме предметное значение соединяется, сплавляется с оценкой – это одновременно и указание на объект, и информация о нем, и выражение отношения к нему. Поэтому прагмему можно рассматривать как «свернутое», сжатое в одно слово суждение. Обозначить какой-то поступок словом «произвол» значит одновременно охарактеризовать его как незаконный, несанкционированный, своевольный. Здесь в одном слове содержится подлежащее и сказуемое, субъект и предикат.

¹⁰ См.: *Элитейн М.Н.* Способы воздействия идеологического высказывания. – Образ человека XX века. М., 1988. С. 178. Слово «прагмема» кажется довольно-таки уродливым, однако нелегко найти ему столь же краткую замену.

Смысл слов с обычным предметным значением в значительной мере зависит от контекста употребления. Например, взглянув на ряд предложений: «Эта комната свободна», «Наконец-то я свободна!», «Сэр, это свободная страна!», мы замечаем, как варьируется смысловое наполнение слова «свободна». Но прагмема, будучи «свернутым» предложением, оказывается в значительной мере независимой от контекста, более того, она сама задает свой контекст. Вот два предложения: «Опытный политик сумел заключить соглашение с предводителем повстанцев» и «Матерый политикан вступил в сговор с главарем бандитской шайки». Легко видеть, что как только на место слова «политик» мы поставили прагмему «политикан», так сразу же мы вынуждены соответствующим образом подбирать другие слова: вместо «опытный» – «матерый», вместо «соглашения» – «сговор» и т. д. Прагмема сама задает свой контекст. Поэтому как только мы прибегли к использованию прагмемы, так сразу же придали своему тексту или своей речи определенную – хвалебную, уничижительную, восторженную или оскорбительную – окраску, которая диктует нам подбор дальнейшей лексики. Скажем, ясно, что слова «содружество», «прогрессивный», «свободолюбие», «благотворный» не могут входить в оценочно-отрицательный контекст, а слова «сговор», «мракобесие», «тоталитаризм», «лизоблюдство» – в оценочно-положительный.

Когда выше мы говорили о семантических полях, то отмечали, что слова, принадлежащие одному семантическому полю, связаны несколькими отношениями: синонимии или квази-синонимии, родовидовыми отношениями, отношениями несовместимости или антонимии, наконец, отношением конверсии. Все эти отношения связывают и прагмемы, образуя особые экспрессивно-оценочные семантические поля. Следует заметить, что само употребление прагмем освобождает от необходимости доказательств, обоснований: ясно, что «предусмотрительность» заведомо лучше «безрассудства», а «мужество» безусловно лучше «трусости», и эта оценка уже включена в смысл используемых слов.

5. Построение индивидуального мира

Теперь мы можем более ясно сказать, что собой представляет смысл языковых выражений, который, как когда-то полагал Г.Фреге, исчерпывается указанием на обозначаемый объект. Усваивая язык в детстве, мы усваиваем те знания о вещах и явлениях окружающего мира, которые «осели» в смысле слов обыденного языка, которые выражаются в толковых словарях, энциклопедиях и составляют основное содержание здравого смысла. Это знание является приблизительно одним и тем же для всех людей, владеющих тем или иным национальным языком, более того, оно в значительной мере является общим для представителей разных народов, живущих в сходных природных условиях. Это позволяет людям разных стран и народов понимать друг друга.

Второй элемент смысла – научные знания. Наука в последние три столетия оказывает возрастающее влияние не только на жизнь людей, но и на язык. И дело не только в том, что в обыденный язык проникает все большее количество научных терминов, даже давно используемые слова приобретают дополнительный смысл благодаря влиянию научных знаний. Старое слово «звезда» уже не просто обозначает яркую точку на ночном небе, но уже подразумевает раскаленное самосветящееся тело, похожее на наше Солнце. Научное знание интернационально¹¹, поэтому эта часть смысла языковых выражений также не вызывает затруднений при общении. Обыденный и научный компоненты смысла – вот что делает возможным перевод с одного языка на другой.

Третий элемент смысла языковых выражений определяется особенностями национальной культуры. Здесь, как мы видели, смысловые поля, влияющие на значение языковых выражений, могут очень сильно различаться в разных языках. К тому же и наполнение миров культуры, обусловленное мифами и легендами, религиозными верованиями, литературой и музыкой, особенностями национальной истории, будет естественным образом разным для культур разных народов. С этим смысловым компонентом связаны трудности понимания, общения, перевода. В разных национальных языках одно и то же слово обычно включается в разные се-

¹¹ Это спорное утверждение, но здесь мы не можем останавливаться на его обсуждении.

мантические поля, ассоциируется с разными словами и эти лексические связи придают одному и тому же слову разный культурный смысл в разных языках.

Четвертый элемент смысла выражает наше отношение к вещам, явлениям, событиям. Индивид строит свой жизненный мир с помощью национального языка, однако при этом он неизбежно обращается к использованию прагмем – экспрессивно-оценочных слов, придающих вещам и явлениям определенную эмоциональную окраску. Это и есть тот «личностный» смысл, о котором мы упоминали выше. Каждый из нас выбирает свой индивидуальный набор таких слов, поэтому миры разных индивидов приобретают свой неповторимый оттенок. Это обусловлено не только тем, что каждый из нас владеет только какой-то малой частью знаний и культуры общества. Эту сферу всегда можно расширить. Главное в том, что особенности личности каждого человека диктуют ему выбор именно таких слов и выражений для характеристики вещей и событий. Можно даже сказать, что именно в подборе экспрессивно-оценочных выражений проявляется личность человека, создающего для себя уникальный жизненный мир. Личность – это и есть тот мир, который создает для себя человек. И в той мере, в которой один человек отличается от другого, в той же мере будут отличаться и те миры, которые каждый из них создает для себя. Рассуждения о душе, духовности, о сознании человека всегда страдают некоторой неопределенностью, ибо все эти вещи трудно уловимы. Но они проявляются в том смысле, который человек вкладывает в слова используемого им языка, а слово и его смысл – это уже вполне доступный для анализа предмет.

Присмотритесь, прислушайтесь к словам, с помощью которых человек описывает события окружающей жизни, свое прошлое и историю страны, в которой живет, людей, с которыми общается, и вы поймете, чем полна его душа, каков мир, в котором он живет. Великая художественная литература дала бесчисленное множество примеров разных индивидуальных миров, в которых живут герои литературных произведений. Люди разных психологических типов, разных социальных слоев, сфер деятельности и т. п. живут в разных мирах. Иллюстрация этого достаточно очевидного положения кажется излишней.

А.Ю. Антоновский

Коммуникация и понимание: возможности и разрывы. К социоэпистемологической интерпретации коммуникативных медиа в теории Никласа Лумана

В безграничном наследии Никласа Лумана чрезвычайно трудно обнаружить ключевое понятие, которое выражало бы существо всей его концепции и было способно запустить некое подобие «кантовской» дедукции прочих категорий системно-коммуникативной теории. И все-таки мы попытаемся это сделать. На наш взгляд, таковым понятием является понятие *коммуникативных медиа*.

Теория медиа распространения заимствуется Луманом из теории медиа наблюдения, сформулированной австро-американским психологом Фрицем Хайдером¹: с точки зрения нейрофизиологии мы видим и слышим предмет внутри себя в ушной мембране и на сетчатке, но переживаем его как находящийся в отдалении. Мы не выпускаем манипулятивный луч, не задействуем сонар, который возвращал бы нам характеристики предмета, как это имеет место у летучих мышей и дельфинов. Следовательно, ключевую роль инструмента наблюдения принадлежит независимому *посреднику* восприятия.

Луман применяет эти соображения к теории коммуникативных медиа, выделяя среди них две группы ключевых и социально-интегративно значимых медиа.

Во-первых, речь идет о функции *распространения* коммуникации, и в первую очередь – о языке, религии и морали, предсказательных практиках, письменности, печати, кино и телевидении, компьютерах, электронных медиа. Именно благодаря этим медиа в

¹ Heider F. Ding und Medium. Berlin, 2005.

коммуникации обсуждается (= наблюдается) некоторый предмет, а все остальное, и прежде всего – сами медиа, выводятся из коммуникативного обсуждения, подобно тому, как медиа восприятия – воздух и свет – сами ускользают от их восприятия. Ключевую роль в этом обширном списке, однако следует отвести техникам *письменности* и *книгопечатанию*. Именно эти медиа позволили на время решить социально-интегративные проблемы, вытекающие из (дез)организующих возможностей медиа языка (прежде всего – из возможностей языкового отрицания, и как следствия – запрограммированных в языке конфликтного потенциала отклонений коммуникации). Однако и сами эти медиа генерировали существенные дезинтеграционные тенденции.

Во-вторых, речь идет о медиа коммуникации второго порядка (медиа коммуникативного успеха – коммуникативных мотивов достижения власти, истины, денег, любви и т. д.), во всей полноте проявляющихся лишь в современном дифференцированном обществе, когда медиа распространения первого порядка привели к ее фактическому *распадению* на свои составляющие: в современном обществе, утверждает Луман, языковое (материальное) выражение коммуникации, т. е. *сообщение*, потеряло связь с его *информационной* интерпретацией, а *понимание* коммуникации превратилось в самостоятельный процесс, не связанный с первоначальным *сообщением* и заложенными в нем интенциямм (см. ниже).

Социальная интеграция и солидарность, обеспечиваемая достижениями медиа предыдущего уровня, была поставлена под вопрос. В частности, появление огромных массивов информации, порожденных техникой книгопечатания, лишали мораль и религию убеждающей силы, поскольку разные тексты теперь получали одинаково интенсивную моральную фундированность (что вылилось в церковные схизмы, а затем и религиозные и конфессиональные войны).

Для решения проблемы и восстановления возможностей общения собственно и возникают *новые* способы коннекции коммуникативных актов – медиа коммуникативного успеха: деньги, истина, репутация, авторитет, собственность, прекрасное, вера, любовь – т. е. множество ролевых ориентиров и взаимных ролевых ожиданий, обеспечивающей соответствующие мотивации.

1. Язык как медиа социальной (дез)организации

Луман во многом опирается на Соссюра и его концепцию «произвольности» в отношении означающего и означаемого. Именно с такой «произвольностью» связана медиальная функция знака, которую можно обозначить как функцию *игнорирования* внешнемировых структур. Знак (дистинкция выражения и смысла, означающего и означаемого) выступает многократно воспроизводимой структурой или операцией, дефинитивно не нуждающейся в контакте с внешним миром. Эта структура только потому и может воспроизводиться повторно, что она не зависит от внешних раздражителей. О вещи думают и говорят в отсутствие вещи. Знаки репрезентируют смыслы, а вовсе не конкретные материальные предметы или факты. Именно через процесс такого игнорирования тотальности окружающего пространства возникает мир, к которому можно обращаться *и во времени*: т. е. *после* значительных перерывов и *перед* тем, как этот мир получил фактическую реализацию, т. е. – и самое удивительное – в его отсутствие в окружающем пространстве.

Благодаря тому, что означающее указывает на означаемое, язык получает свободу от конкретных и ситуативных восприятий, которые – в виду особенности восприятия – всегда остаются полностью определенными: визуальная картина такова, какова она есть и дана *одновременно* во всей своей полноте; ощущение красного может быть только красным. Восприятие указывает на себя и исключительно в момент восприятия, причем не может быть ошибочным, но неизменно равно самому себе. Напротив, языковые выражения выходят за пределы моментальной и актуальной ситуации восприятия и указывают на свои смыслы и другие выражения безотносительно к тому, что происходит и ощущается в данный момент. Система языковой коммуникации способна замыкаться благодаря оптимизации времени (в особенности – игнорированию текущего момента) и следовательно – сосредоточиваться и реагировать не на все вокруг, а на чрезвычайно ограниченные предметы интереса, преимущественно же на то, о чем *уже* в той или иной форме говорилось ранее и на то, что *еще* только будет обсуждаться.

В отличие от преимущественно *пространственной* интеграции средствами *оптического* восприятия, язык задействует *акустические* ресурсы, предполагающие *временную* организацию

коммуникативных вкладов: люди видят всех и сразу, а говорить и слушать приходится *по очереди*. Именно последовательный порядок высказываний делает возможным большую свободу, неопределенность и незапрограммированность того, что будет сказано дальше. Создается некоторый вторичный мир проговоренного, определяемый временем и допускающий ошибки, который словно накладывается на не допускающий ошибок пространственный мир визуально-воспринятого и подвергает риску любой консенсус.

2. Письменность и разрушение пространственно-временного и личностно-коллективного единства коммуникаций

Устный язык исключал из коммуникации то, что в коммуникации было забыто, а следовательно, делал коммуникацию чрезвычайно нестабильной. Не было возможностей «отложить» некоторую тему на потом, «забыть на время», чтобы впоследствии, когда возникнет необходимость или возможность, к этому вернуться. Коммуникация примитивных обществ обеспечивалась незначительными, психически и индивидуально ограниченными памятьями небольшого коллектива и не могла осовременивать прошлое, задействовать некоторые гарантии ее стабильного протекания – тексты, законы, записанные правила поведения, письменные мироописания.

В общении устно коммуницирующих сообществ ключевая роль принадлежала факту самого сообщения (означающему). Смысл сообщения заключался в поддержании общения, а новое, неизвестное и неожиданное (информативная составляющая общения) минимизировалось².

² Это обстоятельство собственно и имелось ввиду Р.Мертонем в его концепции латентных и явных функций: *Merton R.K. Manifest and Latent Functions // Social Theory and Social Structure. Free Press, 1957.* Само общение оказывается важнее содержательной стороны общения, ведь оно способно нести интеграционную функцию и как раз в силу того, что факт сообщения не может быть оспорен и, как минимум в этом, уже подразумевает согласие. Напротив, смысл или информация, вкладываемые в сообщения, скорее, разъединяют, поскольку оказываются недоступными для проверки, замкнутыми в границах индивидуальных сознаний.

Эта приоритетность сообщения перед информацией доказала как свою успешность, так и эволюционную ограниченность, ведь она не позволяла рождаться длинным цепочкам высказываний ориентированных предметно, а не социально. Эта ограниченность обсуждения и общения конкретным временем устной беседы препятствовала появлению собственной динамики обсуждения, определяемого его *предметом*. Требовался механизм разведения социально обусловленного времени обсуждения (фактически представавшим, пусть и латентным, *самообсуждением* некоторого сообщества) и предметно обусловленного времени, необходимого для более или менее обстоятельного обсуждения (впоследствии, описания) данного предмета. Предмет должен был допускать независимые высказывания о нем, которые могли бы сравниваться некоторым наблюдателем на предмет их адекватности предмету и согласованности или противоположности друг с другом. Требовался медиум наблюдения над мнениями наблюдателей, в качестве какой и выступила *письменная фиксация сообщений*.

Медиумом *десоциализации общения* стала письменность. Незначительных ресурсов устного языка было достаточно лишь для сакрализации, т. е. остановки вопрошания о запредельном. В противовес этому письменный язык делает возможным само *различение* того, что *есть*, и того, что *за этим кроется*, поскольку лишь письменная фиксация делает возможным наглядное представление самого языка в языке, а следовательно – делает возможным осуществлять такое базовое различение как различение слов и вещей, а впоследствии и благодаря этому – и так называемых сущностей и явлений.

Письмо выводит общение за пределы конкретного пространства-времени и особенностей (и давления) социального окружения. Выводимая из письменного сообщения информация теряет связь с локальными ситуативными детерминантами. Становится возможной презентация в коммуникации того, что отсутствует в данном пространстве и времени, презентация чуждых образцов поведения, толерантное отношение к Другому, и операционализация ресурсов, которые приносит Другой³.

³ Луман здесь близок другому немецкому социологу, работающему с «формами» или «медиа», а именно – Георгу Зиммелю.

Однако, как и всякая техника, решая одну задачу, письменность создает новые проблемы, требующие привлечения новых технологий (прежде всего, технологий обеспечения коммуникативного успеха – властных, монетарных, интимных и иных типов мотивации коммуникации).

3. Трансформация коммуникативного смысла в социальном, временном и предметном измерении

Итак, письменность ведет к забвению и нейтрализации контекста – как контекста создания письменно фиксированных смыслов, так и контекста, в котором осуществляется чтение. Поскольку текст требует сосредоточения на себе самом, должен обеспечить мотивацию и пробудить интерес к собственному содержанию, предмету описания, у участников письменной коммуникации не остается времени и интереса к конкретным мотивам порождения текста⁴. Даже несмотря на наличие авторства, текст дефинитивно *безличен*, в том смысле, что обнаружение другого (подлинного) авторства ничего не привнесло бы в те способы, каким текст вовлекает и привязывает к себе читателя. Очевидно связанные между собой *безличность* текста и отсутствие интереса к мотивам его производства (*прошлым* условиям, генеративный контекст) указывают на трансформации в социальном и временном измерениях коммуникации. Равным образом можно говорить и о сопряжении изменений во временном и предметном измерениях: о некотором, в себе (т. е. с точки зрения формы выражения или сообщения), *идентичном*⁵ тексте можно формировать *различные* мнения, а следовательно – приходится сдерживать *немедленные реакции*. Письменность, по самой своей природе, делает возможным *откладывание* – свободное от давления со стороны непосредственных участников коммуникации – понимания на потом, понимания, которое может осуществляться когда-то и где-то в другом месте кем-то другим.

⁴ «Кто будет спрашивать, почему Фома Аквинский написал свои “Суммы”, и какой прок в знании этого?» – задается вопросом Н.Луман (*Луман Н.* Медиа коммуникации. М., 2005).

⁵ Идентичность текста, его предметную определенность в предметном измерении общения, которую не смогли поколебать ни письменность, ни печать, разлагают электронные технологии распространения коммуникации (см. ниже).

Мультипликационная природа письма необъятно расширяет число возможных прочтений. Чтобы сохранить понятность, и главное информативность (новизну и неожиданность), предлагаемого содержания для самых разных контекстов прочтений (определяемых принадлежностью к различным социальным стратам, полученным образованием, профессиональной, конфессиональной принадлежностью, половозрастными характеристиками и психологическими предпочтениями), объем информации каждого письменного сообщения приходится минимизировать, убирая все предположительно известное, но компенсировать это сжатие беспрепятственным предложением новой информации. Эту задачу подпитывания новизной берут на себя специализирующиеся на этом системы коммуникаций, а именно – масс-медиа.

Таким образом, в использовании письменности общество *отказывается от временной и интеракционной гарантии единства коммуникативной операции*. Единство общения уже не определяется конкретным пространством-временем и принуждением говорить приятные вещи.

Основным следствием появления фонетического письма явилось преодоление пространственно-временной и лично-коллективной структуры традиционного общества, основанного на одновременности и фактической неразличимости *сообщения, информации и понимания*, и вытекающего из этого словно автоматического взаимоконтроля пространственно объединенных участников сообщества. Успех устной коммуникации определялся указанными контекстами и обеспечивался автоматически. Успех письменного сообщения зависит отныне от его настроенности на пространственно-временные и личностные *дистанции*, на *неизвестные* интерес и мотивы будущих и далеких читателей. Уменьшение влияния устных медиа переориентировал коммуникацию с полюса сообщения (участия) на полюс информации о ранее неизвестном.

Мир, многократно обогащенный и мультиплицированный письменностью, словно выходит в своих пространственно-временных структурах за пределы локальных коммуникаций, обеспечиваемых ею возможностей предметно обсуждать реалии внешней среды. Мир (как бытие, как природа, теперь наблюдаемый сколько-нибудь адекватно лишь всеприсутствующим богом-

наблюдателем) больше не укладывается в сообщение. И именно поэтому этот мир – необъятно расширившийся в своих письменных презентациях – допускает неожиданности и удивительные вещи (информацию). Поскольку же он в этом смысле перестает быть «одновременным» коммуникации, то сама коммуникация вынуждена «растягиваться», чтобы в предлагаемых ею информациях хоть как-то соответствовать обсуждаемому в ней сверхсложному миру. Этому «растяжению» коммуникации служило вынесение ее завершающей стадии, *понимания*, в некоторое отдаленное, до конца не определенное время – будущее. Коммуникация теряет свое *единство*, теряет свою определенность с точки зрения участвующих лиц (читателя и писателя), времени и пространства этой коммуникации. Единственная определенность сохраняется отныне лишь в ее *предмете*, в той *информации*, которую выражает письменное сообщение, а лица и времена теряют всякое значение.

4. Электронные медиа коммуникации и восстановление древней интересубъективности через нейтрализацию письменности и печати

В современном функционально-дифференцированном обществе понимание становится проблемой. Сообщение и информация расцепляются в пространстве и времени. Письменность и печать не решали, а создавали интегративные проблемы, ведь все то, что было призвано служить в качестве медиа распространения коммуникации (печатные деньги, памфлеты, законы) и интегрировать то или иное сообщество, на деле затрудняло над-функциональное общение и понимание, если не делало его избыточным.

Вопреки распространенному убеждению электронная телекоммуникация не перевернула, не виртуализировала жизненный мир, а скорее вернула его в нормальное русло, вернула утраченные пространственно-временные координации между посылаемыми телесообщениями и их фактическими – наблюдаемыми в пространстве и времени – прототипами: ведь все, что мы слышим по радио и смотрим по телевидению, действительно говорилось, действительно происходило. Конечно, то, *о чем* говорилось, может оказаться и фальсификатом! Но разве это вытекает из специфики

самой техники электрической телекоммуникации? Мы видим живых, коммуницирующих людей, природу и артефакты, и с этими гарантиями фактичности телесообщений никто не спорит.

Письменность и печать, в согласии со своей медиальной функцией, разрывали живую координацию и связь общения. Не существовало гарантий того, что то, что говорится в книгах, действительно говорилось! Письменные социотехнологии уничтожили важнейшую предпосылку коммуникации: можно сомневаться в смысле сказанного, можно сомневаться в том, что интенции высказывающегося соответствуют заявленным, можно сомневаться и в том, что высказывающий хотел сказать, то что сказал, однако нельзя сомневаться в одном: в том, что сказанное было действительно сказано.

Другими словами: если *информация* коммуникативного общения всегда составляла проблемный полюс коммуникации, то собственно *сообщение* (знак, означающее, «носитель» смысла) коммуникативно представленной информации оставалось ее незыблемым и непроблематичным фундаментом. Сообщение – в уже давно забытом, бесписьменном прошлом, а ныне в личном интерактивном общении – и составляло фундамент социума, общий ориентир для поведения, в котором невозможно сомневаться. Мы так долго живем в письменном обществе, что во многом забыли о том рискованном отрыве от реальности, который возникает вместе с книгами⁶.

Медиа электронной телекоммуникации послужили механизмами нейтрализации опасности письменных презентаций⁷ реальности.

⁶ Разве не книги создали «монстров» – комплексы свойств, несовместимых в реальности, но вполне согласующихся в виде письменных описаний? См. главу «Чудовища» в книге: *Ле Гофф Ж., Трюон Н.* История тела в средние века / Пер. Е.Лебедевой. М., 2008.

⁷ Опасность письменных и печатных технологий стала очевидна, начиная с эпохи реформации и продолжилось в ходе великой английской революции: памфлеты, листовки, манифесты – все разрушало стабильность средневекового космоса. Механизмы, стабилизирующие опасность письменно-печатной коммуникации появляются лишь в конце IX в., с появлением средств «обратной» связи и возвращением живых реально-коммуницирующих людей. Живой голос по радио стал мощным конкурентным описанием безличных газетных конструкций и в форме «свободных голосов» внедрял альтернативные ценности в тоталитарных системах. Однако нельзя утверждать, что явлений «возвращения к реальности» сообщения как средства нейтрализации письменно-печатной опасности не делалось ранее. Й.Хабермас пишет о интеллектуальных салонах

5. Электронная телекоммуникация – возвращение утраченного единства и его новое расщепление

Новые – основанные на электричестве – медиа распространения коммуникации полностью сохраняют прежнюю телекоммуникационную функцию – *транслируют знаки вместо физических тел коммуникантов*. Благодаря новым медиа пространственные и временные коммуникативные ограничения окончательно сходят на нет: окончательно расщепляются в пространстве и времени процессы *сообщения* и *принятия* (либо отклонения) коммуникации. Отныне (в особенности благодаря электронной почте) время коммуникации (как со стороны отправителя, так и адресата) выбирается *произвольно*. Это высвобождает общение из-под давления актуальной необходимости отвечать *согласием или отклонением здесь и сейчас*. Благодаря этому, собственно, и возникает *время* на дополнительное обдумывание, на осмысление предложенной коммуникации, что является фундаментальным условием рациональности, требующей снятия спонтанных (квази-условно-рефлекторных) реакций на то или иное событие.

6. Пространственно-временные гарантии реальности через симбиоз акустики и оптики

Оптические (письмо) и акустические (устный язык) последовательности выражений, живая связь фактического восприятия и живой речи, благодаря письменности были разделены в пространстве и времени. Однако благодаря кино и телевидению мульт-

эпохи Просвещения как интерактивных формах гражданского общества, где семантика текстов, если можно так сказать, проходила интерактивный контроль. См.: *Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Suhrkamp, 1962*. В наши дни парадными примерами такого рода технологией являются технологии академических семинаров, конференций, «интерактивные по своей природе» защиты диссертации, ученые советы, принимающие решения о публикации. Научный текст словно «возвращается» в интерактивное пространство, и ориентируясь на это, вынуждено утрачивает столь характерную для него монстрообразность. Все мы знаем, что профессора, читающие лекции, и пишут гораздо понятнее.

типикация реальностей, порожденная письменностью оптико-акустическая расцепленность получает новые гарантии единства и стабильности. Кроме того, восстанавливаются и те гарантии реальности, которые были уничтожены – базирующееся на языке способности отрицать все, что может быть произнесено.

Кино-телевизионная реальность, синхронизация оптически-доступного образа и произносимого текста уже не допускает своего отрицания или отклонения. В отличие от письменности и печати, допускающих относительно произвольные, в том числе невероятные комбинации известных (и неизвестных) реалий и образов, медиа кино и телевидения репрезентируют то, что *действительно* происходит во время съемки. Кино-телекоммуникация возвращает обществу ее – характерную для далекого прошлого – зависимость от реального, физического времени. И хотя эта зависимость телевизионной коммуникации от «орального» общения, от событий, имевших место в реальном времени и пространстве, тотчас нейтрализуется комбинаторными техниками *монтажа*, все-таки число возможных комбинаций существенно сокращается в сравнении с письменно-литературным «фиктивным» представлением реальности. Но как объяснить этот ренесанс примитивных форм устной интеракции? *Каковы функции* телевизионного возвращения к реальному времени?

Фундаментальной «позитивной» функцией новых медиа становится функция *доверия*, которое вызывают телевизионные образы как некоторый противовес недоверию, порождаемому печатью. При этом возможности телеманипуляции практически не могут приниматься во внимание, ведь их рефлексия и фиксация возможна лишь после просмотра, а значит – после фактического принятия предложенной кино- и телекоммуникации. Реальный (не транслируемый) мир, конечно, предстает довольно бедным в сравнении с изысканностью (кухни, одежды, хорошей погоды, лиц и поступков), но именно благодаря телекоммуникации он получает ориентиры для своего совершенствования». *Виртуальная реальность определяет и обогащает реальность реальную.* Встает вопрос, какую цену приходится платить за вышеозначенную «позитивную» функцию. Не связана ли эта «реакция нейтрализации» письменности и печати с «ухудшением» качества человеческого общения?

7. Следствия телекоммуникации: элиминация коммуникативных функций – информация/сообщения, бинарного кодирования, воображения и убеждения, взаимного влияния коммуницирующих сторон

– Элиминация информации в сообщении: мы не знаем, какую информацию мы получаем

Ключевой коммуникативной функцией языка являлось выделение в сообщении некой отличной от этого сообщения информации и вытекающее из этой дистинкции возможность отклонения (отрицания) предложенной коммуникации. Собственно, вся дотелевизионная коммуникация строилась на постановке, непрерывной переработке, уточнении и взаимопереходах двух вопросов: *что* именно и *почему* именно мне ты это говоришь? Понимание и было согласованием ответов на информационно-значимое «о чем?» и мотивационно-значимое «зачем?» и такая согласованность или несогласованность обуславливало консенсус или диссенс. Именно способность дотелевизионной коммуникации отклонять коммуникацию, хотя и создавала известные риски, но позволяла создавать все новые и новые формы общения, виды деятельности и продукции. Телевизионная (а впоследствии и особенно – социально-сетевая) коммуникация существенно устраняет *риски отклонения* коммуникации, за что естественным образом приходится расплачиваться и утратой способности различать сообщение и информацию – т. е. *понимать* предложенную телевидением коммуникацию.

Мы, по видимости, понимаем *сообщения общающихся* телефигур, но дефинитивно лишены возможности заключить об их латентных мотивациях, о том, зачем сегодня вечером по первой программе нам была предложена именно эта, а никакая иная коммуникация. Реципиент телекоммуникации не в состоянии контролировать встроенность предложенного ему коммуникативного акта в некоторый *контекст*, известный режиссеру или заказчику телепрограммы.

– Элиминация бинарного кодирования

Базирующееся на языке *да/нет-кодирование* любой предложенной коммуникации в телевизионном общении утрачивает свою алгоритмичность. Агрессивность, опасность, дискомфорт или не-

привычность транслируемой сцены более не служит мотивацией избегания такого рода коммуникации и применения дистинкции *принятия/отклонения*. Сами основания отклонения становятся предельно непрозрачными. Телекоммуникацию отныне невозможно не только понять (т. е. сопоставить ее информационную и мотивационную семантику), ее нельзя и отклонить: то, что требует отклонения, требует первоначального просмотра. И для выработки четких критериев «негативной позиции» к трансляции последнюю приходится анализировать (а значит, в каком-то смысле *принимать*) тем более тщательно. Понимание и отклонение утрачивают согласованность.

**– Элиминация коннективных ресурсов коммуникации –
убеждения и воображения**

Конструирование информации из сообщения и их различение, очевидно, требуют для себя творческого акта, силы воображения, способного усматривать в сообщении нечто, в нем непосредственно не содержащееся, способного комбинировать – разводить знаки и смыслы, придавать одним и тем же знакам разные смыслы (генерализировать), а одни и те же смыслы выражать в разных знаках (специфицировать). И эта активность по различению означающего и означаемого, безусловно, предполагает временное отключения непосредственного восприятия. Однако аудио-визуальное восприятие телевизионной картинки настолько интенсивно ангажирует все ресурсы внимания, что воображению просто недостает времени на знаково-смысловую переработку аудиовизуального материала. Эта способность телекоммуникации предельно интенсифицировать восприятие реципиента в ущерб аналитическим ресурсам воображения делает избыточным коммуникативное убеждение в том, чтобы принять (или отклонить) ту или иную коммуникацию.

**– Элиминация внутренней коннективности
коммуникативных актов**

Подсоединение сообщений друг другу в дотелевизионной коммуникации осуществлялось селективно, в том смысле, что каждый из участников осуществлял собственный отбор сооб-

щений, интерпретаций, атрибуций смыслов, намерений, установок, ориентируясь на отбор, ранее осуществленный Другим. Коннективность коммуникативных актов носила внутренний характер, т. е. коммуникация включала активность обоих коммуникантов. Так, учитель в своей коммуникации подстраивается под свойства ученика, с тем, чтобы, тем не менее, воздействовать на его активность и предпочтения. Эту внутреннюю коннективность коммуникативных вкладов Эго и Альтера разрывает телекоммуникация. Отныне селекция коммуникативных актов осуществляется отправителем и получателем сообщений *независимо* друг от друга. Речь идет о независимых селекциях отправителя (собственный отбор сюжетов, инсценировок, но прежде всего – длительности и времени трансляции) и реципиента (смотреть или не смотреть, когда и как долго смотреть передачу). Утрата этой внутренней коннекции приводит к тому, что коммуникация утрачивает и возможности самокоррекции, возможности неслучайного взаимоконтролируемого развертывания коммуникаций в устойчивые и воспроизводимые последовательности.

8. Преодоление дисфункций образной телекоммуникации через медиа социальных сетей

Осуществленный в телекоммуникации *симбиоз оптики и акустики* вернул коммуникацию в «реальный» пространственно-временной мир устного общения. Однако вышеозначенные дисфункции, в свою очередь, требовали преодоления в рамках иных медиа распространения коммуникации. Новые медиа коммуникации получили название «социальных сетей». Никлас Луман не анализирует детально это сравнительно новое явление, но мы можем и самостоятельно продолжить линию размышлений, вытекающей из теории коммуникативных медиа.

В заключение приведем несколько рабочих гипотез, которые, возможно, помогут объяснить некоторые функции и дисфункции сетевого общения.

Первое, что бросается в глаза и что служит ее основным оправданием, связано с привносимой этим типом общения окончательной элиминацией *риска отклонения* предлагаемых комму-

никативных актов – риска, связанного с древней языковой способностью осуществлять отрицание всего, что может быть сказано в языке (бинарность языковых актов). Всем известно, насколько обременяло коммуникацию трудности порождения первого акта – завязки коммуникации. Это было связано с ее фундаментальным темпоральным свойством: каждый коммуникативный акт должен встраиваться в историю прошлых коммуникаций. Сетевая коммуникация устранила этот риск отклонения, которое переживается отныне как вполне естественное и понятное.

Во-вторых, сетевая коммуникация безусловно преодолевает те (оральные) рецидивы, которые привносила коммуникация телевизионных образов, и возвращает утраченную в телекоммуникации внутреннюю коннективность (в форме т. н. интерактивности) коммуникативных актов.

Но и сетевое общение, как видно, не является его совершенной формой, и в качестве ключевой дисфункциональной характеристики социальных сетей приходится признавать окончательный *разрыв* единства коммуникации во всех ее измерениях: пространственно-предметном, социальном и временном. Сообщение и понимание теперь фактически никак не связаны друг с другом. Отправитель сообщения в социальной сети не способен даже догадываться и никак не ориентирован на то, *кто* прочтет его сообщение, прочтут ли его вообще, *что* именно из этого сообщения будет отобрано в качестве информации, когда это сообщение будет прочитано и в какой точке мирового пространства это сообщение будет реципировано. Реципиент, в свою очередь, не может знать и не ориентирован на то, отправлено ли сообщение именно ему или кому-то другому, что именно в этом сообщении является информацией, ведь оно может быть тривиальным выражением некоторого ментального состояния (т. н. «статус»), не задуманное в качестве сообщения и не сопровождаемое некоторой установкой или интенцией. Неизвестность и необязательность закладывания интенции, предположение о котором вкупе с «объективным» смыслом сообщения, должно в традиционной коммуникации привести к некоторому пониманию, т. е. рефлексии связи «латентного намерения» и «открытого смысла», приводят к тому, что в социальном измерении понимание перестает быть связано с перспективой отклонения коммуникации (элиминация риска отклонения).

Письменность привела к расцеплению ключевых элементов коммуникации (сообщения и понимания) в социальном и пространственно-временном измерениях. Единственное, что еще как-то связывало сообщение и его понимание в некоторое единство, – это собственно *предмет* обсуждения (но уже не культурно-языковая общность, не общая эпоха и общее место такого обсуждения). *Социальные сети сводят на нет это последнее основание коммуникативного единства. Предметность обсуждения размывается, а говорить об одном и том же превращается в моветон.*

П.С. Куслий

Априорность и семантическое содержание*

Введение

Аналитическая философия или, точнее, та ее часть, которая связывается с философией языка, как это принято считать, ориентирована в своем анализе на отношения, существующие между тремя базовыми полюсами: языком, реальностью и мышлением¹. Если говорить более точно, то, согласно такому подходу, аналитические штудии в области философии языка направлены на исследование нашего языка как средства, способного выражать содержание наших мыслей, отображать реальность с тем, чтобы мы могли транслировать свои мысли друг от друга и передавать друг другу наши знания. Таким образом, проблематика соотношения языка и мышления была в центре внимания соответствующих исследований в рамках аналитического направления в философии с самого начала ее существования.

Такие философы-основатели данной традиции, как Г.Фреге, Б.Рассел, Дж.Э.Мур, Р.Карнап, Л.Витгенштейн, исследовали язык как средство для более точного анализа вопросов онтологии, эпистемологии, этики. Для них вопросы внутриязыковой согласованности были значимыми, но лишь в той мере, в какой они позволяли решить интересные в философском отношении головоломки, связанные с вопросами существования, истины, знания. Таким образом, используя анализ языка лишь для решения стоящих перед ними философских задач, классики аналитической традиции инте-

* Подготовлено при поддержке гранта РГНФ № 11-03-00608а.

¹ См., например, *Dummett M. Origins of Analytical Philosophy*. Cambridge, 1996.

решались вопросами собственно языкового функционирования лишь в той мере, в какой им это было необходимо для получения ответов на изначально стоявшие перед ними вопросы.

Однако, как я постараюсь показать в данной статье, вопросы, связанные с функционированием языка, в частности с осуществлением в обыденном языке единичными терминами их референциальной функции, не всегда можно успешно увязать с проблемами эпистемологического характера, в частности с вопросами познания и мышления. Логико-семантическое исследование в области языка, таким образом, может в ряде важных случаев осуществляться совершенно независимо от решения вопросов, связанных с мышлением и психическими диспозициями рационального субъекта. Конкретно, я постараюсь показать, что в случаях решения одного из фундаментальных вопросов аналитической философии языка о принципах взаимозаменяемости языковых выражений в контекстах пропозициональных установок подобная увязка приводит к противоречивым следствиям.

1. Познавательная значимость и взаимозаменяемость

Начиная с самого зарождения философии языка и логической семантики, было принято считать, что различие понятий априорной и апостериорной данности субъекту тех или иных утверждений тождества (или, иначе говоря, их когнитивной значимости для субъекта) является признаком различия в семантическом содержании этих тождеств. Иными словами, начиная с работ Г.Фреге в философии языка (и работ Канта в эпистемологии), считалось, что априорные тождества являются одновременно и аналитическими (а их элементы, соответственно, обладающими общим значением), тогда как апостериорные тождества, в силу своей нетривиальности, указывали на то, что семантическое содержание выражений, указывающих на отождествляемые объекты, не является одним и тем же.

В традиции философии языка данные различия также было принято обсуждать в терминах взаимозаменяемости языковых выражений в так называемых контекстах мнений (или контекстах пропозициональных установок). Эти контексты пред-

ставляют собой сложно подчиненные предложения, имеющие общую схему *x считает (сомневается, полагает и т. д.), что p (s есть P)*. Так, например, считалось, что условия взаимозаменяемости выражений в указанных контекстах выражали то отношение, которое существует между понятием априорности и понятием семантического содержания: взаимозаменяемыми были выражения, тождества которых представляли собой априорные и аналитические истины, тогда как невзаимозаменяемыми, соответственно, выражения, формирующие апостериорные и синтетические тождества.

Как уже было сказано, первым представителем данной позиции в области философии языка был Фреге. Одним же из современных ее сторонников является Д. Чалмерс. Последний в рамках развиваемой им концепции двухмерной семантики формулирует и защищает открыто фрегеанскую концепцию, из которой следует, что априорность/апостериорность является фактором, связанным с семантическим содержанием языковых выражений в описанном выше смысле.

Ниже я постараюсь прийти к сформулированной во введении цели, т. е. демонстрации несвязанности эпистемологических и семантических факторов, следующим образом: исходя из принципа Лейбница, как фундаментального семантического критерия одинаковости содержания языковых выражений, я постараюсь показать, что теории в духе Фреге и Чалмерса оказываются неспособными выполнять данный принцип и, как следствие, оказываются не в состоянии удовлетворительным образом решить проблему взаимозаменяемости языковых выражений.

1.1. Фреге: тождество смыслов и априорность

Несмотря на то, что Фреге начинает свою основополагающую статью «О смысле и значении»² с обсуждения вопросов, возникающих при интерпретации информативных и неинформативных утверждений тождества, не следует полагать, что вопросы взаимозаменяемости языковых выражений имеют для него в указанной статье второстепенную значимость. Исследование этих вопросов

² Фреге Г. О смысле и значении // Логика и логическая семантика: Сб. тр. М., 2000. С. 230–247.

не только непосредственно вытекает из его обсуждения двух видов утверждений тождества, но и используется им самим для иллюстрации его известного различия между смыслом и значением.

Согласно распространенной интерпретации теории Фреге, взаимозаменяемость двух языковых выражений в контекстах мнения обуславливается общностью их смысла, а самой по себе общности их денотата не достаточно для возможности такой взаимозаменяемости. Однако в указанной статье есть пассаж, намекающий и на нечто большее. Так, Фреге пишет:

«Сравните, например, два предложения: “Коперник думал, что орбиты планет являются кругами” и “Коперник думал, что видимое движение Солнца возникает в результате действительного движения Земли”. Здесь можно заменить одно придаточное предложение другим без ущерба для истинности. Главное предложение вместе с придаточным имеет своим смыслом одну-единственную мысль, и истинность целого предложения не зависит от того, истинно или нет придаточное предложение. В таких случаях в придаточном предложении нельзя заменять некоторое выражение другим, имеющим то же обычное значение, а можно заменять только таким, которое имеет то же косвенное значение, то есть тот же обычный смысл»³.

Согласно стандартному прочтению данного пассажа о двух предложениях про Коперника, Фреге утверждает, что «можно заменить одно придаточное предложение другим без ущерба для истинности» для того, чтобы подчеркнуть то, что сложные предложения, содержащие косвенные контексты, могут быть истинными независимо от того, является входящее в них косвенное предложение истинным или ложным, а не для того, чтобы утверждать, что эти два конкретные подчиненные предложения обладают одним и тем же смыслом. Я вполне принимаю такую стандартную интерпретацию и рассмотрю его ниже. Однако исключительно для целей аргумента, представленного в данной статье, а не для того, чтобы приписывать Фреге что-либо сомнительное, в разделе 3 я также подвергну рассмотрению и иной вариант прочтения данного пассажа, который я обозначу как нестандартный. Согласно этому нестандартному прочтению, получается, что два рассмотренных

³ Фреге Г. О смысле и значении. С. 237.

придаточных предложения имеют разные (истинностные) значения, но один и тот же смысл (ведь, строго говоря, Фреге пишет, что одно из этих предложений может быть заменено другим).

На данном этапе для нас также важно и то, что Фреге утверждает, что различие в смыслах выражений, имеющих одно и то же значение, обуславливает информативность (когнитивную значимость) отождествляющего их предложения. И со ссылкой на Канта Фреге проводит различие между познавательно значимыми тождествами, являющимися апостериорными, и познавательно незначимыми, априорными тождествами⁴. Таким образом, мы приходим к тому, что, согласно Фреге, априорно эквивалентные выражения являются взаимозаменяемыми в контекстах мнения, а апостериорно эквивалентные выражения – нет, они взаимозаменяемы лишь в обычных, так называемых экстенциональных контекстах.

Если так, то из сказанного следует и то, что взаимозаменяемость в экстенциональных контекстах возможна независимо от априорности или апостериорности тождества (эквивалентности) соответствующих выражений.

1.2. Чалмерс о взаимозаменяемости

Как известно, традиция Фреге стала весьма влиятельной и, несмотря на то, что на разных этапах в адрес ее базовых постулатов высказывались критические аргументы, всегда находились защитники программы Фреге, готовые возразить критикам, защитив эту программу. Одним из наиболее примечательных современных защитников этой программы является Д. Чалмерс с его концепцией двухмерной семантики.

Одним из фундаментальных различий, проводимых Чалмерсом в рамках его концепции, является различие между так называемыми эпистемическими и сослагательными интенционалами, которые наряду с экстенционалами рассматриваются как элементы значения языковых выражений. Согласно Чалмерсу, когнитивная значимость отождествления двух мыслей⁵ обуславливается различием их эпистемических интенционалов. Так же, как и Фреге,

⁴ Фреге Г. О смысле и значении. С. 230.

⁵ Чалмерс предпочитает терминологию «мыслей», а не «языковых выражений».

Чалмерс говорит об эпистемически тождественных мыслях как о не обладающих когнитивной значимостью и, соответственно, об эпистемически нетождественных мыслях – как об обладающих когнитивной значимостью. Касательно же взаимозаменяемости мыслей (выражений) Чалмерс утверждает, что данный вопрос должен решаться в рамках сложного сочетания эпистемических и со- слагательных факторов.

Если сформулировать позицию Чалмерса в терминах Фреге, то получится, что одной лишь априорности не достаточно для того, чтобы две мысли были взаимозаменяемы в контекстах мнения. В некотором отношении должен учитываться и их сослагательный интенционал.

2. Принцип Лейбница

Принцип Лейбница связывает взаимозаменяемость и общность значения (семантического содержания). Согласно Лейбницу, выражения имеют одно и то же значение, если и только если они взаимозаменяемы *salva veritate*⁶. Из сказанного логически следует, что если два высказывания не взаимозменимы, то они не обладают одним и тем же семантическим содержанием. При такой формулировке принцип Лейбница может пониматься двояко: либо как утверждающий, что хотя бы один случай взаимозаменяемости двух терминов является достаточным условием для того, чтобы рассматривать их как обладающих одним и тем же значением, либо как утверждающий, что хотя бы один случай невзаимозаменяемости оказывается достаточным условием для того, чтобы считать их обладающими разным значением. Первый вариант представляется неудовлетворительным для корректной интерпретации принципа Лейбница, поскольку многие выражения с разными значениями иногда могут быть взаимозаменяемы без изменения истинностного значения содержащего их предложения. Простым примером такого случая будут два предложения: «Я люблю яблоки» и «Я лю-

⁶ С сохранением истинности (лат.). Лейбниц пишет: «Тожественные [термины] суть те, один из которых может быть подставлен вместо другого с сохранением истинности» (*Лейбниц Г.В. Не лишенный изящества опыт абстрактных доказательств // Лейбниц Г.В. Соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1984. С. 632.*)

блю груши», каждое из которых истинно. При этом, несмотря на их истинность, мы, тем не менее, не говорим, что «яблоки» и «груши» обладают одним и тем же значением на том лишь основании, что их подстановка вместо друг друга в данном случае не меняет истинности общего предложения. Следовательно, принцип Лейбница следует понимать, согласно второму варианту: хотя бы один случай невзаимозаменяемости говорит о различии в значении двух конкретных выражений. А из этого, в свою очередь, следует, что два выражения с общим значением должны быть взаимозаменяемы во всех случаях их употребления. И именно такое понимание принципа Лейбница принималось на всем протяжении истории современной философии языка.

3. Нарушение принципа Лейбница во фрегеанской традиции

3.1. Проблемы в методе Фреге

Если мы проанализируем метод Фреге, который был в общих чертах рассмотрен выше, то нам придется задаться вопросом о том, в какой степени априорность может обуславливать взаимозаменяемость. Из приводимых Фреге примеров следуют две пары выражений. Я рассмотрю пару «Утренняя звезда»/«Венера», согласно стандартной интерпретации концепции Фреге, как пару терминов обладающих одним и тем же денотатом, но разными смыслами. Согласно Фреге, данная пара выражений формирует когнитивно значимое тождество, и, следовательно, эти два выражения не могут быть подставлены одно вместо другого в контексте мнения. Но также я рассмотрю и случай двух выражений (являющихся частью сложного предложения), которые интуитивно обладают как разным смыслом, так и разным денотатом. Это два следующих выражения: «Орбиты планет являются кругами» и «Видимое движение Солнца возникает в результате действительного движения Земли». Обсуждение этих двух предложений я буду основывать на упомянутом выше нестандартном прочтении пассажа из Фреге. Эти два подчиненных предложения я рассмотрю как взаимозаменяемые на том основании, что при подстановке одного вместо другого не

происходит изменения истинностного значения общего сложного предложения, что, согласно Фреге, говорит о единстве смысла этих двух предложений.

Несмотря на то, что мне довольно сложно представить себе, каким образом предложения «Орбиты планет являются кругами» и «Видимое движение Солнца возникает в результате действительного движения Земли» могут быть рассмотрены как обладающие одним и тем же смыслом, мы можем просто на время допустить, что это так. При этом следует иметь в виду, что их денотаты различны: одно из них является истинным, а другое ложным. Тогда получается, что эти два предложения будут взаимозаменяемы в указанном контексте мнения, но не в экстенциональном контексте.

Здесь возникает вопрос относительно понятия априорности. И единственное рациональное объяснение того, как истинное и ложное предложение могут порождать априорную эквивалентность, может быть представлено ситуацией, когда они являются таковыми *для того, кто* их соответствующим образом использует. В случае с примерами Фреге этим человеком будет Коперник. Если так, то мне хотелось бы продемонстрировать, что подобные заключения очень сильно разнятся с нашими исходными интуициями относительно семантического содержания языковых выражений.

Два выражения могут быть априорно эквивалентными для человека, который, например, стал жертвой заблуждения или вообще не знает о различии в значениях двух выражений. Так, кто-то вполне может считать, что «Пушкин» и «Тургенев» обозначают одного и того же индивида. Для такого человека, назовем его Сидоров, утверждение тождества «Пушкин = Тургенев» будет априорным. Однако следует ли из этого, что мы можем подставлять термин «Пушкин» вместо термина «Тургенев» в предложении «Сидоров считает, что Тургенев является автором “Отцов и детей”»? Кажется, что мы такой подстановки осуществить не можем, даже если сам Сидоров против нее не возражает.

Можно предположить, что в описанном случае два термина являются взаимозаменяемыми относительно семантики и онтологии Сидорова. Однако, как мне кажется, если Сидоров заявит, что Пушкин является автором «Отцов и детей», ни один сознательный преподаватель русской литературы не поставит ему хорошую оценку на том лишь основании, что Сидоров-де просто таким образом

использует указанные термины и они являются для него взаимозаменяемыми. Поэтому более вероятным объяснением представляется то, что Сидоров разделяет с нами одну и ту же онтологию и изначально склонен использовать слова так же, как и мы, однако он заблуждается относительно значения двух упомянутых терминов и, как следствие, высказывает ложное утверждение тождества. В противном же случае нам придется рассматривать «Пушкина» и «Тургенева» как обладающих одним и тем же значением на том лишь основании, что они оказываются взаимозаменяемыми в предложении про то, во что верит Сидоров. Однако они не являются таковыми, независимо от того, знает Сидоров их подлинное значение или нет.

Следовательно, если вышесказанное верно, то сама по себе априорность тождества двух выражений не является хорошим основанием для рассмотрения элементов этого тождества как взаимозаменяемых в контекстах мнения.

Другой пример предлагает нам два выражения с одним и тем же денотатом (значением), но разными смыслами. «Утренняя звезда» и «Венера» оказываются невзаимозаменяемыми в контекстах мнения. Однако Фреге утверждает, что из этого еще не следует, что значением термина «Утренняя звезда» не является Венера. Он подчеркивает, что эти два термина не всегда имеют одно и то же значение (денотат). В экстенциональных контекстах каждое из этих выражений обладает своим обычными денотатом (истинностным значением), тогда как в контекстах мнений денотатом каждого из выражений становится их смысл.

Несложно заметить, что если буквально воспринимать то, что говорит Фреге, то каким бы значением (денотатом) упомянутые выражения ни обладали в той или иной конкретной ситуации, оставаясь с этим же значением, они не могут быть взаимозаменяемы с другими выражениями во всех контекстах. А если так, то предлагаемый Фреге критерий взаимозаменяемости не вполне согласуется с принципом Лейбница: выражения с одним и тем же значением не оказываются взаимозаменяемыми во всех контекстах.

Похоже, что Фреге хорошо это осознавал, и поэтому его решение проблемы взаимозаменяемости предполагает различение прямого и косвенного употребления выражений. Он, таким образом, устанавливает две практически несводимых друг к другу области

референции: область прямой и область косвенной референции. В рамках каждой из двух областей принцип Лейбница соблюдается. Однако ценой данного результата становится отказ от унифицированного подхода к значению языковых выражений. И эта цена может вполне рассматриваться как слишком высокая, если ей не отвечают наши базовые языковые интуиции. И, похоже, они, на самом деле, ей не вполне отвечают, поскольку концепция Фреге подвергалась критике за нарушение так называемого принципа семантической невинности. Иными словами, теория Фреге изначально не отвечает принципу Лейбница, и для того, чтобы сделать ее отвечающей этому принципу, Фреге осуществляет неестественный прием, разделяя контексты употребления выражений на две группы, что приводит к отказу от однообразного подхода к анализу семантического содержания выражений.

3.2. Проблемы в программе Чалмерса

Как уже было сказано, программа Д.Чалмерса акцентирует внимание на двух областях или измерениях, ассоциирующихся со значением языковых выражений (или мыслей). Вопросы же взаимозаменяемости Чалмерс обсуждает в терминах приписывания верований следующим образом.

Несложно увидеть, что в обычных случаях приписывания верований приписывается, как эпистемическое, так и сослагательное содержание. Если я говорю: «Ральф считает, что Кларк Кент мускулистый», то для истинности этого моего произнесения Ральф должен обладать верованием, выполняющим два условия. Во-первых, его верование должно обладать сослагательным содержанием пропозиции *что Кларк Кент мускулист...* Однако одного этого недостаточно: верование о том, что Супермен мускулист, будет обладать тем же сослагательным содержанием, но не сделает истинным мое приписывание верования⁷.

Перефразируя данный отрывок для решения вопроса о взаимозаменяемости, мы можем сказать, что, согласно Чалмерсу, для того, чтобы два выражения были взаимозаменяемы в контекстах верования, они должны иметь не только один и тот же сослагатель-

⁷ Chalmers D. The Components of Content. 2002 (<http://consc.net/papers/content.pdf> 23).

ный интенционал, но и один и тот же эпистемический интенционал. Иными словами, такие два выражения должны быть не только равнообъемны, но также и априорно эквивалентными. В качестве примера двух таких выражений Чалмерс предлагает английский слова «lawyer» и «attorney»⁸. Он пишет: «Можно утверждать, что истина “lawyers are attorneys” тривиальна: она априорно известна, не требует когнитивной работы и не дает никакой значимой информации о мире». При этом он сразу не предлагает аргумента, обосновывающего тривиальность тождества этих двух терминов.

Мне представляется весьма несложным показать, что подобное тождество дает нам возможность узнать некоторую нетривиальную апостериорную информацию, а именно то, что индивиды, обозначаемые по-английски как «lawyers», также могут обозначаться и как «attorneys». Данная истина не может быть известна априорно (и ее не следует путать с утверждением о самоидентифицируемости любого множества представителей той или иной профессии). А если так, то, строго говоря, могут существовать люди, для которых данное тождество не будет тривиальным. И если оно тогда не является априорным, то указанные два термина (или соответствующие концепты) должны, по Чалмерсу, обладать различными эпистемическими интенционалами, и, следовательно, их нужно рассматривать как невазаимозаменяемые в контекстах мнений.

Если говорить иначе, то в предыдущем абзаце я пытался продемонстрировать, что из концепции Чалмерса одновременно следует, что «lawyer» и «attorney» взаимозаменяемы и что они не могут быть таковыми, если два указанные термина представляют собой тождество, сообщающее нам некоторую апостериорную информацию. Однако данный аргумент был представлен вовсе не для того, чтобы показать, что «lawyer» и «attorney» не взаимозаменяемы. Я считаю их взаимозаменяемыми и обладающими одним и тем же семантическим содержанием. Единственное, что я пытался показать, это то, что это их тождество не является априорным. А это последнее, в свою очередь, для того, чтобы показать, что условие априорности, которое Чалмерс налагает на взаимозаменяемость, приводит к тому, что многие выражения, которые, по его же собственному признанию, обладают одним и тем же значением, оказываются невазаимозаменяемыми. Такой результат

⁸ На русский оба слова могут быть переведены как «адвокат».

также приводит к нарушению принципа Лейбница, поскольку в теории Чалмерса термины с одним и тем же значением оказываются невзаимозаменяемыми⁹.

Таким образом, если сказанное выше верно, семантическая теория Фреге, равно как и семантическая теория Чалмерса, оказываются не соответствующими принципу Лейбница. Если мы будем рассматривать априорность тождества двух выражений в качестве единственного фактора, достаточного для их взаимозаменяемости, то мы придем к утверждению взаимозаменяемости терминов с разными значениями. Если же мы будем требовать общности значения вместе с априорностью тождества двух выражений, то мы вынуждены будем отказываться во взаимозаменяемости некоторым выражениям, обладающим одним и тем же семантическим содержанием.

4. Заключение

Семантическая теория, согласующаяся с принципом Лейбница, не должна рассматривать априорность в качестве семантически значимого фактора. Такая теория способна предложить ряд потенциальных преимуществ: мы сможем построить простую двухуровневую экстенциональную семантику, в которой будет выполняться принцип композициональности и которая, что более важно, сможет обусловить унифицированный подход к значению языковых выражений. Семантические теории, построенные на сходных идеях, уже предлагались ранее, в частности Дж.С.Миллем¹⁰ и Н.Сэлмоном¹¹. Их отличительная особенность, иногда считающаяся контринтуитивной, заключается в том, что они допускают взаимозаменяемость апостериорно тождественных выражений в контекстах мнения при

⁹ Сам Чалмерс в своей последней статье (*Chalmers D.J. Propositions and Attitude Ascriptions: A Fregean Account // Nous. 2011. 4(45). P. 595–639.*) признает наличие данной проблемы. Согласно его позиции, «даже выражения с одним и тем же интенционалом не всегда взаимозаменяемы *salva veritate*». Данное утверждение представляется слишком сильным, и против него можно привести целый ряд аргументов. Однако для наших целей здесь важно, что данная обновленная версия концепции Чалмерса все еще остается не соответствующей принципу Лейбница, поскольку не позволяет выражениями с одним и тем же семантическим содержанием быть взаимозаменяемыми *salva veritate*.

¹⁰ *Mill J.S. System of Logic. N.Y., 1874 (1843).*

¹¹ *Salmon N. Frege's Puzzle. Cambridge, 1986.*

условии, что эти выражения имеют одно и то же семантическое содержание. Так, «Супермен» (в том случае, если у этого термина то же семантическое содержание, что и у термина «Кларк Кент») может быть заменен на «Кларк Кент» в предложении «Ральф считает, что Супермен мускулист». Сомнения относительно допустимости подобной подстановки в большинстве случаев основываются на принятии принципа раскрытия кавычек¹². Однако плохую обоснованность этого аргумента, несмотря на его интуитивную правильность, можно продемонстрировать¹³.

Если мы рассматриваем семантическое содержание языкового выражения как то, что имеет отношение к условиям истинности, то мы не должны рассматривать априорность как один из его составных элементов. Быть может, априорность можно рассматривать как элемент прагматического значения языковых выражений. Однако для того, чтобы показать это, требуется отдельная аргументация. В данной же статье моя задача заключалась не в этом.

Какие же следствия полученные результаты имеют для проблематики языка и мышления? На мой взгляд, как минимум, следующие. Если априорность/апостериорность является понятием эпистемологии, неразрывно связанным с нашим мышлением, то продемонстрированная необходимость разводить эпистемологический и семантический анализ говорит о необходимости пересмотра тех взаимосвязей, которые связывают язык и мышление. Сфера семантики условий истинности оказывается автономной областью по отношению к когнитивным процессам субъекта. Это, однако, не означает, что язык, в целом, никак не связан с мышлением. Одним из следствий тезиса, представленного в данной статье, является, пожалуй, лишь то, что связь языка и мышления, вопреки расхожему мнению, не следует искать в области семантического содержания языковых выражений.

¹² Подробнее об этом принципе см., например: *Kripke S. A Puzzle About Belief // P.Ludlow (ed.). Readings in the Philosophy of Language. Cambridge, 1997. P. 885–886.* (Изначально статья опубликована в: *Meaning and Use / Ed. by. M.Avishai. Dodrecht, 1979.*)

¹³ См., например: *Кустий П.С. Информативные тождества и проблема взаимозаменимости // Философия науки. Вып. 15. М., 2010.*

А.А. Ивин

Оценки в процессах коммуникации

В первом приближении коммуникация представляет собой процесс общения с помощью знаков, наделенных значением. При всей внешней простоте коммуникация представляет собой удивительное явление. Очевидно, что без коммуникации человечество не могло бы существовать. Притча о Вавилонской башне выразительно говорит об этом. Как только люди потеряли способность общаться, говорить друг с другом, объяснять и понимать, строительство башни тут же развалилось.

Язык не является единственным средством коммуникации, но он основное из таких средств. Далее рассматривается та специфическая роль, которую оценки играют в процессах языковой коммуникации.

Оценки. *Оценка* (оценочное высказывание) – высказывание, устанавливающее абсолютную или сравнительную ценность некоторого объекта. Оценками являются, к примеру, выражения: «Хорошо, что погас свет», «Плохо, когда кто-то опаздывает», «Лучше прийти раньше, чем опоздать» и т. п.

Оценки столь же фундаментальны, как и описания, и не сводимы к другим употреблениям языка. Однако в отличие от описаний они не являются истинными или ложными. Описание и оценка являются двумя полюсами, между которыми имеется масса переходов. Как в повседневной коммуникации, так и в других разновидностях последней есть многие типы и описаний, и оценок. Чистые

описания и чистые оценки довольно редки, большинство языковых выражений носит двойственный, или «смешанный», описательно-оценочный характер.

Важность противопоставления описаний и оценок в процессах коммуникации несомненна. Многие понятия, связанные с коммуникацией (например, понятия доказательства, закона логики, объяснения, понимания и др.), до сих пор характеризуются в терминах истины. Но существует большой класс употреблений языка, которые явно стоят вне «царства истины». Прежде всего, это касается оценок. Философии языка необходимо шире взглянуть на изучаемые объекты и предложить новые, более широкие определения целого ряда своих основных понятий.

Хотя оценки обычны в коммуникации, в том числе и в научной коммуникации, долгое время господствовала идея, что оценки из-за своей субъективности не могут быть предметом строгого научного исследования.

С точки зрения исследования особенностей коммуникации интересно, что существуют *две независимые системы* ценностных координат, используя которые человек выносит свои оценки. Абсолютная система предполагает понятия «хорошо – безразлично – плохо», сравнительная система опирается на понятия «лучше – равноценно – хуже». Система абсолютных оценочных понятий стоит ближе к человеческому действию, чем система сравнительных оценочных понятий. Характерно, что нормативные понятия «обязательно», «разрешено» и «запрещено», непосредственно связанные с человеческой деятельностью, стоят гораздо ближе к абсолютным, чем к сравнительным оценочным понятиям.

За оппозицией «описание–оценка» стоит оппозиция «истина–ценность», а в конечном счете оппозиция «созерцание–действие». Первые элементы этих оппозиций не могут быть ясно поняты без прояснения вторых их элементов.

Понятие описательного высказывания может быть в должной мере прояснено лишь на основе противопоставления его оценочному высказыванию. Попытка определить описание вне оппозиции «описание–оценка» подобна намерению охарактеризовать «вареное» без упоминания о «сыром» или определить «гладкое», не ссылаясь на «шероховатое».

Сведение норм к оценкам. *Норма* (нормативное, или деонтическое, высказывание) – высказывание, обязывающее, разрешающее или запрещающее что-либо сделать под угрозой наказания. Нормы чрезвычайно разнообразны и включают команды, приказы, требования, предписания, законы, правила и т. п. Примерами норм могут служить выражения: «Прекратите говорить!», «Старайтесь приносить максимум пользы как можно большему числу людей», «Следует быть стойким» и т. п. Нормы, в отличие от описаний, не являются истинными или ложными, хотя могут быть обоснованными или необоснованными.

Обычно нормы и оценки рассматриваются независимо друг от друга, при этом нормы считаются самостоятельным, независимым от оценок употреблением (функцией) языка. Попытки установить связь норм и оценок редки, причем заранее предполагается, что вопрос об этой связи весьма сложен. Чаще всего утверждается, что оценки как-то «лежат в основе» норм или каким-то образом «влекут» нормы. Намерение выявить точный механизм этой связи приводит к громоздким и содержательно неясным конструкциям.

В действительности можно показать, что эта связь проста. Нормы представляют собой особый случай ценностного отношения между мыслью и действительностью. Как таковые, нормы являются частным случаем оценок. Именно тем случаем, который представляется нормативному авторитету настолько важным, что он находит нужным установить определенное *наказание* за приведение действительности в соответствие со своей оценкой.

Средством, с помощью которого оценка превращается в норму, является *санкция*, или «наказание» в широком смысле слова, налагаемое обществом на тех, кто отступает от установленных им предписаний. Наказание многолико и разнородно, начиная с лишения жизни и кончая абстрактным «осуждением истории». Соответственно, граница области норм не является четкой. В частности, правовые нормы – это жестко закрепленные социальные оценки, со строго фиксированной санкцией. Методологические правила – оценки, отказ от которых грозит возникновением каких-то, не оговоренных заранее затруднений в исследовательской деятельности. Правила игры – оценки со своеобразной санкцией: человек, пренебрегающий ими, выбывает из игры («играет в другую игру»). Грамматические нормы – оценки с расплывчатой санкцией, во многом сходной с

санкцией за нарушение правил игры, и т. д. Разнообразие видов возможной человеческой деятельности – от преобразования природы и общества до игры «крестики и нолики» – лежит в основе разнообразия тех наказаний, которыми сопровождается нарушение нормы, и разнородности поля самих норм.

Идея, что нормы – это частный случай оценок, может быть выражена с помощью следующего определения: «Обязательно действие A = (по определению). Действие A является позитивно ценным, и хорошо, что воздержание от данного действия влечет за собой наказание». Этим определением норма, обязывающая сделать A , разлагается на две оценки: позитивную оценку действия A и позитивную оценку наказания за невыполнение данного действия (воздержание от него).

Нормы как оценки, стандартизированные с помощью санкций, являются достаточно узким классом оценок. Во-первых, нормы касаются человеческих действий или вещей, тесно связанных с действием, в то время как оценки могут относиться к любым объектам. Во-вторых, нормы направлены в будущее, оценки же могут касаться как прошлого и настоящего, так и того, что вообще существует вне времени.

Принцип Юма. Обсуждение проблем использования оценок в коммуникации должно учитывать то обстоятельство, что из описаний логически не выводимы оценки, а из оценок не выводимы описания.

Описательные утверждения обычно формулируются со связкой «есть», в оценочных утверждениях нередко употребляется «должен». Поэтому идею о не выводимости оценок из описаний и описаний из оценок выражают также в форме положения, что от «есть» нельзя с помощью логики перейти к «должен», а от «должен» – перейти к «есть».

Д.Юм первым подчеркнул невозможность логического перехода от «есть» к «должен» и упрекнул всю предшествовавшую этику в том, что она не считалась с этим важным обстоятельством и потому является несостоятельной¹. Положение о невозможности логического перехода от фактических утверждений к утверждениям долженствования получило название *принципа Юма*.

¹ Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1966. С. 618.

Данный принцип служил отправным пунктом для важных методологических заключений, касающихся морали, права и всякой коммуникации о долженствовании. Утверждалось, например, что, если моральные заключения не могут логически следовать из неморальных посылок, значит, нельзя обосновывать моральные принципы, выходя за пределы самой морали. Это положение, устанавливающее, как кажется, независимость морали от фактов, получило название «принцип автономии морали» и вызвало большие споры². Идее о не выводимости оценочных утверждений из фактов важное значение придавал в прошлом веке К.Поппер, считавший ее одним из теоретических оснований либерализма³.

Таким образом, принцип Юма, утверждающий не выводимость оценок из фактов, имеет важное теоретико-познавательное значение. Несомненно и его значение для методологии науки: если этот принцип верен, должно быть признано несостоятельным всякое моральное, правовое и иное доказательство, в котором оценочный тезис поддерживается фактическими (описательными) аргументами.

Обоснование принципа Юма. Сам Юм не привел никаких аргументов в поддержку идеи о невыводимости «должен» из «есть». Он ссылаясь на то, что было бы ошибочным вводить в заключение некоторое отношение или утверждение, отсутствующее в посылках, и указывал, что отношение или утверждение, выражаемое с помощью «должен» или «не должен», явно отлично от отношения или утверждения, выражаемого посредством «есть». Эта ссылка содержит, однако, порочный круг. Как обосновать принцип Юма без логических ошибок?

Можно выдвинуть два довода в поддержку этого принципа. Во-первых, все попытки его опровержения ни к чему не привели. Неуспех фальсификации служит аргументом в пользу принятия утверждения, устоявшего под напором критики. Во-вторых, принципу Юма может быть дано теоретическое обоснование путем включения его в теоретическую систему, в рамках которой он будет следствием других, более фундаментальных поло-

² См.: *Poincare A. La morale et la science // Dernières pensées.* Paris, 1913. P. 213–214.

³ *Поппер К. Открытое общество и его враги.* Т. 1. М., 1992. С. 96.

жений. В частности, такой является теория употреблений языка, противопоставляющая описания и оценки как два полярных его употребления.

Более существен теоретический аргумент. Описание должно соответствовать миру; задачей оценки является, в конечном счете, приведение мира в соответствие с оценкой. Эти две противоположные задачи не сводимы друг к другу. Очевидно, что, если ценность истолковывать как противоположность истине, поиски логического перехода от «есть» к «должен» лишаются смысла. Не существует логически обоснованного вывода, который вел бы от посылок, включающих только описательные утверждения, к заключению, являющемуся оценкой или нормой.

Хотя принцип Юма представляется обоснованным, некоторые методологические выводы, делавшиеся из него, нуждаются в уточнениях. Так, Пуанкаре, Поппер и другие полагали, что из-за отсутствия логической связи оценок и норм с описаниями этика не может иметь какого-либо эмпирического основания и, значит, не является наукой. Несмотря на то, что принцип Юма справедлив, принцип автономии этики ошибочен. Ни логика норм, ни логика оценок не санкционируют выводов, ведущих от чисто фактических (описательных) посылок к оценочным или нормативным заключениям. Конечно, обсуждение особенностей обоснования моральных норм требует учета этого логического результата. Вместе с тем ясно, что он не предопределяет решение *методологических проблем* обоснования этики, точно так же как невозможность перехода с помощью только логики от фактов к научным законам не предрешает ответа на вопрос об обоснованности теоретического знания.

Принцип Юма говорит об отсутствии логической связи между описаниями и оценками. Однако в реальной ситуации дело осложняется тем, что чистые описания и чистые оценки встречаются в гуманитарных и социальных науках не так часто. Гораздо более часты двойственные, описательно-оценочные утверждения. Такие выражения размывают границу между описаниями и оценками, вследствие чего принцип Юма лишается той ясности, которой он достигает при противопоставлении чистых описаний и чистых оценок.

Целевое обоснование оценок. Основным способом обоснования оценок является *целевое обоснование*. Иногда оно именуется *целевым подтверждением*; если упоминаемые в нем цели не яв-

ляются целями человека, оно называется также *телеологическим обоснованием*. Целевое обоснование представляет собой параллель эмпирическому подтверждению описательных утверждений (верификации следствий).

Целевое обоснование позитивной оценки какого-то объекта представляет собой ссылку на то, что с помощью этого объекта может быть получен другой объект, имеющий позитивную ценность.

Целевое обоснование оценок находит широкое применение в самых разных областях, начиная с обыденных, моральных, политических дискуссий и кончая философскими, методологическими и научными рассуждениями. Приведем несколько примеров таких рассуждений, чтобы продемонстрировать адекватность описанных схем целевого обоснования на конкретном материале.

Некоторые выводы Дж.Локка настолько странны, пишет Б.Рассел, что непонятно, каким образом изложить их в разумной форме. Локк говорит, что человек не должен иметь такого количества слив, которое не могут съесть ни он, ни его семья, т. к. они испортятся, но он может иметь столько золота и бриллиантов, сколько может получить законным образом, ибо золото и бриллианты не портятся. Локку не приходит в голову, что обладатель слив мог бы продать их прежде, чем они испортятся⁴.

По-видимому, Локк рассуждал так, используя схему целевого обоснования: «Если у человека слишком много слив, то часть их непременно испортится; плохо, когда сливы портятся; значит, нельзя иметь чересчур много слив». Это рассуждение представляет собой попытку целевого обоснования оценки: «Нельзя иметь слишком много слив». Рассел правильно замечает, что данное рассуждение не убедительно: первая его посылка не является истинным утверждением.

Другое целевое обоснование приводимое Локком: «Драгоценные металлы являются источником денег и общественного неравенства; экономическое неравенство достойно сожаления и осуждения; значит, драгоценные металлы заслуживают осуждения». Локк принимал первую посылку этого рассуждения, чисто теоретически сожалел об экономическом неравенстве, но не думал, что было бы разумно предпринимать меры, которые могли

⁴ См.: Рассел Б. История западной философии. Т. 2. М., 1993. С. 153.

бы предотвратить это неравенство. Логической непоследовательности в такой позиции нет, поскольку заключение не вытекает логически из посылок.

Философы-эмпирики XVIII–XIX вв., занимавшиеся этикой, считали удовольствие несомненным благом. Их противники, напротив, презирали удовольствие и склонялись к иной системе этики, которая казалась им возвышенной. Т. Гоббс высоко ценил силу, с ним соглашался Б. Спиноза. Разные системы принимавшихся исходных ценностей вели к различиям в целевых обоснованиях. Так, рассуждение «Взаимная благожелательность доставляет удовольствие и потому является добром» было бы приемлемым для Локка, но не для Гоббса или Спинозы. Большая часть противников локковской школы, пишет Рассел, восхищалась войной как явлением героическим и предполагающим презрение к комфорту и покою. Те же, которые восприняли утилитарную этику, напротив, были склонны считать большинство войн безумием. Это снова, по меньшей мере в XIX столетии, привело их к союзу с капиталистами, которые не любили войн, т. к. войны мешали торговле. Побуждения капиталистов, конечно, были чисто эгоистическими, но они привели к взглядам, более созвучным с общими интересами, чем взгляды милитаристов и их идеологов⁵. В этом отрывке упоминаются три разные целевые аргументации, обосновывающие оправдание и осуждение войны:

– война является проявлением героизма и воспитывает презрение к комфорту и покою; героизм и презрительное отношение к комфорту и покою позитивно ценны; значит, война также позитивно ценна;

– война не только не способствует общему счастью, но, напротив, самым серьезным образом препятствует ему; общее счастье – это то, к чему следует всячески стремиться; значит, войны следует категорически избегать;

– война мешает торговле; торговля является позитивно ценной; значит, война вредна.

Убедительность целевого обоснования существенно зависит от трех обстоятельств. Во-первых, от эффективности связи между целью и тем средством, которое предлагается для ее достижения; во-вторых, от приемлемости самого средства; в-третьих, от

⁵ Рассел Б. История западной философии. Т. 2. С. 153.

приемлемости и важности той ценности, которая выдвигается в качестве цели. Связь «средство—цель» в контексте целевого обоснования – это причинно-следственная связь: средство является той причиной, благодаря которой достигается цель-следствие. Чем более сильной является причинная связь, упоминаемая в целевом обосновании, т. е. чем эффективнее то средство, которое предлагается для достижения обозначенной цели, тем более убедительным кажется целевое обоснование. Средство, указываемое в целевом обосновании, может не быть оценочно нейтральным (безразличным). Если оно приемлемо для аудитории, целевое обоснование будет представляться ей убедительным. Но если средство сомнительно, возникает вопрос о сопоставлении наносимого им ущерба с теми преимуществами, которые способна принести реализация цели. Все это показывает, что целевое обоснование представляет собой индуктивное, вероятностное рассуждение. Если даже используемая в нем причинная связь является сильной, предполагаемое следствие – приемлемым, а поставленная цель – существенной, заключение целевого обоснования является проблематическим утверждением, нуждающимся в дальнейшем обосновании.

Оценки в научной коммуникации. Как полагали неопозитивисты, оценочные суждения не имеют никакого отношения к научному познанию. Наука вправе говорить о том, что *есть*, но не о том, что *должно быть*, и не о том, чему *лучше быть*. Она не может содержать оценок. Неопозитивистская идея, что включение оценочных элементов в науку является отступлением от идеала чистой науки, продолжает жить даже в условиях нынешнего упадка неопозитивизма.

Жесткий отказ от ценностей в научном познании является, однако, крайней позицией. Он плохо согласуется с реальной практикой науки, и прежде всего с практикой социальных и гуманитарных наук, всегда опирающихся на определенные ценности и стремящихся каким-то образом обосновать их.

Из попыток оправдать правомерность ценностей если не во всех науках, то хотя бы в социальном познании (в частности, в экономической науке) особую известность получил «постулат Мюрдаля». Согласно шведскому экономисту Г.Мюрдалю, в науках об обществе допустимы явные оценки; ученый вправе делать такие оценки, но он должен ясно отделять их от фактических утверждений.

Позиция Мюрдаля, подкупающая своей простотой, разделяется многими. В естественных науках ценностей и, соответственно, оценок нет. Социальная реальность вся проникнута идеологией, и поэтому ее познание невозможно без вынесения суждений оценочного характера. Эти суждения должны формулироваться явно и четко отделяться от фактических, описательных утверждений.

Очевидно, однако, что позиция Мюрдаля представляет собой всего лишь некоторое ослабление неопозитивистской доктрины «свободы от ценностей» и ничего не меняет в ее существовании. Несомненна также утопичность постулата Мюрдаля. Ни одна реально существующая научная теория, включая и науки об обществе, не строится так, чтобы утверждения оценочного или описательно-оценочного характера отделялись в ней скольконбудь ясно от чисто описательных утверждений.

Оценки являются необходимыми элементами социальных, а во многом и гуманитарных теорий. Более того, определенные оценки лежат в самой основе социального и гуманитарного теоретического знания.

Социальная теория анализирует общество в свете возможностей улучшения условий существования человека. Описывая альтернативы дальнейшего развития тех или иных сфер социальной жизни или намечая историческую перспективу для общества в целом, социальная теория обязана подвергнуть критике другие возможные пути. Этого нельзя достигнуть без оценочных суждений.

Еще до начала изучения общества социальный исследователь должен принять или отвергнуть некоторые общие оценки.

В частности, неомарксист Г.Маркузе выделяет следующие два оценочных момента, с самого начала осложняющих соблюдение социальной теорией исторической объективности:

– оценочно-нормативное суждение, что человеческая жизнь стоит того, чтобы ее прожить, или, скорее, может и должна стать таковой; это суждение лежит в основе всякого интеллектуального труда, оно является предпосылкой социальной теории и отказ от него (хотя он и не был бы нелогичным) равнозначен отказу от самой теории;

– оценочно-нормативное суждение, что в данном обществе существуют специфические возможности для улучшения человеческой жизни, а также средства и способы, которые общество долж-

но использовать для реализации этих возможностей⁶. Социальная теория должна, опираясь на эмпирические данные, показать объективную значимость данных оценочных суждений, как и всех других оценок, которые исследователь вынужден принять в качестве обоснованных до начала своего конкретного анализа.

Выдвигавшееся философами-неопозитивистами требование исключать любые оценки (и, соответственно, нормы) из языка социальных наук неосуществимо и проистекает из стремления перестроить эти науки по образцу естественных наук. Нереалистичной является и более слабая рекомендация отчетливо отделять в социальных дискуссиях нормы и оценки от чисто описательных утверждений. Многие утверждения носят двойственный, описательно-оценочный характер и функционируют в одних контекстах как описания, а в других как оценки или нормы. В социальных и гуманитарных теориях нередко невозможно провести ясную границу между описаниями и оценками и воспользоваться советом четко отделять описательные суждения от нормативных и оценочных суждений.

Человеческая деятельность и сопровождающая ее коммуникация невозможны без оценок. Науки, изучающие человека и общество и имеющие своей конечной целью рационализацию и оптимизацию человеческой деятельности, всегда устанавливают неявные или даже явные оценки и опираются на определенные ценности. Проблема не в устранении оценок, которое в данных науках в принципе недостижимо, а в *обосновании объективности* выдвигаемых нормативных и оценочных положений⁷.

⁶ См.: Маркузе Г. Одномерный человек. Киев, 2004. С. VIII.

⁷ Более подробно роль оценок и норм в процессе научной коммуникации об-суждается в работе: Ивин А.А. Аксиология. М., 2006. Гл. 6–8.

Ю.С. Моркина

Коммуникативный аспект смысла*

В нашем исследовании рассматривается понятие смысла, его коммуникативный аспект. Наряду с традиционным логическим подходом, мы вводим коммуникативный подход, в котором подчеркивается, что смыслы порождаются и существуют в процессе человеческой коммуникации. В связи с этим мы переопределяем понятие смысла, рассматриваем значение анализа интерсубъективности для понимания феномена смысла, а также анализируем носители смысла как сложные идеальные системы. Интерсубъективный и системный аспекты смысла тесно связаны друг с другом, поскольку только в интерсубъективной коммуникации смыслы возникают и обмениваются, и только в коммуникативной среде, подразумевающей интерсубъективность, могут возникать и функционировать носители смысла как сложные идеальные системы.

Что есть смысл?

Понятие смысла, наверное, – одно из самых трудно определяемых понятий в философии. Так, смыслом предложения, по Фреге, может быть мысль¹. Смыслом имени Г.Фреге называл способ за-

* Работа подготовлена в рамках проекта РГНФ № 10-03-00085а «Интерсубъективность как проблема социальной эпистемологии».

¹ См.: *Фреге Г.* О смысле и значении // *Логика и логическая семантика*: Сб. тр. М., 2000. С. 230–247.

дания значения (денотата), иначе говоря, смысл имени – эта та информация о денотате, которая содержится в самом имени. Об имени говорится, что оно обозначает (именует) свой денотат, но выражает свой смысл. Мысль, выраженную предложением, Г.Фреге называл смыслом этого предложения. Смысл и значение как объективные сущности Г.Фреге противопоставлял представлению как субъективному образу предмета, который индивидуален для каждого познающего субъекта. Хотя смысл имени – это объективная сущность, одно и то же имя, может, как отмечал Фреге, ассоциироваться у различных людей с различной информацией о денотате этого имени. Два различных имени могут иметь тождественные денотаты, но обладать при этом различными смыслами (например, имена «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда»); все имена, имеющие тождественные смыслы, обладают тождественными денотатами.

Но Фреге имеет в виду только одну разновидность смысла, а именно, логический смысл слов и предложений². Только для этого понятия верно все, что говорит Фреге о смысле.

Мы знаем, что не только в естественном языке, но и в философском анализе слово «смысл» часто приобретает совсем другие значения.

Существует, помимо логического смысла слов и предложений, смысл эстетический, поэтический, социальный. Философами и социологами было много написано о социальном смысле невербального человеческого мира³. Но и языковое предложение может иметь смысл эстетический, не имея смысла логического:

«А мы сидели на крыше июля
И глядели в небо глаза человечьи»

/Елена Полошкина⁴/

² «Так, например, мысль предложения «Утренняя звезда – это тело, освещенное Солнцем» отличается от мысли предложения «Вечерняя звезда – это тело, освещенное Солнцем». Каждый, кому не известно, что Вечерняя звезда есть Утренняя звезда, может счесть одну из этих мыслей истинной, а другую – ложной. Таким образом, мысль не является значением предложения, ее следует рассматривать, скорее, как смысл предложения» (Фреге Г. О смысле и значении. С. 230–247).

³ См.: Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. М., 2004; Абрамова Н.Т. Несловесное мышление. М., 2002; Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Сост., филос. пер., общ. и научн. ред., послесл. Н.М.Смирновой. М., 2004.

⁴ Полошкина Е. Возможность. Стихотворения. М., 1995. С. 57.

Иными словами, мы пока имеем дело с двумя понятиями смысла:

- 1) узко логическое понятие смысла слов и предложений;
- 2) общее, более широкое понятие смысла, содержащее в себе понятие индивидуального творчества («восприятие смысла – всегда творчество»⁵), которое можно достаточно произвольно подразделять на понятия социального смысла, культурного смысла, музыкального, художественного, поэтического смыслов (последние три понятия объединяются понятием эстетического смысла), экзистенциального смысла и т. д.

Человеческий мир, по образному выражению американского философа М. Натансона, ученика А. Шюца, – основоположника феноменологической социологии, – «светится смыслами». Мы обратимся к А. Шюцу, поскольку взяли за анализ коммуникативного аспекта смысла, а коммуникация подразумевает социум, в котором она происходит. Шюц пишет, что «поскольку Природа конституирована конкретно и единообразно, постольку и само человеческое существование соотносится с существующим жизненным миром как сфера практической деятельности, изначально наделенная *человеческим смыслом*»⁶. «Наш повседневный мир с самого начала есть интерсубъективный мир культуры. Он интерсубъективен, ибо мы живем в нем как люди среди других людей, связанные с ними общим влиянием и работой, понимающие других и являющиеся для них объектом понимания. И это мир культуры, ибо с самого начала жизненный мир есть для нас универсум обозначений, т. е. *смысловая сеть* (Sinnzusammenhang), которую мы должны проинтерпретировать, и *мир смысловых взаимосвязей*, которые мы устанавливаем лишь посредством нашего действия в этом жизненном мире»⁷.

По Шюцу, наивно живущий человек автоматически имеет «под рукой» некие *смысловые комплексы*, которые для него достоверны. Из всего, что он унаследовал и усвоил, из многообразных осаждаемых традиций, привычек и собственных прежних конституирований смысла, сохраняющихся в его памяти и реактивирующихся в различных ситуациях, складывается его запас переживаний свое-

⁵ Касавин И. Т. Смысл как проблема эпистемологии и науки // Эпистемология & философия науки. 2007. Т. XIII. № 3. С. 15.

⁶ Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. С. 188.

⁷ Там же. С. 194.

го жизненного мира как некий «закрытый смысловой комплекс». Этот комплекс обычно является для человека непроблематичным, нерелексируемым, принадлежит к «фоновому знанию». Итак, человеческий мир intersубъективен и наполнен смыслами.

Сам Шюц, однако, не дает своего определения смысла, пользуясь этим словом как словом обыденного языка. Но именно для анализа социальной сферы, организуемой смыслами и порождающей смыслы, особенно важно найти подходящее определение смысла. Наше определение мы считаем в некоторой степени феноменологическим и ни в коем смысле не окончательным. Это наше рабочее определение, которое поможет нам провести анализ значения смысла в коммуникации. Мы обозначим как осмысленное то, что отсылает, кроме себя, к чему-то другому (что можно было бы назвать значением, но мы не будем этого делать, поскольку тогда над нами будет тяготеть многолетняя традиция, берущая начало в различении Фреге). Как осмысленность мы обозначим саму функцию отсылания, а как смысл – то другое, к чему происходит отсылание. Осмысленный объект в нашем анализе – носитель смысла. Носитель смысла может быть материальным объектом или вербальным сообщением (последовательностью звуков).

Необходимость микроуровневой теории intersубъективности для понимания смыслопорождения при коммуникациях

Смыслом для человека обладает все, что его окружает, в том числе все, что связано с другими людьми. Другие люди – в онтогенезе источник осмысления мира вокруг. Ситуации коммуникации являются смыслопорождающими для каждого отдельного человека. Отсюда проблема intersубъективности видится как проблема начал осмысленности человеческого мира. В данном разделе нами предложен микроуровневый подход к понятию intersубъективности.

Проблема intersубъективности входит в число традиционных проблем направления трансцендентальной феноменологии. Но эта проблема не только полностью не разрешима, но и не может быть в полном объеме поставлена в рамках данного направления. Она требует для своей постановки и решения определенного отрыва от традиции и переосмысления, в том числе переопределения само-

го понятия интерсубъективности. Представляется разумным при решении этой проблемы использовать функциональный подход и рассматривать интерсубъективность как функцию социальных коммуникаций. Н.М.Смирнова совершенно справедливо подчеркивает возможную роль социальной эпистемологии как общей парадигмальной матрицы синтеза различных моделей интерсубъективности, междисциплинарного рассмотрения этого понятия с эпистемологической точки зрения⁸. Вообще, Н.М.Смирнова права, особенно когда подчеркивает именно когнитивное основание интерсубъективности – неявное («фоновое») знание. Такое знание является непроблематизированным («само собой разумеющимся», *taken for granted*) основанием социальных коммуникаций, главной характеристикой которых и является интерсубъективность.

Однако интерсубъективность (при размышлении о возможных ее моделях) не всегда имеет когнитивные основания *общекультурного* масштаба, хотя эти основания всегда когнитивны и социальны. Единичные эмпирические коммуникации происходят зачастую всего между двумя субъектами. Интерсубъективные основания этих коммуникаций включают в себя общекультурные знания только в качестве части. Социальны в определенном смысле и индивидуальные представления человека, поскольку приобретены в процессе общения. Но парадокс кроется в том, что знания, приобретенные в результате коммуникаций, могут не лежать в основе последующего общения индивида и не быть основаниями интерсубъективности. Интериоризируясь, «фоновые» неявные знания могут далее не проявляться вербально и никак не опосредовать общение. Они как бы оседают в «индивидуалистическом тупике», влияя на поступки и деятельность личности, но выпадая из сферы коммуникации. Так, М.Полани, введший понятие «неявного знания», понимал под ним знание, которое нельзя выразить в явной форме, обуславливающее личностный характер научной деятельности. Но такое знание, по причине невыразимости, участвует в коммуникациях только опосредовано. Кроме того, общность невыразимого неявного знания для определенной группы людей можно только предполагать, но не теоретически доказать.

⁸ См.: Смирнова Н.М. Интерсубъективность как проблема социальной эпистемологии // Эпистемология & философия науки. 2011. № 1.

Среди моделей интерсубъективности одна из первых была построена Э.Гуссерлем. Гуссерль описывает конституирование сознанием другого сознания в понятиях ассоциативного осознания сходства «моего» тела и тела «другого»⁹. Его описание конституирования сознанием своих объектов – трансценденталистское, оно изначально исходит из общих для всех индивидуальных сознаний структуры и законов конституирования. Сознание для него едино и единственно. Когда критика ставит перед Гуссерлем проблему интерсубъективности – он строит модель, в которой индивидуальные сознания конституируют друг друга по аналогии. Их модели получены путем точного копирования первой модели сознания и, следовательно, во всем друг другу подобны.

С другой стороны к проблеме общности и интерсубъективности подходит представитель социальной феноменологии А.Шюц¹⁰. Он обращает внимание, прежде всего, на общность повседневного мира, в котором мы живем, и распространенных в нем социально обусловленных смыслов. «Биографическая ситуация» (индивидуальная память) – то, что различает субъектов, действующих в этом социально-конституированном осмысленном мире. Внешняя ситуация – то, что разделяется субъектами, при общем учете чего субъекты вынуждены «синхронизироваться», действовать и проживать вместе, «вместе стареть». Сознанию субъекта (как это было у Бергсона и Гуссерля) у Шюца присуще глубоко заложенное неизмеряемое дление (*durée*), постоянное течение. Шюц признает индивидуальность данной длительности, поскольку осознает (помня о «биографической ситуации») индивидуальность сознания, его отделенность от других сознаний и его своеобразие. Но и Шюц, осуществляя философский анализ конституирования сознанием Другого, уделяет недостаточно внимания важной, на наш взгляд проблеме, прямо относящейся к проблеме интерсубъективности. А именно, ни тот, ни другой не исследуют, как Другое конституируется в сознании именно как *другое*, иное. Ведь между совершенно одинаковыми сознаниями невозможна коммуникация. Интерсубъективность – основа коммуникации, и именно поэтому в решение ее проблемы необходимо включать не только общесо-

⁹ См: Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Минск–М., 2000.

¹⁰ См: Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом.

циальный, но и индивидуалистический аспект. Необходимо философски обосновывать то, как индивидуальные сознания схватывают различия между собой в процессе коммуникации. В философской традиции, на наш взгляд, внимание уделяется в основном общему, индивидуальное же – ускользает. Философами и социологами строятся модели коммуникации, в которых сознания выступают как совершенно одинаковые. Шюц, правда, отмечает различие «биографических ситуаций» людей, входящих в общество.

Но «биографические ситуации» – только «наполнение» структуры сознания. Все равно за пределом анализа оказываются различия в способах мышления и восприятия и вообще структуры индивидуальных сознаний. Эмпирически же в коммуникации всегда важно, *кто* в нее вступает и с *кем*, и как схватываются участниками именно различия между ними. Зачастую схватывание различий задает тон всей коммуникации. Этот аспект требует философского осмысления. При построении модели интересубъективности, в том числе средствами социальной эпистемологии, необходимо уделять внимание не только моделированию общего (общекультурного, социального вообще), но и частного. При этом можно было бы совместить индивидуалистический и коллективистский подходы, которые в англоязычной литературе резко противопоставляются друг другу¹¹.

Подытоживая, можно сказать: любое сознание так или иначе отнесено к обществу и усваивает общественные смыслы, продуцируемые при коммуникации. В этом – предпосылка интересубъективности как феномена. Но каждое частное сознание отнесено к обществу по-своему – в этом, в обмене различающимися смыслами, – предпосылка коммуникации и проблема для эпистемологической теории интересубъективности. Как совместить в модели трансценденталистскую и плюралистскую установки? Как вообще многообразие человеческих смыслов отразить в теории, если теория должна включать обобщение?

¹¹ См.: Bloor D. Wittgenstein, Rules and Institutions. L., 1997. P. 95.

Функционирование носителя смысла в коммуникации

Один из ответов на этот вопрос в более широком использовании микроуровневых исследований. Человеческое общество, в котором происходят коммуникации, можно изучать в целом или изучать отдельные социальные системы. Это – макроуровень.

Так, Н.Луман строит теорию, применимую к социальным системам. Луман предлагает понимать под системой «не определенные сорта объектов, а определенное различие, а именно: различие системы и окружающей среды»¹². Любая система характеризуется определенной дифференциацией, позволяющей провести границу между системой и ее окружением – т. е. тем, что системой не является. При этом система и ее окружение являются взаимозависимыми категориями. Система и окружающая среда не существуют как некоторая данность, а возникают в результате операций различения, проводимых наблюдателем. Таким образом, системная теория Лумана – это абстрактная теория, описывающая мир как единство различений – система/окружающая среда, поскольку только на основе этого различения формируется представление о системе и ее окружающей среде. Все операции системы являются ее внутренними операциями, т. к. система оперирует только собственными различениями. «Система сама определяет свои границы, она сама вычленяет себя и тем самым конституирует окружающую среду как то, что лежит по другую сторону от ее границы. В этом смысле окружающая среда не является самостоятельной системой и даже влияющим элементом, а только тем, что в качестве совокупности внешних обстоятельств сокращает произвольность морфогенеза систем и прерывает их эволюционную селекцию. “Единство” окружающей среды является ничем иным, как коррелятом единства системы, т. к. все, что является для системы единством, определяется системой»¹³.

«Смысл здесь понимается как принцип селективной связи или коннекции элементов сложной системы», – говорит А.Ю.Антоновский о социальных системах и коммуникациях в них¹⁴.

¹² Москалев И.Е. Сети научных коммуникаций: междисциплинарный подход // Философия науки. Вып. 11. М., 2005 С. 199.

¹³ Luhmann N. Ökologische Kommunikation: kann die moderne Gesellschaft sich auf ökologische Gefördungen einstellen? Opladen, 1986. S. 23.

¹⁴ Антоновский А.Ю. Обсуждаем статьи о сложности // Эпистемология & философия науки. 2008. № 4. С. 173.

На микроуровне исследование смещается с целой социальной системы на отдельные коммуникации и даже единичные коммуникативные акты. Парадокс в том, что, хотя при исследовании на микроуровне на первый план выступает частное, единичное, для такого исследования необходима некая общая методология, общая теория.

Социальный мир, мир коммуникаций «светится смыслом». Он «светится смыслом» для каждого коммуницирующего индивида в каждом единичном акте коммуникации.

В противовес абстрактной теории социальных систем Н.Лумана, мы обратимся к микроуровню, и тут попытаемся здесь проследить связи между коммуникацией и смыслом.

Носители смысла выполняют функцию отсылания к тому, что не есть они сами. Эту функцию мы назвали осмысленностью. Эту функцию они способны выполнять только для человека. То, к чему они отсылают – смысл – порождается и существует в коммуникациях. Хотя возможны персональные, личностные смыслы, их наличие у человека подразумевает след многочисленных коммуникаций, в которые он включался с детства.

Это хорошо описал объяснил Д.Блур, приверженец «коллективистского» подхода к знанию, полемизируя с «индивидуалистами». Во-первых, он указывает на то, что индивидуалисты не учитывают различия между физической и социальной изоляцией. Он объясняет, что отношения «лицом к лицу» в социуме протекают эпизодически, в промежутках же субъект изолирован физически, но не социально. Человек общается с друзьями, коллегами по работе, но часто завтракает и ужинает в одиночестве, в одиночестве размышляет, без непосредственных социальных контактов с другими лицами. *Отношения «лицом к лицу» в социуме имеют не физический, но когнитивный характер*, как это блестяще замечает Блур. Институты существуют постольку, поскольку эти отношения происходят и помнятся. Память о непосредственном общении, верования, ожидания насчет будущего общения включаются в человеческую активность. Интервал же физической изоляции во времени пластичен и варьируется для разных институтов. В соответствии с этой точкой зрения Робинзон на острове был изолирован физически, но не социально, поскольку имел позади длительный опыт социальной жизни, а также думал о бу-

душем, может быть, далеко, возвращении к людям. Социально он никогда не был изолирован. Он продолжал быть «сущностно социальным существом»¹⁵.

Единицей вербальной коммуникации является сообщение – осмысленная последовательность звуков. Чтобы понять, как функционирует в коммуникации носитель смысла, мы воспользуемся метафорой сложной идеальной системы и будем утверждать, что любой носитель смысла является такой сложной идеальной системой. Идеальные *системы* являются продуктом человеческого мышления. К ним относятся научные понятия, гипотезы, теории, последовательная смена научных теорий, формализованные системы (металогика, математика), а также сама теория систем как научное знание.

Идеальные системы могут быть сложными, если к ним возможно применять понятие сложности, разработанное для материальных систем. Такое применение имеет определенную специфику, поскольку, исследуя системы, порожденные человеческим мышлением, мы имеем право считать их сложными настолько, насколько сложным мышлением они порождены и насколько сложное мышление порождает, будучи актуализированы. Их сложность связана со сложностью мышления и сознания.

Применяя понятие сложности к элементарным материальным носителям смысла, таким как сообщение, значок, знак отличия, табличка с указателем, следует помнить, что эти носители являются сложными идеальными (а не материальными) системами, т. е. что их сложность актуализируется только для человеческого мышления и сознания. Они сами порождены коммуникацией и участвуют в коммуникации. Их сложность заимствована не только от сложности мышления и сознания, но и от сложности коммуникации, в которую сознание вступает. Простейший материальный носитель смысла – например, значок – выступая как посредник в коммуникации человека с обществом, становится сложной идеальной системой. В такой ситуации коммуникации он обладает такими свойствами, как множественность и разнообразие возможных интерпретаций, дающая сознанию возможность выбора, целостность (холизм) того смысла, которое сознание ему придаст,

¹⁵ См.: Bloor D. Wittgenstein: A Social Theory of Knowledge. Macmillan and Columbia, 1983. P. 16.

а также эмерджентность этого смысла, рождающегося из взаимодействия его как идеальной системы и сознания интерпретатора. Осмысленность выступает организующим фактором сложной идеальной системы.

Мы отличаем осмысленность от смысла. Как уже было сказано, осмысленность – это функция отсылания к чему-то другому, отличающемуся от отсылающего. Это – вектор, противоположный вектору интенциональности: не «к» образу, чувству, материальному объекту, а «от» него. В то же время смысл, то «к» чему направлен вектор осмысленности – не обязательно является чем-либо, четко определяемым: ментальным образом, чувством, материальным объектом. Он может быть смешением, «гибридом» вышеперечисленного, он может быть едва уловимым ощущением, исчезающе неопределенным. Вектор осмысленности – не указание «от» носителя смысла, а «соскальзывание» с этого носителя. В связи с этим использование понятия смысла – того, к чему отсылает «соскальзывающий» вектор, – становится рискованным. Сам смысл, а вместе с ним носитель смысла как идеальная система, являются «рискованными структурами», часто неустойчивыми, зависящими от капризов восприятия и «потока сознания» интерпретатора. Если мы вспомним, что одна из разновидностей носителей смысла – вербальное сообщение, единица вербальной коммуникации, то отсюда можно сделать вывод о неустойчивости («неравновесности») самой коммуникации.

Итак, носитель смысла можно рассмотреть как сложную идеальную систему. Конечно, смыслом для человека обладают и простые материальные объекты, такие как значки, знаки отличия, бланки для справок, таблички с указателями и т. д. и т. п., но природа носителей смысла такова, что они, будучи зависимы от мышления и сознания их интерпретатора, являются *сложными идеальными системами* на том онтологическом уровне, на котором им присущ смысл. Одновременно они могут быть достаточно простыми материальными объектами.

Еще одно из понятий, которое можно перенести из теории сложных (материальных) систем в теорию сложных идеальных систем и, следовательно, применить к носителям смысла как сложным идеальным системам, – понятие *операциональной замкнутости*.

Что нам дает понятие *операциональной замкнутости носителей смысла*? При использовании этого понятия для анализа становится понятно, как преодолевается разрыв между коммуникантами в коммуникации. Смысл – каков бы он ни был, насколько он не является расплывчатым, личностным, непередаваемым или же четко вербализуемым – любой смысл как бы «замкнут» в сознании человека, который о-смысляет, в его психофизическом состоянии.

Порождая носитель смысла, например, вербальное сообщение, коммуникант считает, что «передает» свой смысл второму коммуниканту или группе или даже всему обществу. Но тут и возникает разрыв – смысл интересубъективен не в том смысле, что «передается» как вещь из рук в руки или как ток по проводам, но в том, что некий смысл участвует в порождении носителя смысла, при «считывании» (интерпретации) которого коммуникантами в их сознаниях опять возникает некий смысл (не изначальный, но свой, личностный, в порождении которого не последнюю роль играет «биографическая ситуация» каждого коммуниканта). Так что же остается от первоначального смысла, что преодолевает этот разрыв?

Ответ на этот вопрос мы получим, если согласимся использовать понятие, рожденное из метафоры. Допустим, носитель смысла как сложная идеальная система операционально замкнут. Он открыт толкованиям и интерпретациям, бесконечному множеству интерпретаций, но при этом *не любых* интерпретаций. Так, знак указателя, показывающий налево, наделяется видящим его субъектом самыми разными смыслами, в зависимости от того, где установлен, помогает ли интерпретатору найти дорогу, куда он вообще идет и что для него лично значит это передвижение – небольшую прогулку, путешествие в незнакомом городе или стране, поездку в отпуск или трудовую командировку, возвращение домой. И так, этот указатель будет наделяться разными личностными, даже экзистенциальными смыслами. Но при всем при этом его операциональная замкнутость означает, что он никогда не будет восприниматься как указатель, показывающий направо.

Конечно, поскольку сложные идеальные системы зависят от мышления и сознания их создателей и интерпретаторов, то и эта операциональная замкнутость обеспечивается социальными конвенциями, существующими в человеческом обществе. Как спра-

ведливо отмечал А.Шюц, отдельный человек приходит в мир, уже осмысленный обществом в целом, и принимает готовые смыслы вещей от общества, в которое пришел:

«...Изначально мир повседневной жизни является для нас универсумом значений, текстурой смыслов, которые мы должны интерпретировать, чтобы найти в нем свое место и поладить с ним. Эта текстура значений... возникает и институциализируется в человеческой деятельности, нас самих и наших товарищей, современников и предков. Все объекты культуры – инструменты, символы, языковые системы, миры искусства, социальных институтов и т. д. – самим своим происхождением и значением указывают на деятельность человеческих существ. Поэтому мы всегда осознаем историчность культуры, данной нам в традициях и обычаях. Эту историчность можно рассматривать в ее отношениях к человеческой деятельности, осадком которой она является»¹⁶.

Шюц начинает с этого свою работу «Методология социальных наук». Действительно, этот феноменологический факт является настолько основополагающим для анализа любого человеческого действия, включая и коммуникацию, что с него следует начинать анализ. Общество, вернее, *система прежних коммуникаций*, определяет, наряду с «биографической ситуацией», спектр возможного смыслопорождения при толковании значения каждого носителя смысла. На любом, даже порожденном только что носителе смысла как бы оседают следы всех прежних коммуникаций. Итак, носителям смысла присуща избирательность и вместе с тем свобода толкований, смыслов, которые они допускают, и это их свойство проявляется, когда они опосредуют коммуникацию.

* * *

Смыслопорождение – сущностная особенность человеческого бытия, присущая только человеку. Человек наделяет смыслом все, что видит вокруг себя. Но эта способность смыслопорождения социальна по своей сущности. Смыслы порождаются человеком в результате коммуникации, что делает интерсубъективность од-

¹⁶ Шюц А. Методология социальных наук // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. С. 13–14.

ним из важнейших понятий, необходимых для анализа феномена о-смысленности человеческого мира. Мы указали на необходимость микроуровневого исследования коммуникаций – в каждом отдельно взятом случае – исследования того, как на микроуровне в обществе порождаются и функционируют смыслы. Носители смысла рассмотрены нами как сложные идеальные системы, обладающие операциональной замкнутостью, что обеспечивает осуществление коммуникации с их помощью.

3. ТИПЫ И ФОРМЫ КОММУНИКАЦИИ

Г.Д. Левин

Диалог как форма коммуникации

Тезис, что диалог есть форма коммуникации, возражений не вызывает. Сомнителен более сильный тезис: диалог есть форма *только* коммуникации. Ему противостоит убеждение, что в диалоге информация не только передается от одного лица к другому, но и рождается. Именно это убеждение выражает известная еще с античности поговорка: «*В споре рождается истина*». Цель статьи – обосновать сильный тезис и проследить выводы из него.

Что такое диалог? Ответить на этот вопрос непросто. В «Философской энциклопедии» и в «Новой философской энциклопедии» статьи «Диалог» нет. Нет строгого определения диалога и в работах признанных авторитетов в этой области – М.Бубера, М.М.Бахтина и В.С.Библера. Они предпочитают говорить о роли диалога, а не о том, что он собой представляет. В контекстах философских работ диалог понимается по крайней мере в шести смыслах.

1. Процесс исследования природы называют *диалогом с ней*.
2. Примерами диалогов считают разговоры литературных героев.
3. Диалогами называют внутренние диалоги, диалоги с самим собой.
4. Диалогом с Платоном, Аристотелем и т. д. называют критический анализ их концепций.
5. Диалогами называют обсуждения проблемы, длящиеся несколько веков, например, средневековый спор об универсалиях.

6. Диалог противопоставляют полилогу.
Разберемся.

1. Диалог с природой не является частным случаем диалога просто потому, что диалог – это вид коммуникации, а коммуникация – это переход информации из одного сознания в другое. Поскольку природа сознанием не обладает, постольку ее исследование – не диалог по определению. Называть ее исследование диалогом можно лишь метафорически.

2. М.М.Бахтин строит свою теорию диалога на материале разговоров, ведущихся героями Ф.М.Достоевского. В его текстах нет прямого утверждения, что литературный диалог – это вид диалога. Но из контекста его так можно понять, и многие именно так его и понимают.

Однако включать разговоры литературных героев в класс диалогов не больше оснований, чем, скажем, включать нарисованных львов в класс львов. А исследовать природу диалога на их материале – то же самое, что исследовать детскую психологию по книге Н.Носова «Витя Малеев в школе и дома». Литературный диалог создан *одним* человеком. Следовательно, это монолог по определению. В литературном диалоге автор распределяет между своими персонажами те тезисы и антитезисы, которые сталкиваются между собой в его собственном сознании.

3. Вторая идея М.М.Бахтина, лежащая в основе его теории диалога, – идущее еще от Платона убеждение, что внутренний диалог, «разговор души с самой собой» – это вид диалога.

Я преклоняюсь перед литературоведческим даром М.М.Бахтина, но вынужден не согласиться и с этой его философской идеей. Вот аргументы.

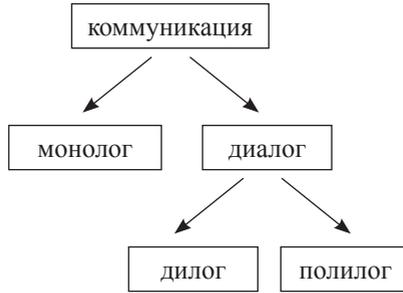
Основанием для веры в реальность внутренних диалогов является тот бесспорный факт, что в ходе размышлений над проблемой человек взвешивает аргументы за и против ее альтернативных решений. Это же происходит и в диалоге, с той лишь разницей, что тезис отстаивает один человек, а антитезис – другой. Но этого сходства недостаточно для того, чтобы назвать диалогом сопоставление одним человеком альтернативных решений проблемы. Диалог – это коммуникация, а коммуникация – это передача информации от одного лица к другому. Там, где нет другого лица, нет коммуникации и, следовательно, диалога: че-

ловек не может сообщить себе что-то такое, чего бы он не знал. Минимальное число участников любой коммуникации – и монолога, и диалога – двое: проponent и оппонент. «Разговор с самим собой» – это *исследование* – процесс, качественно отличный от диалога и *предшествующий* ему.

4. Диалог с Платоном, Аристотелем, Кантом и т. д. – это передача информации от одного лица к другому и, следовательно, коммуникация. Но здесь отсутствует обратная связь: Кант не может сказать нам все, что он думает по поводу нашей интерпретации его идей. Следовательно, «диалог с Кантом» – это такая же метафора, как и «диалог с природой».

5. Значительно труднее показать, что диалогом не является средневековый спор об универсалиях. Ведь в нем есть и передача информации от одного лица к другому, и обратная связь. Чтобы показать, что это, тем не менее, не диалог, необходимо ясно зафиксировать еще одну дефинитивную черту диалога: это реальный разговор между реальными людьми в течение реального времени. Современная техника позволяет вести диалог, не видя друг друга, но возможность слышать друг друга и немедленно реагировать на услышанное является его непременным условием. Длительность так понимаемого диалога определяется физической выносливостью его участников. Он не может продолжаться не только века, но и дни. Отсюда следует, что средневековый спор об универсалиях – это цепь диалогов, перемежающихся годами исследований. Назвать все это вместе диалогом, конечно, можно – определения не делятся на истинные и ложные. Но тогда теория диалога сольется с теорией познания: в нее войдет даже теория монолога, поскольку диалог – это система монологов.

6. Противопоставление диалога, с одной стороны, монологу, а с другой, – полилогу основано на недоразумении. Греческое слово «dialogos» часто переводят как «разговор двоих». Но в этом слове приставка «dia» – «между», а не «di(s)» – «дважды». В диалоге, как, впрочем, и в монологе, может участвовать *любое* количество людей, за двумя исключениями: их количество не может быть бесконечным и оно не может состоять из одного человека. Диалог двоих называют диалогом, диалог многих – полилогом. Схематически:

Итак, я рассмотрел шесть значений, в которых термин «диалог» употребляется в повседневном и научном познании. Я называю эти значения некатегориальными и противопоставляю им категориальное значение: **диалог – это коммуникации с обратной связью**. Чтобы раскрыть смысл этого определения, различим три этапа движения информации: 1) из предмета в сознание исследователя, 2) из сознания исследователя – в сознание оппонента и 3) из сознания оппонента – обратно в предмет. Первый этап называют исследованием, второй – коммуникацией, третий – практикой. Схематически:

Из схемы видно, что исследование и коммуникация – разные гносеологические процессы, протекающие по разным законам. Аристотель считал их разными профессиями: исследователя называл философом, а человека, передающего результаты исследования другим людям, – диалектиком. В античности передача знаний от учителя к ученику обычно проходила в форме так называемого майевтического или сократического диалога: вопросы

ставил проponent (диалектик), а оппонент (ученик), отвечая на них, как бы самостоятельно приходил к доказываемому проponentом тезису, т. е. «рождал истину». И от последовательности вопросов, задаваемых диалектиком, зависел результат обучения. Вот почему «...установить, в каком порядке и как задавать вопросы – это задача одного лишь *диалектика*, ибо все это *обращено к другому лицу*; *философа* же, т. е. *ведущего исследования для самого себя*, это несколько не занимает»¹. «Топика», которую сам Аристотель называл «книгой о диалектике»², адресована именно диалектику, а не философу³.

В споре рождается истина? Сказанного достаточно, чтобы конструктивно обсудить вопрос, является ли диалог формой *только* коммуникации. Этот вопрос достаточно активно обсуждается в мировой литературе. Вот как ставит его, например, Х.Перельман, автор «Новой риторики»: «...является ли истина *результатом* обсуждения или же существуют прямые и непосредственные способы достижения истины, использование которых должно *предшествовать* всякой риторике, и последняя должна быть трансформирована из техники *открытия* в технику *представления и убеждения*?»⁴.

Если в задачу диалога включить и получение информации в ходе исследования природы, и передачу ее другому лицу, то поговорка: «В споре рождается истина» будет тривиально истинной.

Но если в его задачу включать *только* передачу другому лицу информации, полученной в ходе исследования, то возникает вопрос, ключевой для понимания самой природы диалога: *не порождает ли новую информацию сам гносеологический механизм диалога?* Примем, что поговорка «В споре рождается истина» дает утвердительный ответ *именно на этот вопрос*. Взвесим аргументы за и против этого ответа.

¹ Аристотель. Топика. 155 b // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1978. (Курсив мой. – Г.Л.).

² Аристотель. Первая аналитика. 46 a // Там же.

³ Кстати, сегодня «майевтический» способ обучения возрождается в новом философском направлении – философии для детей. См. об этом: Юлина Н.С. Философия для детей. М., 2005.

⁴ Perelman Ch. The Idea of Justice and Problem of Argument. L., 1970. P. 158. (Курсив мой. – Г.Л.).

Против поговорки. Поговорка ложна уже потому, что подавляющее большинство диалогов ведется не об описаниях, а о предписаниях. Предписания же не истинны и не ложны, а рациональны или нерациональны.

За поговорку. Хорошо, ограничимся описаниями (дескрипциями). Платон называл искусство диалога майевтикой – искусством родовспоможения, помогающим рожать истину. Таким образом, он был убежден, что в диалоге истина *рождается*. Он был не прав?

Против поговорки. В майевтическом диалоге истину рождает ученик. Учителю она известна и он приводит к ней ученика с помощью «родовспомогательных» вопросов. Следовательно, майевтический диалог – это форма передачи от одного лица к другому уже существующего знания, а не способ его порождения.

За поговорку. Тезис противоречит фактам. Примеры научных открытий, сделанных в ходе диалога, хорошо известны.

Против поговорки. Так же, как и примеры открытий, сделанных в ходе монолога, например, учебной лекции. Получается, что *истина рождается в любой коммуникации: и в диалоге, и в монологе*. Но тот, кто доказывает слишком многое, не доказывает ничего. Чтобы примирить *эмпирические* факты научных открытий, сделанных в ходе монолога и диалога, с *теоретическим* тезисом «Диалог – это форма только коммуникации», отличим то, что происходит внутри коммуникации, от того, что происходит вокруг нее. Исследование и коммуникация могут совершаться параллельно, например, когда преподаватель в тысячный раз повторяет учебную лекцию, он может задуматься и над нерешенной научной проблемой. Но в содержание осуществляемой им коммуникации это размышление так же не входит, как и почесывание потылицы. Мой вопрос: порождает ли новую информацию гносеологический механизм диалога, *выделенного в чистом виде*. Мой ответ: «нет».

За поговорку. Как известно, диалог включает не только речь проponenta, но и ответ оппонента. Чтобы подготовить этот ответ, оппонент *синтезирует* имеющуюся у него информацию об обсуждаемом предмете с полученной от проponenta. Синтез же – это *метод рождения нового знания*. Следовательно, *самим гносеологическим механизмом диалога, выделенного в чистом виде, информация не только передается от одного лица к другому, но и рождается*. Тезис доказан.

Против поговорки. Он не доказан, и лишь конкретизирован. Различим два синтеза: формальный, который совершается по уже известным правилам логики, и творческий, протекающий по пока еще не известным законам мышления. Формальный синтез не дает нового знания, а лишь проясняет уже имеющееся. Содержательный дает новое знание, но требует таких затрат времени и сил, которые в ходе диалога просто невозможны. Не зря же говорят: в один присест быка не съест. Вывод: формальный синтез входит в гносеологический механизм диалога, но, как и любой формально-логический процесс, не порождает нового знания.

За поговорку. Если исключить из содержания диалога рождение информации и оставить только передачу ее от проponenta к оппоненту, то теория диалога превратится в сборник тривиальностей.

Против поговорки. Это **боязнь простоты** – опасение, что если предмет исследования выделить в чистом виде, то о нем нечего будет сказать. Именно боязнь простоты вынуждает многих авторов увеличивать объем своих работ за счет околопроблемной информации. На самом же деле, только удалив из диалога постороннее содержание, только выделив его в чистом виде, мы получаем возможность увидеть все богатство его содержания.

За поговорку. Поговорка, выдержавшая испытание 25 веков, не может быть абсолютно ложной.

Синтез тезиса и антитезиса. Согласен. Задача заключается не в том, чтобы отбросить ее, а в том, чтобы адекватно выразить заключающийся в ней глубокий смысл. Для этого нужно различить **истинность** и **достоверность** знания. Истинным знание рождается, достоверным становится. Истинным его делает соответствие предмету, достоверным – соответствие аргументам. Предмет знания находится вне сознания, аргументы – внутри сознания. С учетом этой дистинкции рациональное содержание поговорки можно выразить так: в диалоге рождается не истинное знание и не истинность знания, а лишь его **достоверность**. На основании аргументов, признаваемых всеми участниками диалога, проponentы и оппоненты приходят к общему мнению. Эту мысль выражают так: **в споре рождается согласие**. Именно благодаря этому диалог оказывается не только инструментом превращения личного знания в межличностное, но и фильтром на этом пути. В случае если согласия до-

стичь не удастся, диалог прерывается на исследование, которое в содержание диалога не входит. Диалог – это коммуникация и только коммуникация.

Исследователя, философа по Аристотелю, можно сравнить с пекарем, а пропонента, диалектика по Аристотелю, – с продавцом булочек. И точно так же, как никакая продажа булочек не увеличивает их число, никакая передача информации от одного лица к другому, ни в форме монолога, ни в форме диалога, не увеличивает количество информации. Она увеличивает лишь количество людей, обладающих этой информацией⁵.

Итак, разница между двумя формами коммуникации – монологом и диалогом – состоит вовсе не в том, что первый только транслирует информацию, а второй еще и создает ее. Она в чем-то другом. Попробую понять, в чем.

Генетическая классификация форм коммуникации.
Введем три идеализации.

1. Идеализацию *всезнания*: пропонент знает о предмете все, и все, что он знает, верно; его методы передачи своих знаний оппоненту безукоризненны, и он имеет полное представление о том, как они усваиваются им.

2. Идеализацию *всепонимания*: оппонент понимает все и убеждается во всем, что ему говорит пропонент.

3. Идеализацию *автономности*: на передачу знаний от пропонента к оппоненту не влияют ни их личные интересы, ни угрозы или подкуп извне. Их общая цель – испытать тезис пропонента на соответствие действительности. Такие формы коммуникации в античности называли диалектическими и отличали от эристических, цель которых – навязать свое мнение оппоненту любой ценой.

Сначала посмотрим, что представляет собой коммуникация при наличии всех трех идеализаций. Пропонент формулирует оппоненту проблему, сообщает ее решение и обосновывает его. Оппонент понимает проблему и ее решение и соглашается с аргументами в защиту этого решения. Обратная связь: вопросы, дополнения и возражения – отсутствуют не потому, что запрещены,

⁵ Аналогия между коммуникацией и продажей булок, как и всякая аналогия, хромает: количество булок у булочника в ходе продажи убывает, количество информации у пропонента в ходе диалога увеличивается. Открывается одна из глубинных проблем теории коммуникации, которую я здесь лишь зафиксирую.

а просто потому, что не нужны. Назовем эту форму коммуникации **идеальным монологом**. В реальности он не встречается, но для теории коммуникации она необходима как «точка отсчета».

А теперь будем поэтапно исключать введенные идеализации. Я намерен показать, что этим «схоластическим» методом мы выявим все логически возможные формы коммуникации, в том числе и те, которые существуют реально.

Ослабим первую идеализацию: примем, что проponent знает *о предмете* все, но о том, как усваивается его информация оппонентом, он не знает. Ему для этого необходима *обратная связь*. Ее появление превращает идеальный монолог в диалог. При сохранении остальных идеализаций обратная связь сводится к выражению проponentом полного согласия с мнением учителя, преклонения перед его мудростью и глубокой благодарности. Я буду называть такой диалог **идеальным**. Именно на такую форму отношений между учителем и учениками претендуют многие восточные школы мудрости. В жизни идеальный диалог встретить трудно, но имитации его знакомы каждому, кто помнит съезды КПСС.

Теперь ослабим идеализацию *всепонимания*. В результате в содержании обратной связи наряду с согласием и благодарностью появляется *вопрос*. Это уже не чисто логическая возможность, а довольно обычное явление в практике обучения. Назовем эту форму коммуникации **диалектическим диалогом с вопросами**.

Еще раз ослабим идеализацию *всезнания* учителя: примем, что все, что он знает, верно, но всего он не знает. Это ведет к появлению нового компонента обратной связи – *дополнения* учеником концепции учителя идеями, которые вытекают из этой концепции. Эта ситуация типична для нормальной науки. Т.Кун называл такие дополнения решением головоломок. Назовем эту форму коммуникации **диалектическим диалогом с дополнениями**.

Еще раз ослабим идеализацию *всезнания*: примем, что проponent не только не знает всего, но и не все, что он знает, верно. Это порождает третий компонент обратной связи – **критику**. Диалог, включающий критику, называют **спором**. Наиболее элитарная форма спора – *научная дискуссия*. Это высшая форма коммуникации. Именно она наиболее успешно выполняет главное назначение диалога: быть фильтром на пути превращения личных идей в межличностные.

До сих пор мы рассматривали формы коммуникации, в которых и проponent, и оппонент стремились совместными усилиями решить, истинен ли тезис проponentа. Ослабим теперь и третью идеализацию: примем, что на ход диалога воздействует не только любовь ее участников к истине, но и их личные интересы. В итоге возникает новая форма диалога, когда проponent стремится выдать за истину заведомую ложь, а оппонент – опровергнуть информацию, истинность которой для него несомненна. Эту форму диалога еще можно назвать спором, но уже нельзя назвать дискуссией. Это *полемика* (от греч. *polemos* – война). От реальной войны, по мнению К.Поппера, полемика отличается тем, что в ней гибнут не люди, а лишь их идеи.

До этого пункта диалог отвечал на введение усложняющих факторов совершенствованием своего гносеологического механизма, т. е. прогрессом. Превращение дискуссии в полемику знаменует надлом. Начинается то, что С.Кьеркегор называл *«болезнью к смерти»*. Посмотрим, как это происходит.

Без нарушения норм и правил диалектического диалога ни один участник полемики своих целей достичь не может. Для их достижения была разработана особая логика – логика кажимости, называемая также эристикой. Диапазон приемов эристики – от тех, перед которыми бессильны и профессионалы, до тех, которые кажутся убедительными лишь невежественной толпе. Шопенгауэр называет эристические приемы *«свинскими»*. Они эффективны лишь до тех пор, пока собеседник не видит их некорректности.

Следующий этап деградации форм коммуникации наступает, когда ее участники начинают воздействовать друг на друга не только «свинскими приемами», но и насилием. Цель насилия или угрозы насилия – не убедить оппонента, а подавить его волю к сопротивлению. Назовем такой диалог *тоталитарным*. В тоталитарном диалоге не запрещенными остаются только две формы обратной связи: выражение согласия с проponentом и развитие его идей. По форме тоталитарный диалог напоминает идеальный, но по содержанию противоположен ему, ибо порожден прямо противоположной причиной: полным неприятием оппонентом навязываемой ему информации.

Имитация идеального диалога не может продолжаться вечно. Наступает момент, когда в ответ на ожидание проponentом восторга и согласия «народ безмолвствует». На этом этапе тоталитар-

ный диалог превращается в *тоталитарный монолог*, который представляет собой последнюю стадию деградации форм коммуникации. У народа, лишенного возможности оказывать обратное информационное воздействие на источник информации, остается единственное средство такого воздействия – полемос.

Итак, с помощью простейшего логического приема – введения, а затем поэтапного исключения трех идеализаций: всеведения, всепонимания и автономности – удалось не только выявить все логически возможные формы коммуникации, но и увидеть их взаимосвязь. Представим эту взаимосвязь в форме параболы:

Формы коммуникации, представленные на восходящей ветви параболы, во времена Платона и Аристотеля называли диалектическими, а формы коммуникации, представленные на ее нисходящей ветви, – эристическими. Эта схема интересна в двух отношениях.

Во-первых, она обнаруживает симметрию между диалектическими и эристическими формами коммуникации: идеальный монолог противостоит тоталитарному, идеальный диалектический диалог – идеализированному тоталитарному и т. д. Формы коммуникации, выступающие в этих парах, тождественны по форме и противоположны по содержанию, что позволяет выдавать, например, тоталитарный монолог за идеальный.

Второе интересное свойство этой схемы обнаружится, если рассмотреть представленные на ней формы коммуникации в обратном порядке. В итоге обнаружится знаменитое тождество логического и исторического: выяснится, что исторически они возникали именно в обратном порядке. Миф, это «духовное сокровище племени», без которого члены племени не могли бы ни строить отношения между собой, ни ориентироваться в окружающем мире, совершенно незащищен перед рациональной критикой. «Демократия» погубила бы его в зародыше и тем самым лишила бы племя основы для своих действий. Сделать миф основой жизни первобытного общества мог только тоталитарный монолог, защищенный от критики всеми мыслимыми средствами, вплоть до смертной казни.

Но по мере совершенствования и самих мифов, и способов их обоснования «протекционистские барьеры», защищающие их от критики, ослаблялись: тоталитарный монолог сменялся тоталитарным диалогом, тот – полемикой, и в пределе происходит отрицание отрицания – возвращение к идеальному монологу, в котором обратной связи нет просто потому, что она не нужна. Но это, разумеется, сверхцель человеческой истории, которая ни на каком конкретном ее этапе достигнута не будет.

Резюмирую. Я постарался, во-первых, показать, что, вопреки распространенному мнению, истина в диалоге не рождается, а лишь передается от одного лица к другому, и, во-вторых, продемонстрировать эвристические возможности такой трактовки диалога. Я сделал это лишь на одном примере. Но таких примеров можно привести множество.

Н.Т. Абрамова

Коммуникация. Непроизвольный тип коммуникации*

Исходный, первоначальный смысл коммуникации (от лат. *communicatio, communico*) делаю общим, связываю, общаюсь. Коммуникация относится, прежде всего, к языковым актам, строится на отношениях между «Я» и «Иным», но может иметь и вне-речевые формы. Но нас интересует не чисто лингвистический аспект, а более широкое понимание коммуникации. Мы попытаемся показать, что наряду с пониманием коммуникации как сообщение и коммуникации как интенции может быть выделен также тип, названный нами «непроизвольная (неосознаваемая) коммуникация». Для этого мы вначале покажем, в лоне каких философских учений формировался исходный концепт, а затем идеи, концепции, принципы, послужившие основоположениями представлений о непроизвольной коммуникации.

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ, научно-исследовательский проект «Идея подобия: истоки регулярности поисков подобия», грант № 11-03-00791а.

1. Линии изучения коммуникации: от понимания скрытых связей до формального видения

Коммуникативное измерение отношений «Я» и «Иной» является одним из главных в понимании связи человека и мира. Многие философские учения и концепции пытались обосновать природу, смысл этой связи, исходя, соответственно, из своих исходных установок. Наиболее значительные результаты, заложившие основание в понимание смысла коммуникации, были получены в результате противостояния лингвистических идей о «смысле» и «факте», о «логике» и «языке». Противостоящими друг другу оказались феноменологическое и формально-лингвистическое понимание коммуникации. В центре обсуждения стоял вопрос: сводится ли речевой акт к установлению истинности транслируемой информации, или же предполагает интенционально – нерелексивные отношения. Различие исходных установок теоретиков формальной семантики (аналитическая лингвистика) и теоретиков феноменологии предопределило разную трактовку, разный смысл коммуникации и коммуникативности. В учении формальной семантики базисное место занимает идея о «факте» и истинности. В языке они видят средство адекватного (истинностного) выражения действительности; естественный язык прямо связан с действительностью; значение предложений, согласно такому взгляду, детерминировано семантическими и синтаксическими правилами, не имеющими никакого отношения к интенции и коммуникации, а определяются совсем иным параметром – условиями истинности. Отсюда недооценка формальной семантикой коммуникативной стороны естественного языка в целом: коммуникативность толковалась как сообщение, сводилась к формальной трансляции информации.

Феноменологический взгляд на коммуникацию принципиально иной. Для Э.Гуссерля и А.Ф.Лосева естественный язык опосредован чистым смыслом (эйдетический уровень сознания), имеет непрямой выход на действительность¹. Коммуникация трактовалась как интенция, ей придавался смысл базовой составляющей значения. Коммуникация-интенция, согласно Гуссерлю, детерми-

¹ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1. § 93. М., 1999; Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990.

нирует саму природу языка, определяет сущностные свойства языка, формы становления и протекания языкового смысла. Отсюда и иное понимание коммуникации, которая трактуется как общение, а не формальное сообщение. Говорящий и слушающий уточняют смыслы – интенции, которые содержатся в речи, часто имеющей не прямой характер. Ибо «Я» языкового сознания, подчеркивает Гуссерль, не обладает абсолютной собственностью на свои языковые акты. Языковые формы являются для него имплантированными формами «дружести» (чужих я, ты, мы, они, все и т. д.), в процессе говорения возможно использование одновременно нескольких частных источников исхождения смысла, чередующихся, налагающихся, инсценирующих друг друга и т. д.²

О том, что трактовка коммуникация может получать разное значение, мы убеждаемся, обратившись к концепции К.Ясперса, которого называют философом коммуникации. Родоначальник экзистенциализма, исходя их мысли, что человек изначально не может существовать как отдельный индивид, придает коммуникации как общению личностный смысл. Для него коммуникация – это не средство трансляции истины, но способ ее обретения, способ человеческого бытия с другим. Общение, в трактовке автора, – это отношение одной экзистенции к другой экзистенции. Представление об экзистенциальной коммуникации Ясперс вводит, рассматривая душевный уровень бытия «Я – человека» – уровень наиболее глубоких и интимных сторон души³.

1.2. Социальная коммуникация: целерациональный и нецелевой подходы

Коммуникация обретает иное смысловое обличие при смещение интереса в сторону социальных реалий. В этой сфере философского знания противостояли целерациональный и нецелевой подходы в понимании социальной коммуникации. Сильное «концептуальное давление на трактовку коммуникации оказала концепция Вебера о социальном действии индивида или группы действующих индивидов, придающих своим действиям субъективный

² Тонкий анализ этой проблемы дан: *Гоготшвили Л.А.* Непрямое говорение. М., 2006.

³ *Jaspers K.* Vernunft und Existenz. Groningen, 1935.

смысл⁴. Понимание действия как целерационального легло в основание концепции Ю.Хабермаса, с точки зрения которого значимой целью являются взаимопонимание, согласие действующих индивидов, их консенсус. В зависимости от наличия/отсутствия этих критериев судят о наличии/отсутствии коммуникативности. Мысль Хабермаса в его концепции о коммуникативном действии смещается в область изучения коммуникативного сообщества, оставляя без внимания автономного чистого субъекта. Достичь взаимопонимания субъекты могут посредством обдумывания, убеждающего аргументирования, анализа мотивов, намерений, ожиданий. Отсюда вытекает столь пристальное внимание к теме дискурса; Хабермаса интересуют не одни лишь активность и суверенность действующих субъектов – личностей, но и интеракции, интересубъективность⁵. Суть коммуникативного действия – в необходимости, даже неизбежности для действующих индивидов самим находить и применять рациональные основания, способные убедить других субъектов и склонить их к согласию с целью осознания угроз и опасностей современной эпохи. Универсальная прагматика должна служить для диагностирования и лечения общественной патологии в сфере общественной коммуникации⁶.

Социологическому видению коммуникации, построенному на внешне – видимых, и часто формальных критериях социальной жизни, противостоит понимание коммуникации, основанное на скрытых аспектах поведения. Такой взгляд на коммуникацию присущ таким философским концепциям, как символический интеракционализм и этнометодология. Под скрытыми источниками эти учения имели в виду психологические аспекты поведения, а

⁴ Вебер М. Избр. произведения. М., 1990.

⁵ Но возможна ли интересубъективность, предполагающая достижение адекватного понимания одним субъектом другого субъекта? Чтобы обеспечить возможность недеформируемой трансляции того, что понял один субъект, и то, что понятно другому субъекту, чтобы не связывать с интересубъективностью случайно возникшего взаимопонимания, развитой интуиции постижения другого, субъективной уверенности в понимании и т. п. А.М.Анисов считает, что интересубъективными в узком смысле называет логические операции, обеспечивающие объективную возможность однозначного понимания текстов. См.: *Анисов А.М. Логика интересубъективного цитирования // Филос. журн. 2008. № 1.*

⁶ *Хабермас Ю. Зверство и гуманность. Война на границе права и морали // Логос. 1999. № 5(15); Интервью с Ю.Хабермасом // Вопр. философии. 1989. № 9.*

не особенности речевых актов и сознания. Центральным здесь оказался вопрос о наличии в поведении нецелевых действий. Так, Дж.Мид (и его ученик Г.Блумер) развивают идею о том, что человек живет не в одном мире стимулов, но и в мире значений. Такой взгляд предполагает наличие других источников, которые побуждают коммуникативные ответные действия человека. Значимыми для человека являются не только видимые поступки других людей. Существенны и их намерения, а также собственный прошлый опыт в подобных ситуациях, и т. п.⁷ В этнометодологии (Г.Гарфинкель) идея скрытых аспектов поведения получила актуализацию в виде неких правил, которые приняты на веру. К правилам, которые регулируют коммуникативные отношения между людьми, относятся, к примеру, умение сказать что-то уместное при данных обстоятельствах, или промолчать, пошутить или уклониться от насмешки, деликатно прекратить разговор и т. д. Это могут быть и скрытые символы, которые наделены значением, и структурные стереотипы. Такие скрытые регуляторы отношений Я и Другого воздействуют на особенности коммуникации, вне зависимости от того, какое значение они придают им сами. Иными словами, коммуникация – это не только простой обмен информацией между адресатом и адресантом; это не только адекватно – формальный ответ на послание; коммуникация подразумевает и скрытые от глаз интенции.

Рефлексия над скрытыми аспектами поведения человека получила развитие в концепции речевых актов, разработанной в середине 50-х годов XX в. английским философом Дж.Остиным. Новизну идеи, сформулированной Дж.Остиным, принято связывать с тем, что в качестве единицы коммуникации им было принято не предложение или высказывание, а речевой акт. Характерной особенностью структуры речевого акта является, согласно концепции автора, наличие не одного лишь посланного сообщения и ответа, но и определенной смысловой реакции. А именно: любое утвердительное изречение имеет цель не просто донести до адресата определенную информацию: скажем, убедить его, что дела обстоят так-то и так-то; посланное сообщение содержит также надежду получить ожидаемый ответ, что адресат ответит, прореагирует вполне определенным образом. В таком видении речевого акта обнаруживает себя интенциональная направленность речи.

⁷ Mead G.H. *Mind, Self, and Society*. Chicago, 1934.

Созревшее понимание различий между коммуникацией – интенцией, общением и коммуникацией – сообщением, связью стало в теории информации одним из основоположений для различения моделей коммуникации. Усилия разработчиков теории информации были направлены на изучение потоков информации между говорящим и слушающим, на анализ языковых декодирующих устройств и «процессоров», которые перерабатывают и хранят посланную «информацию». Проблема состояла в определении того, как «получатель» воспроизводит посланную ему информацию, каким образом осуществляется при этом преобразование сообщения. В центре внимания разработчиков оказались как информационные потоки, так и коммуникативные отношения между участниками связи.

Представление о кодовой модели коммуникации открывается через анализ информационного потока. Существенную черту кодовой модели составляет отношение симметричности кодирования: говорящий намеренно отправляет слушающему информацию с тем, чтобы сообщение стало общим; эта цель – «разделить» взгляд на сообщение, сделать его общим. Такая цель – общность взгляда – достигается за счет «общего кода». Связь между «Я» и «другим» устанавливается посредством простой трансляции информации. Такой перенос, по сути, является «зеркальным»: и отправитель и получатель являются обладателями тождественной информации. Сообщение (информация) служит тем субстратом, который объединяет субъектов связи. Таким образом, в основе кодовой модели коммуникации лежит представление, во-первых, о зеркальном подобии информации на входе и выходе; во-вторых, трансляция трактуется как механический, чисто внешний перенос информации. В другой – интерференционной модели, коммуникации дается иное смысловое наполнение отношений между участниками коммуникативного акта, иной статус придается транслируемому сообщению. Начнем с основополагающего принципа выводимости знания. Коммуникация всегда предполагает передачу и использование информации. Однако в отличие от кодового варианта трансляция информации не сводится лишь к простой передаче, на передний план здесь выступают отношения корреспондентов. Дело в том, что говорящий, посылая сообщение, заинтересован не только в передаче информации, но и в ответной реакции своего

корреспондента. Говорящему важно, чтобы его намерение, содержащееся в послании, было распознано, а вслед за распознаванием он получил ответ. А это значит, что цель носит более сложный характер, имеет не один уровень, а, по крайней мере, три. На первом уровне имеет место передача сообщения; второй уровень – ожидание ответного сообщения; третий уровень – получение ответа. Ожидание предполагает надежду на возможность интенционального понимания.

Итак, анализ ряда концепций позволили убедиться в том, что философия разными путями продвигалась к обоснованию внешних (формальных) и внутренних (скрытых) связей Я с Другим, Иным, и т. п., к пониманию того, что коммуникативный смысл этих связей может быть различным. В поле нашего рассмотрения находились коммуникативные отношения, которые по своей природе целенаправленны. И любой речевой акт, и любая форма социального поведения, регулируемая соответствующими правилами, содержат в себе цель – установить связь. Вместе с тем между субъектами связи возникают порой отношения, которые формируются произвольно, вне зависимости от их желаний, воли и т. п. Такого рода коммуникативные отношения станут далее предметом нашего рассмотрения.

2. Непроизвольная (нецелевая) коммуникация: средства представления

Итак, приступая к анализу произвольной коммуникации, мы предварительно обозначим наш предмет, как акты взаимосвязи Я и Другого, возникающие без специально организованных действий со стороны участников связи. Чтобы выразить содержание исходного понятия, мы привлечем ряд близких по смыслу концептов и понятий, которые уже получили обоснование в ряде концепций и теорий.

2.1 Наглядный опыт

Идея наглядного опыта сформировалась в учении о прачеловеке и первобытном сознании, развиваемого, прежде всего, в антропологии и этнографии. На основе этих исследований ряд

этнографов, лингвистов, философов и др.⁸ обосновали мысль о том, что у первобытного человека было принципиально иное отношение со своим окружением, нежели у человека европейской культуры. Исследователи обратили внимание, что поведение пра-человека управляется «законом сопряжения», или партиципации. Сопряженная форма связи противоположна дискретной, относительно независимой форме: связи переплетены, органически слитны, сцеплены между собой.

Говоря о законе сопряжения, исследователи имели в виду, что поведение пра-человека строилось по аналогии с тем, что его окружало: все его действия были точно такими же, как и действия других людей, его окружающих: его ощущения были идентичны тем, которые он наблюдал у других: и видел и слышал, и наблюдал пра-человек сходно с другими людьми, с которыми он был связан жизненными обстоятельствами. А это значит, что опыт первобытного человека был основан, во-первых, на прямом вхождении окружающих его предметов в зону его действий; и во-вторых, в ином способе понимания соотношения причины и следствия.

Если в Европейской культуре причина предполагает логическое отношение между вещами, то первобытное сознание, согласно данной концепции, прямо сопрягало, увязывало один предмет с другим (находящимся рядом), как его причиной. Те событиями и те предметы, которые окружают пра-человека, формировали способы восприятия мира и способы общения с окружением. Вхождение окружающих предметов в опыт сформировало понимание причинных отношений: важным было все то, что он осязает, что находится рядом и неотрывно от него, к чему выработалась привычка, что находится «здесь» и «теперь». Такое понимание опыта и связи вещей было противоположно пониманию жизни как следованию правилам, основанным на законах логики.

На основании вывода о том, что первобытный человек иначе видит мир, иначе воспринимает связи между предметами и т. п., что у него сложилась иная форма отношений с окружающими предметами, исследователи традиционной культуры пришли к за-

⁸ См.: *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М., 1930; *он же:* Сверхестественное в первобытном мышлении. М., 1937; *Дэвидсон Б.* Африканцы. Введение в историю культуры. М., 1975; *Леви-Строс К.* Первобытное мышление. М., 1994; и др.

ключению, что прачеловеку присущ иной тип сознания. Л.Брюль назвал его пралогическим. Действия обладателя такого сознания строятся в соответствии с теми предметами и событиями, которые он наблюдал в ближайшем окружении. Исследователи первобытного общества отмечали, что дологическое мышление адекватно и точно отражает окружение. Исследователи отмечают способность прасознания к высокоточным наблюдениям окружающей их природы, о наличии развитых приспособительных реакций, и др. К вопросу о дологической мыслительной деятельности, о том, что данный тип не является признаком архаичности или неполноценности мы вернемся немного позднее.

Сходную мысль о том, что человеку свойственны мыслительные акты, которые формируются под воздействием окружающих его обстоятельств, высказывает и другой исследователь, далекий в своих научно-философских предпочтениях от изучения жизни первобытных людей. К.Ясперс в концепции о коммуникации исходит из мысли о том, что свои действия люди нередко строят по образу и подобию других людей своего окружения. Такие действия основаны, как подчеркивает К.Ясперс, на наивном сознании. Основная особенность данного типа сознания в том, что оно «не задает вопросов» о своем повседневном бытии. Тех вопросов, которые вносят в сознание разлад и раскол. «В наивном сознании, – отмечает автор, – я делаю все то, что делают другие, верю во все то, во что верят другие, думаю то что думают другие. Мнения, цели, страхи, радости переходят от одного к другому так, что мы даже не замечаем, в силу того, что имеет место первичная, нерелексивная идентификация»⁹. Свое толкование наивного сознания Ясперс соотносит с нерелексивной идентификацией, особенность которой автор связывает с характерным состоянием сознания: сознание человека, отмечает К.Ясперс, в такой ситуации просветлено, но его самосознание закутано плотным покрывалом. Нерелексивные мыслительные акты ориентированы на внешние предметы и внешние обстоятельства. Человек при этом и не входит в обсуждение и обоснование причин и оснований своих действий. Наивное сознание следует за предметом, оно в этом смысле пассивно. К.Ясперс называет наивное сознание «простым евкли-

⁹ *Jaspers K. Vernunft und Existenz. München, 1960. S. 340.*

довым умом». При этом автор различает повседневно-наивную коммуникацию от подлинной коммуникации. Реальной основой повседневной коммуникации людей в сообществе являются действия, сходные с теми, которые имеют место в ближайшем окружении. Но это не значит, что наивное сознание не может быть творческим – искусным, мудрым и т. п., т. е. исследовать свой предмет скрупулезно и точно.

В соответствии со сказанным об особенностях наглядного опыта, который основан на дологическом (наивном) сознании, вытекает, что характер отношений пралюдей – это плод усвоения одних и тех же предметов, одинаково ими понимаемых. Отношения между субъектами связи – первобытными людьми, и еще шире субъектами традиции, порождаются органической взаимосвязью всех условий. Именно порождается, но не конструируется по чьей-то воле. Все произвольно возникающее – это продукт усвоения, а не результат, сформированный, созданный по плану, на основе логически продуманных решений. В известном смысле можно согласиться с радикальным конструктивизмом, возводящим идею слитности человека со средой его обитания в принцип экологической связности. Согласно этому принципу, свойства объекта определяются его включенностью в среду обитания, а не внутренними качествами.

Эмоциональные силы

Обозначенное нами понимание произвольной коммуникации как отношения, выросшего из ценностно – значимого восприятия на вещи, характеризует не одну лишь повседневную жизнь, но возникают между людьми и в других сферах, в том числе и в науке. Нецелевые (неосознанные) отношения складываются именно между людьми, как актерами науки, сама же наука с ее принципами, законами, теориями и пр., конечно, неотъемлема от поиска истины, обоснований, и др. Рождение произвольных отношений складывается из повторения, копирования намерений или действий Другого. Но вовсе не как итог целерационального, спланированного акта. Умножение намерений ведет к появлению действующей силы.

В свое время на таинственность понятия силы, которое используется для описания реального мира и его движения, обратил внимание Джордж Беркли. Критикуя Ньютона, он пишет: «И хотя философ – механист или философ-математик может говорить об абсолютном пространстве, абсолютном движении и о силе, якобы существующей в телах, вызывающей такое движение и пропорциональной ему. Однако люди мыслящие обнаружили, что им трудно, чтобы не сказать невозможно, постигнуть и объяснить, что же из себя представляют эти силы. Которые, как полагают, находятся в телах, запечатлеваются на телах, размножаются, делятся и передаются от одного тела к другому и которые, кажется, оживляют тела, подобно абстрактным духам или душам»¹⁰. Именно «непостижимость», по выражению Беркли, понятия силы привлекла особенное внимание к этому понятию. Непроизвольная коммуникация, порождаемая без прямых целерациональных действий человека, непостижима, если оставаться в рамках Веберовских представлений о природе человеческих действий. Из действующих сил мы рассмотрим эмоционально – ценностные силы, которые лежат в основании научно-практической деятельности, в том числе и в сфере новых технологий.

Приступая к рассмотрению того, как связаны между собой эмоционально-ценностные силы с формированием научных стратегий, зададимся вопросом, можно ли сопоставить по масштабности влияний на максимизацию труда «умную машину» с какими –то иными средствами? Может быть, колесо, электричество? Желание стать обладателем невиданного ранее инструмента познания порождалось теми мощными ценностными импульсами, которые шли непосредственно от самой вещи. Умная машина имела аксиологический знак «благо» вследствие реальной возможности быть средством оптимизации труда и управления в самых разных сферах деятельности. Но наряду с этим следует указать и на другую причину – на «сердечный трепет», который стали испытывать к компьютерному моделированию люди разных профессий: многие захотели «идти в ногу» с прогрессом, многие стали бояться оказаться «в стороне» от инноваций.

¹⁰ Беркли Дж. Соч. М., 1978. С. 474–475.

Обратим внимание, что, говоря о «многих», мы имеем в виду умножение, масштабность увлеченности новым средством оптимизации труда. Расширение пространства наглядного опыта способствовало росту эмоционально-ценностной силы. Материальным выражением умножения такой силы является численный рост идентично желающих оптимизировать свой труд. Именно идентичность желания объединило многих самых разных людей в невидимую когорту. Эти люди никак не были связаны друг с другом: ни профессионально, ни как еще иначе. Их общность выражается в принадлежности к одному и тому же желанию – внедрить новые технологии в свою сферу труда. Сходное желание, вытекающее из наглядного опыта, было неосознанным, нерелексивным. Рожденное неосознанно, желание стало проводником непроизвольной коммуникации, средством продвижения искусственного интеллекта, его неодолимого расширения по социальному пространству.

2.1. Доверие как условие умножения эмоциональной силы

Если непроизвольную коммуникацию отличает отсутствие специально организованной трансляции информации – и прямой и обратной связи и пр., то каким образом появляется общность желания? Поставленный вопрос вынуждает обратить внимание на роль свидетельств, знаний, мнения с чужих слов. Названные свидетельства исходили, прежде всего, от всех тех, кто был разработчиком ИИ, либо тех, кто уже внедрил программные устройства в свою трудовую сферу, либо вторичное знание с чужих слов, и т. п. Существенно, что свидетельство перетекало по глобальному информационному полю «из рук в руки» к «Иным» практически – наглядно. А это значит, что желание и готовность к компьютеризации – это в значительной мере плод влияния среды, точнее, сходного отношения к сходной идее, транслируемой в глобальном информационном пространстве.

Возможность сходных чувств у субъектов разных сфер труда к новым технологиям проистекает из-за доверия к феномену блага, в нашем случае пользы, которую приносит умная машина. Знание, основанное на доверии к «другому»¹¹ является естествен-

¹¹ Контекст нашего обсуждения вопроса о свидетельстве как источнике доверия отличается от обсуждаемого в западной эпистемологии. Как известно, вопрос, может ли свидетельство быть источником знаний обсуждался еще со времен Дж. Локка. Свидетельство, в соответствии с принятым взглядом, при-

но – природным ходом мысли человека. По словам Августина Блаженного, знание, основанное на доверии, имеет своим источником услышанное, увиденное, прочувствованное, и т. п. Иными словами, полученное наглядно. Такой путь познания есть усвоение с помощью «саих предметов и чувств», а не за счет рационального постижения. Разъясняя свое понимание знания – доверия, Бл. Августин, замечает, что доверяют людям, от которых узнают о полезных вещах: «Что я разумею, тому и верю, но не все, чему я верю, то и разумею. Поэтому хотя многих вещей я и не могу знать, однако знаю о пользе в них уверовать»¹². В самом деле, быть полезным – значит, иметь для субъекта известную ценность. Суждение о ценности компьютеризации выражает желание обладать – продвинуть, внедрить искусственный интеллект. Субъекты разных областей деятельности имеют сходный образ мысли и сходный образ действий. А это означает, что сходное внимание к свидетельству (идея компьютеризации), идентичное желание быть причастным к новым технологиям, стремление внедрить умную машину – именно такой ход сердечной мысли и чувства стал проводником коммуникации – интенции.

Уподобление другому – это, с одной стороны, увеличение численности причастников к ИИ, а с другой, умножение желаний действовать – продвигать, внедрять и т. п. Каждый из Я – практиков действует в своей малой сфере, и никак не связан с Иным. Речь, таким образом, идет о совокупности сходных желаний, которая (совокупность) образует особый слой реальности. Это эмоциональная сила, происхождение которой имеет организмическую природу. Эмоционально–ценностная сила стала тем кана-

равнивается к рассуждению, к верованию, либо к знанию с чужих слов, и т. п. Мысль Локка о том, что язык не может дать нам такое знание об объективном мире, положила начало двум разнонаправленным линиям обсуждения: против и за свидетельство как источника знания. Доводы, направленные против свидетельства поставил под сомнение Дж. Л. Остин (См.: *Austin J.L. Logic and Language. Oxf., 1953*). Мысль о доверия словам другого (с логической точки зрения) обсуждают также Витгенштейн, Стросон, Дэвидсон, Прайс и др. Так, согласно Прайсу, в нашей обычной практике мы следуем имплицитному (невысказываемому) принципу: принимай то, что тебе говорят, если у тебя нет причин этому не верить (Price. *Belief. L., 1969.*), и др.

¹² Августин Блаженный. О количестве души // Августин Блаженный. Об истинной религии. Творения. Т. 1. СПб., 1998. С. 304.

лом связи, по которому свидетельство о славных делах умных машин передается от одного к другому. Циркулируя непосредственно, напрямую, свидетельство, основанное на чувстве доверия о полезности новых технологий, привело к неявной консолидации ее участников. Но это не жесткие связи рационально организованного целого. Отношение Я – Мы, сложившееся в общем информационном пространстве, имело характер броуновского, а не целенаправленного движения.

Но для чисто каузального, механистического способа с его стратегией выведения целого из частей не доступно понимание «тайны» целого, рожденного от совокупного соотношения частей. Казалось бы, что проще прямой речи, обращенной прямо и непосредственно к Другому? Однако как показали результаты феноменологических исследований, речевой акт непросто и смысл бывает выражен часто непрямым способом¹³. Как отмечается в концепциях и учениях органицистского и телеологического толка, феномен целого, целостности непостижим для рационального ума. И хотя ум человека апофатичен¹⁴, он (ум), тем не менее, неумолимо стремится ответить на этот вопрос, привлекая для этого разные понятия: эмерджентность – в биологии и теории сознания, реификация – в социологии.

О жесткой зависимости человека от социальной среды, о том, что образ мыслей и действий индивида, его чувства одарены принудительной силой, вследствие которой он вынуждается к ним, говорит известный социолог¹⁵. В такой понимании обнаруживает себя номиналистический взгляд на общество. Ныне признается, что общество – это не некая абстракция, а существует реально¹⁶. Мысль об органической связности, об укорененности человека в окружающей его жизни развивает Уайтхед. По мысли ученого, имеет место прямая зависимость поведения человека от среды

¹³ Способами непрямого выражения смысла являются, к примеру, расщепленная, отсроченная, непрямая референция, двуголосие, полифония и др. См.: *Гогтишвили Л.А.* Непрямое говорение. М., 2006.

¹⁴ Апофатизм (от греч. *αποφατικός* – отрицательный) – учение о том, что высшая Реальность в своей последней глубине непостижима и неопределима средствами человеческого языка и понятий.

¹⁵ *Дюркгейм Э.* Социология. Её предмет, метод, предназначение. М., 1995.

¹⁶ Понимать общество как реальный объект – значит, реифицировать общество (Reify [ˈriːfaɪ] – представлять как нечто материальное, овеществлять).

обитания, что человек как физическое существо может ощущать окружающий мир бессознательно, как нечто, что на него причинно воздействует. Такой опыт отношения с внешним окружением не рефлексивен. То есть человек как ментальное существо не обязательно отвечает на воздействия сознательной, рефлексивной реакцией. С точки зрения Н. Уайтхеда, событие опыта, – это скорее, органическое единство чувств¹⁷. Такой взгляд противоположен точке зрения Д. Юма, который утверждает, человеческий опыт дискретен. Внутреннее единство человеческого опыта, органическая слитность Я и Мы, порождающие коммуникацию-интенцию, проявляет себя в традиции. А именно, обнаруживается в принадлежности к семье, к роду, к народу, к когорте единомышленников и т. п. Такое чувство не всегда может быть понято из наглядного опыта. Если, скажем, «благородство», хотя и с трудом, но может быть идентифицировано по каким – то чертам, то как можно измерить «голос крови», «дух семьи», «силу таланта»? Или, скажем, каким образом достигается органическая слитность традиции русской литературы в то время, как в ее развитии имеются «мертвые полосы», отсутствуют прямые контакты с предшественниками? Об этом рассуждает И. Р. Шифаревич, увидевший причину непрерывности линии развития русской литературы в существовании надындивидуальных корней и истоков. А именно с мудростью народа, воспитанного в его истории, с мудростью живой жизни. Литература, по мысли автора, «играет роль питающих сосудов, которыми мы соединяемся со своими корнями»¹⁸. Внутренняя организация коммуникации – интенции на уровне традиции, видимо такова, что за следствиями стоят незримые причины, за отдельными фактами и их проявлениями – скрытые смыслы, которые рождены прагматическим контекстом, вытекают из наличия бесконечно сложных избыточных структур, предполагают запас лингвистической и экстралингвистической информации.

Итак, произвольная коммуникация – это неосознаваемые и неосознанные связи между Я и Иным. Эти связи порождаются из наглядного опыта произвольно – нерефлексивно, без специ-

¹⁷ К точке зрения Уайтхеда в своей работе присоединяется Мамфорд. См.: Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. М., 2001.

¹⁸ Шифаревич И. Р. Выступление [на вечере, посвящ. 70-летию А. И. Солженицына] // Шифаревич И. Р. Соч.: В 3 т. Т. 2. М., 1994. С. 424.

ально организованной цели. Наше мышление часто следует за тем, что мы слышим и видим здесь и теперь, основано на повторении и простом воспроизводстве. Такое сознание до – логично. Но оно вполне адекватно тому прагматическому контексту, которое его рождает. Дологический тип сознания, будучи принципиально иным, нежели мыслительные акты, построенные на разуме, в тоже время вполне сочетается с ним. По отношению к своему внутреннему «Я» дологическое, нерефлексивное сознание сродни отключенности ума: не связано ни со склонностью ума к самооценке, ни с умением переживать собственные субъективные состояния. Признание, что мыслительные действия человека бывают построены и на дологическом сознании, вовсе не указывает само по себе ни на широту/узость умственного кругозора, ни на наличие/отсутствие глубоких духовных интересов и т. п. Дологическое мышление присуще человеку природно. И, думается, нет ничего уничижительного для характеристики современного разумного человека, что ряд его действий, в особенности в практической сфере, носят произвольный, нерефлексивный характер, основаны на до – логическом мышлении. В каждом из нас просыпается первобытный человек, мышление которого построено на законе сопряжения, на произвольной коммуникации.

И.П. Фарман

Мониторинг как метод исследования и представления знания

Мониторинг – это модное слово или новая методологическая модель? Вопрос не праздный, поскольку речь идёт о понятии, которое расширяет сферу своего употребления и приобретает многозначность, проникая в самые разные области знания. Вместе с тем разработка концептуально-методологической основы мониторинга является скорее задачей, чем сложившейся практикой, и это особенно касается освоения его философского содержания. Имеется ли оно вообще? Считаю, что основания для положительного ответа на этот вопрос есть, и в данной работе будет предпринята попытка выявить основные характеристики мониторинга в эпистемологическом контексте: теоретико-познавательный и социальный смысл, сферу его значений и употребления, а также новые ориентиры его методологической направленности. При этом главное внимание будет уделено определению его места и назначения в структуре различных форм знания, аспекту, которому придается большое значение в современной неклассической эпистемологии.

Определение понятия. Если рассматривать этот вопрос *на вербальном уровне*, то историю понятия «мониторинг» в его настоящем словоупотреблении нельзя назвать долгой. Его ещё нет в философских словарях, хотя оно уже общепризнанно и активно используется как в обыденном, так и в научном языке. Есть и некоторый опыт освоения его современных значений. В основе его этимологии лежат такие давно известные слова, как *monitory* – многозначное понятие, которое первоначально означало *настав-*

лять, советовать, предостерегать, увещевать, и monitor (от лат. напоминающий, надзирающий), имеющее уже более близкое современному значение – слежения за какими-то объектами или явлениями. Особо отметим, что эти слова изначально означали действия, широко употреблялись в практической деятельности и, как это нередко бывает, из неё перешли в научный лексикон и стали употребляться на правах терминов. Существующее в настоящее время определение мониторинга и осмысление результатов его применения дают основание судить о том, что это понятие чаще всего употребляется тогда, когда речь идёт о проведении ряда конкретных действий или некоторых смешанных мероприятий, осуществляемых на основе как теоретических, так и практических разработок, которые объединяются определением «мониторинговые» и служат для выяснения ситуации в той или иной области практики. При этом используются традиционные познавательные средства – наблюдение, исследование, сравнительный анализ, проверка, контроль.

У нас есть специальные учреждения, где проводятся соответствующие наблюдения и исследования: Госкомстат, Роспотребнадзор, Мосводоканал и другие центры, которые фиксируют состояние цен, проверяют уровень загрязнения воздуха, качество воды и т. д., т. е. выполняют традиционную, можно сказать рутинную, работу по наблюдению за окружающей средой и условиями нашей жизни, результаты которой выражаются в статистических данных и публикуются в специальных изданиях и средствах массовой информации. Но в последнее время появляются всё новые направления исследований, которые определяются именно как мониторинговые: *мировой эко-мониторинг, космический мониторинг, мониторинг медиа-пространства*, где мониторинг является главным рабочим методом. Он проник и в социальную сферу, в которой также стали проводиться исследования, квалифицируемые как мониторинговые. Появились такие виды практик, как *эконом-мониторинг, финансовый мониторинг, мониторинг систем образования, области права* и др. Некоторые аналитические центры, имеющиеся сейчас в разных областях, используют слово «мониторинг» даже в названии; например, центры по изучению общественного мнения (типа «Левада-центр») стали называться мониторинговыми. Такое положение распространи-

лось и на ряд работающих технологий, причём не столько в области собственно техники и технологии, сколько в сфере *управления социальными процессами*, в политике и особенно при разработке организационно-правовых норм и осуществлении контроля и санкций. Мониторинговые агентства разного рода прочно вписались в нынешний облик социальной реальности.

Теоретико-познавательный аспект. Вместе с тем, если рассматривать мониторинговые исследования с теоретической точки зрения, то возникает много вопросов: как их позиционировать, учитывая, что область их применения стала такой обширной? Чем объяснить тот факт, что всё чаще говорят не просто об исследованиях, а о мониторинговых исследованиях? В чём состоят их преимущества и отличия от традиционных познавательных методов? В данном тексте и будет предпринята попытка, хотя бы отчасти, ответить на эти вопросы.

Есть разные формы и уровни методологии: специально-научные, статистические, социологические, философские. Мониторинг как объект исследования представляет большой интерес в том плане, что его можно рассматривать во всех этих аспектах, так как он вобрал в себя самые разные составляющие. Результативным будет и его анализ в рамках так называемой функционалистской парадигмы и прагматизма на том основании, что с *познавательной точки зрения* мониторинг в самом общем виде можно определить как *прагматический метод получения и представления знания*. Выделим главные его особенности. Мониторинг синтезирует многие функции, использует разные средства наблюдения и объяснения, в сущности, все традиционные методы исследования. Однако при проведении мониторинга применяется более конкретный и чётко направленный по сравнению с обычным анализ. Это может быть и частичный, и выборочный анализ, который имеет начальное условие, задачу и заранее сформулированное целевое назначение. При его проведении намеренно разграничивается сам процесс исследования того или иного явления и его результат, и тогда мониторинг приобретает значение способа отслеживания процесса, поэтапного наблюдения, контрольного измерения чего-то, что уже существует, отчасти определено и подвергается наблюдению как нечто в той или иной степени известное. Выделенные здесь выражения – это ключевые слова и норма-

тивные словосочетания, которые употребляются чаще всего тогда, когда нужно не просто создать общее представление о каком-то явлении или декларировать что-то, но охарактеризовать это что-то точно и вполне конкретно, показать его «анатомию» так, чтобы заговорили полученные *данные, цифры и факты*. Эта лексика, пришедшая из практической сферы, используется здесь вполне уместно, так как употребляется по отношению к действиям и практическим ситуациям, когда цифры и факты говорят сами за себя. Такое положение даёт основание утверждать, что мониторинг, как и любое другое исследование, мотивирован не просто отслеживанием процесса, а расчётом на получение результата. Специфика же его состоит в том, что он может не быть ни поиском и открытием нового в области науки, ни «ездой в незнакомое» в сфере онтологии, ни новацией вообще. Такая цель в принципе не ставится. Однако *в отличие от статистики и социологических опросов* мониторинг не является только сбором констатирующих данных, а имеет ту особенность, что в силу своей направленности на отслеживание процесса он оказывается более действенным, имеет прямое отношение к выявлению новых возможностей, обеспечению условий их осуществления и даже стратегиям. Ведь «власть факта» и полученные данные становятся основой для рекомендаций, которые позволят отойти от статической картины представлений, эксплицировать определённые (познавательные или другие) действия, сыграть конструктивную роль и сделать возможным осуществление *нового целерационального действия*. Именно это и является настоящим результатом и конечной целью проведения мониторинга. Так что в целом ему как методу исследования новации совсем не чужды.

Полученные в результате мониторинга *факты* также имеют свои особенности. Сам факт, понимаемый как сделанное и совершившееся, является одной из важнейших характеристик познавательной деятельности. Как правило, он формируется в процессе эмпирического познания и является фиксацией его результатов. При проведении мониторинга это могут быть факты, данные в опыте, полученные в результате наблюдения, эксперимента, экспертизы и других познавательных в своей основе традиционных процедур. Однако и здесь есть некоторые тонкости. Так же как и в науке, при проведении мониторинга ценится *достоверность фак-*

та – одна из главных его характеристик, обращается внимание на условия и обстоятельства его получения. Такие признаки факта, как воспроизводимость, подтверждаемость и способность сохранять свою достоверность независимо от субъективных истолкований, а также обладание побудительной силой в практической деятельности, проявляются и в процессе мониторинга. Но если в науке факт может представлять собой ещё и одну из возможных проекций того или иного наблюдаемого явления, то в контексте мониторинга факт признаётся достоверным, если он соответствует подчас целому *набору параметров*. В отличие от фактов обыденного сознания и фактов науки (данных наблюдения или эксперимента) в процессе мониторинга важно не только выявить, *что есть*, но и знать, *что должно быть*. *Различение факта и нормы является главной характеристикой мониторинга*. Факт должен соответствовать строго определённым *критериям и нормативам*, по которым производится оценка и которые специально для этого заранее разработаны. Их применение в процессе исследования обязывает проводить *сравнительный анализ* реальной ситуации с существующими *гостами, регламентами и стандартами*. Таким же образом осуществляется и контроль.

Какими должны быть стандарты, сама их разработка, а также соблюдение существующих нормативов – это тоже большая проблема. Кроме того, постоянно возникает необходимость в их корректировке, модернизации и изменении в зависимости от актуальных потребностей. Эти операции не входят в задачу мониторинга, но составляют неотъемлемую часть его проведения, создают соответствующую обстановку контроля, слежения, выступают в качестве ориентиров, обсуждаются в разного рода коммуникациях и тем самым оказывают влияние на составление программ действий и применение методик. В целом же стандарты и нормативы создают условия достоверности, которая в реальной жизни воспринимаются как *знание*, хотя по сути объективность такого знания требует дополнительного обоснования.

Мониторинг ситуации – это типичный пример действий, когда нужно выявить «слабое звено» в той или иной программе, осуществить контроль за средой обитания или социальными процессами. Появился даже разговорный вариант – «промониторить ситуацию». При этом программа, как правило, уже имеется, она

разработана и введена в действие. Необходимость контроля за её выполнением обычно вызвана *кризисной ситуацией*. Поэтому в таком случае особенно ответственна предварительная работа по выработке *критериев оценки, показателей, регламентов, индикаторов*, которые уже сами по себе, на основе своих формулировок позволяют судить о возможности или невозможности выполнения той или иной программы, так как содержат установки, *что должно быть и чего нужно достичь*. В условиях мониторинга важны и *временные параметры*. Как правило, исследуется положение «здесь и сейчас», но при этом учитываются и ранее установленные временные рамки, и время включения в ситуацию, и окончательные сроки, так как предмет исследования представляет собой скорее процесс, чем статику. Во многих областях проводится также непрерывный мониторинг.

Для описания ситуации, особенно кризисной, часто требуется целый набор параметров, поэтому возникает проблема *выбора критериев*, не случайных, а строго определённых, которые содержат более точное указание на предмет исследования. В соответствии с ними и *формулируется задача*. Одной из особенностей мониторинга является то, что в принципе вопросы обоснования сложившейся ситуации, выяснения причинных факторов и другие положения, относящиеся к области объяснения кризисной обстановки, в его задачу не входят. Он осуществляется не как снятие проблемы, которое в лучшем случае может наметиться только в конце исследования, а как *решение конкретно поставленной задачи*. Предполагается, что при её постановке проведено точное разграничение того, что является предметом анализа (содержания), а что – вопросом технологии, то есть поддаётся конкретному наблюдению и подсчёту в соответствии с нормативами. Таким способом проводится контроль за текущим производственным процессом, за ходом реформирования, модернизации и вообще осуществлением разного рода программ.

Особенностью мониторинга является то, что он может выступать как *составная часть системного* или *большого по объёму исследования* и служить установлению не только отдельных фактов, но и *прояснению реального фактического положения дел* в целом, а также отчасти выявлению того, с чем оно связано. Для этого может оказаться недостаточно знаний отдельного субъекта как «ча-

стичного наблюдателя», который владеет конкретными способами и осуществляет фиксацию существующего, но не нацелен на синтетические операции. И тогда эту работу выполняют специальные аналитики (тоже новая квалификация), эксперты и экспертные сообщества, которые изучают собранные данные в комплексе, в единстве составляющих, формируя взгляд на ситуацию в целом. Роль мониторинга здесь важна в том плане, что он обнаруживает *контекст реальной ситуации* и тем самым способствует ответу на вопрос: почему активизируются те или иные проблемы и куда двигаться дальше.

Мониторинг включает и *координирующую работу* при осуществлении комплексных программ и выработке мер по их «осовремениванию». На правах частичного или сопутствующего метода он входит в *комплексные исследования*, которые ставят своей целью подготовить очередную стадию опытно-конструктивных работ по проектам и программам. В условиях нестандартных, нестабильных, сложных ситуаций особенно важно выявить, какие именно факты и факторы имеют первостепенное значение, оказываются движущей силой, какие программы можно просто подкорректировать, а какие выделить в качестве приоритетных. Считается, что выявленные и правильно интерпретированные факты побуждают человечество к разрешению кризисных и опасных ситуаций.

Мониторинг в научном познании. Функция мониторинга как слежения за реальными процессами активно проявляется в разных сферах науки. Сейчас предпринимаются попытки *различения и классификации* мониторинговых исследований в зависимости от направления научных дисциплин, целевого назначения, пространственного и временного параметров, масштаба и уровня реализации. Выделяются такие виды, как базовый и фоновый мониторинг, глобальный, локальный, региональный, местный, а также мониторинг, охватывающий разные сферы общественной деятельности: политической, экономической, социальной. Эти различия носят условный характер, и подлинную специфику мониторинговым исследованиям придает их непосредственная связь с теми или иными действиями или полученными на их основе указаниями по поводу того, какие действия нужно предпринять. В этом случае можно говорить об обратном влиянии изученной ситуации на порождение нового знания.

Наиболее традиционным видом мониторинга в научном познании являются издавна проводившиеся наблюдения за состоянием *природной среды*, хотя и они не остаются неизменными и постоянно корректируются. Особенностью экологического мониторинга в наше время является обязательное требование просчитывать последствия, особенно негативные, отслеживать возникновение опасностей и критических ситуаций, угрожающих здоровью и даже жизни людей, что имеет большое социальное значение и активно обсуждается в средствах массовых коммуникаций.

Мониторинг имеет место и в таких целенаправленных наблюдениях, как *системные исследования*. Здесь может идти речь о более широком контексте реальных ситуаций и главное – о *системном объекте*, что обычно для научного познания. Нужно отметить, что при этом возникает ряд теоретических, в том числе философских вопросов, касающихся понимания как самого объекта, так и определения его значений. Системный объект может изучаться, исходя из представления о системе как наборе элементов, связанных друг с другом, когда целое определяет элемент, или из системного объекта в смысле холизма, когда свойства целого не сводятся к свойству частей. Известно, что, с одной стороны, в научном познании нельзя построить теорию на основе отдельных фактов, с другой – в теории факт концептуально нагружен. Проблема интерпретации в обоих этих случаях встаёт особенно остро, и мониторинг как выборочный и поэтапный анализ во многом способствует тому, чтобы она была адекватной.

В научном познании направление исследования задано, учёный действует в определённой системе координат, но масштаб ситуации может быть таков, что требует включения самых разных познавательных актов, в том числе отличающихся от эмпирических исследований, каким и является мониторинг. Он тоже исходит из заданных норм и стандартов, которые прямо или косвенно предшествуют работе и ориентируют исследователя на сравнение и контроль: соответствуют ли выявленные факты этим нормам. Но эффект создаёт то, что мониторинг как метод содержит знания и нормативы, независимые от данного опыта, которые помогают отыскать несомненные факты или указать путь к их нахождению, а могут обнаружить заблуждения и ошибки исследователя. При проведении мониторинга рассчитывается не просто «цена вопроса», а

формируется блок вопросов, для решения которых имеет значение не только констатация фактов (сейчас это может быть и вопросом технологий), но и *контекстуальность* и *ситуационность* их обнаружения, что способствует комплексному, а значит, и более точно определению знания.

В естественных науках и сам мониторинг рассматривается как *комплексная система*. Особенно это важно в отношении концептуально нагруженных фактов. От возможностей мониторинга и присутствующих ему средств наблюдения, отслеживания ситуации и других методологических приёмов, о которых у нас шла речь, во многом зависит способность увидеть добытые факты в нужном ракурсе и даже в какой-то степени в причинной связи. Так что и собственно мониторинговые способы описания, изложения и объяснения, которые можно назвать *языком мониторинга*, оказывают значительное влияние на понимание действительного положения дел.

Мониторинговые методы в качестве составной части комплексных программ используются в таких сравнительно новых областях научного знания, как *космические исследования*, наблюдение земли из космоса, слежение за региональными и локальными антропогенными воздействиями в особо опасных зонах (импактный мониторинг)¹. Появились и специальные термины и понятия, отражающие специфику таких исследований и имеющие ярко выраженный методологический смысл, вернее смыслы, поскольку в них синтезированы сложнейшие измерения и операции.

Примером современного понимания мониторинга в научном познании может служить «*аэрокосмический мониторинг*», под которым понимается комплекс наблюдений и синхронных дистанционных и контактных измерений, выполняемых бортовыми и наземными информационно-измерительными системам пассивного и активного действия. Они ведутся с орбитальных космических платформ, а также на наземных контрольно-измерительных полигонах в целях слежения за изменяющимися параметрами природной среды и природно-антропогенных геосистем. В результате с помощью сканирующих устройств получают многоспектральные космические изображения объектов земной поверхности, практические приложения которых очень ценны.

¹ См.: Мазур И.И. Мониторинг // Глобалистика. Энциклопедия / Гл. ред. И.И.Мазур, А.Н.Чумаков. М., 2003. С. 637.

Мониторинг такого уровня делает возможным и повторяемость, и проверку устойчивости выявленных признаков, так как способен обеспечить экспериментальный контроль за техническими решениями, как теми, которые были положены в основу его программ, так и осуществляемыми в натуральных условиях на контрольно-измерительных полигонах. Он может включать также *локальный мониторинг* как компонент информационно-измерительного комплекса, который выступает в цифровой или визуально-образной форме. Более того, мониторинг такой сложности основан на принципах распознавания образов и «анализа сцен», что относится к области прикладной математики. Его выходной информационный блок формируется в электронной форме, в виде электронных карт, специализированных баз данных и экспертных заключений, которые составляют *язык мониторинга* и специфичную для него форму представления знания. Последующие этапы интерпретации полученных результатов позволяют определить перспективы дальнейшего развития, сделать прогнозы, разработать новые программы².

Социальный мониторинг выступает как метод исследования реальной социальной практики, *мира человеческого опыта* в его конкретной ситуационной определённости, осмысленного, целесообразного, проживаемого здесь и сейчас. Он направлен на *деятельность индивидов как проявление их социальной активности* в самых разных областях, а также на выявление *социальных условий* её осуществления, которые могут как способствовать развитию действий, так и ограничивать их. Этот вид мониторинга можно рассматривать как перманентный процесс, в котором направления, приоритеты и акценты меняются в зависимости от «вызовов времени», ситуационности и контекстуальности. Но основные ориентиры остаются общими – это слежение за динамикой социального развития, установление особенностей той или иной процессуальности с целью получения аналитического и чётко фиксируемого знания. Результатом социального мониторинга является *практическое знание*, которое особенно актуально в условиях кризиса, так как обнаруживает факторы, способствующие его урегулированию и установлению новых жизненных ориентиров.

² См.: Козодёров В.В., Тончиев А.Г. Аэрокосмический мониторинг // Там же. С. 55–56.

При проведении социального мониторинга важно выявить не только количественные, но и качественные изменения. С этой целью применяются традиционные статистические и социологические методы – *опросы, анкетирование, тестирование*, модные сейчас *тесты, экспресс-опросы, эскизное проектирование*, а также результаты так называемой «компьютерной науки» (computer science). Коммуникации в социальной сфере практически невозможны без использования современных средств связи, в частности *информационных технологий*. С их появлением мониторинг стал проводиться на базе более обширных знаний и информации, тем самым сфера его функций значительно расширилась, а результаты, представленные посредством современных технических средств, стали более действенными. Это понятно, так как новые технологии давно являются не только источником информации, но и средством интерактивных коммуникаций. В социальной сфере их взаимодействие очевидно, недаром их объединяют в одно понятие – информационно-коммуникационные технологии (ИТК). Они получили такое широкое распространение, что изменили жизненную среду человека. Поэтому вполне закономерно, что сейчас особое внимание уделяется изучению последствий информатизации в разных областях, что стало актуальной темой и социальных коммуникаций, и мониторинга. Последний оказался весьма эффективным потому, что он органично включается не только в так называемую «социальную инженерию», в механизм передачи информации и сообщений, но и в изучение, а отчасти и разрешение кризисных проблем и даже вопросов проектирования, перестройки и прогнозирования.

Есть мнение, что мониторинг вообще наиболее эффективен в социальной сфере. Действительно, с его помощью можно прояснить характер многих социальных процессов, которые не поддаются строгому теоретическому осмыслению. Однако социальный опыт содержит мировоззренческие, ценностные, причинные и другие составляющие, правильная оценка которых невозможна без учёта субъективных факторов, а в этом отношении возможности мониторинга ограничены. Поэтому в социальном познании более результативными оказываются комплексные, в том числе философские исследования, теоретический уровень, новизна и степень применимости которых позволяют проследить динамику

общественного процесса и способствуют решению выявленных проблем. Как показывает практика, мониторинг включается в них в качестве весомой составляющей.

Функции социального мониторинга становятся всё более сложными, о чём свидетельствует развитие *глобального мониторинга*, под которым понимается слежение за общемировыми процессами и явлениями, причём уже не только в масштабе биосферы Земли, но и всего экономического и политического пространства. Его результаты стали активно включаться в комплексные данные как комбинации экономических, социальных, демографических и других показателей, которые отражают уровень развития не только страны или региона, а мира в целом. Это могут быть индексы развития мировой экономики, политики, международных отношений и торговли, мирового общественного мнения и др. Мониторинг в этих глобальных областях способен дать анализ сравнительных данных, показателей роста или кризиса, определить долю участия тех или иных стран в общем развитии и тем самым внести свой вклад в изучение общей картины: в выявление доминирующих тенденций, растущих признаков вовлечённости всех стран в мировую систему, рынок труда и т. д.

Язык мониторинга, его лексический арсенал и способы представления знания богаты и многообразны. Это не всегда философский язык, т. к. в процессе мониторинга проблемы переформулируются и наполняются другим содержанием, но всё же именно он является смыслообразующим, если можно так сказать. При проведении мониторинга широко используется и язык науки, в частности, для выражения математизированного знания, а также данных из современных источников информации. Соотношение информации и знания – это сложный вопрос, который может рассматриваться с разных точек зрения. При проведении мониторинга функция проверки на достоверность осуществляют разные способы переработки информации с использованием вычислительных моделей. Сейчас, как правило, информация добывается коллективными усилиями, поэтому она должна быть систематизирована и готова к анализу, что предполагает обмен полученными данными и являет пример того, что такая деятельность не осуществима без коммуникации и вне социума как целого. Это относится и к способам её приложения, которые в исчислении и количественной оцен-

ке их становятся более понятными и доступными для использования. Следует отметить, что цифры, факты и вычисления, т. е. математический язык, всегда применявшийся в расчётах и технических регламентах, раньше оставался за рамками описания исследований, теперь же он непосредственно включается в них практически везде, становится их неотъемлемой составной частью. Это прежде всего касается предварительного моделирования, где размещение цифровых расчётов, эскизов и планов во всей их изобразительной конкретике стало необходимостью. В таком контексте мониторинг выступает в новой роли, подготавливает основу для сопоставления данных и выбора социальных целей, тем самым приобретая особую актуальность, убедительность и достоверность.

Использование современных методов информатики увеличивает возможности мониторинга вплоть до того, что таким способом стали сопоставлять и сравнивать сами информационные образы и тем самым оказывать дополнительное влияние на процессы выбора и управления. Считается, что это помогает также и предварительной экспликации выводов. Мониторинг формирует и своеобразный лексикон, определённые устойчивые типы высказываний именно для этой сферы деятельности. Специфической функцией языка мониторинга является то, что он сочетается с *наглядными способами представления знания в виде графиков, таблиц, рисунков* и т. д. Эта особенность используется главным образом для представления результатов исследования и нередко оказывается более впечатляющим и красноречивым свидетельством итогов, чем сам текст. В язык мониторинга включены и специальные разделы так называемой машинной лингвистики, занимающейся разработкой языков программирования. Они требуют абстрагирования, представления в схематичном виде или в образной форме. Обращённость их к адресату в отличие от речевых жанров осуществляется без непосредственного участия Другого, но предполагает понимание используемого языка, интерес и коммуникативное взаимодействие в том смысле, что активизирует восприятие данных информационных источников.

Выводы. 1. В данном тексте была прослежена практика использования мониторинга в качестве методологии, которая даёт основание для вывода о том, что рассмотрение мониторинга исключительно как способа отслеживания и сбора информации

ограничивает его возможности и является упрощённым. Это редуционистская позиция. 2. Действие мониторинга направлено не на открытие объективной реальности, а на организацию опытного процесса и отслеживание его динамики, результатом чего и является знание. Трактовка мониторинга как метода познания даёт новый материал для характеристики движущих сил познавательной деятельности и современных видов знания. В теоретическом плане обращение к мониторингу помогает дать более адекватный образ современного познавательного процесса. 3. Сферой действия мониторинга является как наука, так и социальный опыт. Связанный с направленным целерациональным действием, он способствует решению задач, которые не поддаются теоретическому познанию в строгом смысле этого слова. Особенно сложные познавательные в своей основе функции мониторинг осуществляет в составе системных, комплексных, глобальных исследований. В социальном плане мониторинг может быть рассмотрен как методология реализации и осуществления контроля за динамикой социального процесса, за выполнением программ, проектов и нормативов. 4. Методика мониторинга является свидетельством того, что нормативная проблематика активно включается в современную эпистемологию, которая не может быть сведена к набору уже известных методов осмысления реальности. 5. Мониторинг тесно связан с новыми возможностями познания, открываемыми ИТК. Однако несмотря на широкую сферу применения, он не является универсальным и не пригоден для любых познавательных обстоятельств. Ограничения касаются прежде всего сферы ценностей и некоторых других социальных характеристик, для осмысления которых требуются иные методы, в частности философские или междисциплинарные. В целом мониторинг можно охарактеризовать как *перспективный метод познавательной практики и опытной науки*, как инструмент для решения конкретных жизненных задач и управления ситуацией, особенно в условиях современной модернизации.

А.С. Майданов

Особенности коммуникации незрячих в их интеллектуальной деятельности

Вполне естественно считать, что объектом изучения коммуникативных процессов должны быть те социальные среды, сообщества и группы людей, в которых коммуникативная деятельность является достаточно развитой, интенсивной, использующей множество различных форм и средств. И тем не менее весьма продуктивной в этом отношении может быть коммуникация, характеризующаяся противоположными чертами – меньшей интенсивностью, напряженностью, скоростью и т. д. В этом случае мы можем столкнуться с отсутствием тех или иных элементов коммуникативного процесса, тех или иных его характеристик и, следовательно, с изменением качества этого процесса. Но, с другой стороны, такой его характер дает возможность лучше понять значение и роль соответствующих элементов, оценить их важность для других элементов и для всего процесса в целом. Кроме того, он стимулирует выработку новых форм и средств этой деятельности и тем самым показывает, что данная деятельность может быть довольно разнообразной, творчески модифицирующейся, с чертами взаимозаменяемости. Не будь такого вида коммуникативной деятельности, исследователям пришлось бы специально создавать подобные виды ее, искусственно исключая в целях изучения те или иные элементы и свойства этой деятельности. Но делать это нет надобности, поскольку физическая и социальная реальность, будучи весьма своенравной, беспокойной, суровой, сама постоянно создает подобные дефектные коммуникативные ситуации, лишая некоторых

людей способности видеть, слышать или передвигаться и др. Тем самым действительность стихийно, непроизвольно, ставит на людях жестокий эксперимент на умении общаться, сотрудничать, взаимодействовать, делиться своими мыслями, чувствами, знаниями и всякой иной информацией. Она как бы задает этим людям вопрос: сможете ли вы совладать с созданными ею трудностями, найдете ли выход из драматической ситуации, проявите ли способность выйти за пределы поставленных ею ограничений? Люди вступают в противоборство с этой действительностью, изменяют себя и ее и добиваются порой таких весьма значимых результатов, что посрамленная действительность отступает. Количество таких людей немалое. В нашей стране это, к примеру, такие широко известные люди, как математик, академик Л.С.Понтрягин, философы А.Ф.Лосев и А.И.Ракитов, специалист по истории геологии член-корреспондент РАН В.В.Тихомиров, поэт Э.Асадов, композитор Г.Седелник и др. Значительное количество незрячих являются докторами и кандидатами наук, успешно работают преподавателями вузов, научными работниками.

Изучение их деятельности и позволяет понять многие характеристики коммуникации, выявить условия и средства, необходимые для ее оптимального осуществления.

Путь незрячего к сенсорно, информационно и коммуникативно развитому субъекту

Превращение незрячего в субъекта познавательной, коммуникативной и профессиональной деятельности представляет собой многоплановый процесс, затрагивающий его сенсорную, психологическую, интеллектуальную и духовную сферы, его социальный аспект. При этом все эти стороны должны развиваться параллельно, синхронно, взаимодействуя и дополняя друг друга, в итоге сливаясь в единую, целостную систему человека – актера и творца своей судьбы. Дефект зрения не освобождает незрячего от необходимости приобретать информацию, касающуюся визуально воспринимаемых свойств предметов. Жизнь требует усвоения ее в максимально возможном объеме. Сделать это незрячий может с помощью других органов чувств, т. е. перенеся функции зрения на

органы слуха, осязания, обоняния, а также на речь. Для этого он должен осуществить перестройку, перезагрузку своего перцептивного арсенала. Это не делается в какой-то определенный отрезок времени. Поскольку сфера восприятия у каждого человека непрерывно расширяется в процессе активизации его жизнедеятельности, то такая перестройка продолжается в течение всей жизни. Это относится также и к всевозможным вспомогательным техническим средствам, которые используются в процессах восприятия.

Перцептивный арсенал является частью информационной системы, в которую помимо органов чувств входят уже упоминавшиеся вспомогательные средства, а также различные источники информации – книги, радио, телевидение, т. е. она включает как средства восприятия информации, так и всевозможные ее источники. При перестройке информационной системы происходит также замещение визуально воспринимаемых источников информации источниками аудиального или тактильного характера. К примеру, графическое письмо заменяется рельефноточечным письмом или звуковым воспроизведением печатного текста, что делается с помощью магнитофонов, плееров, компьютеров. В результате такого замещения вместо стандартной для зрячих людей коммуникативной связки «человек – книга» формируется новая, более длинная связка, например «незрячий человек – зрячий чтец – плоскопечатная книга». Таким образом, процесс восприятия информации усложняется, становится более трудоемким и несколько замедленным. При замене графического, плоскопечатного текста на рельефноточечный брайлевский вариант зрительное восприятие замещается тактильным, которое также частично замедляет скорость восприятия текста. При таких перестройках в распоряжении зрячих и незрячих оказываются частично различные коммуникативные связки, одни из которых (например, графическое письмо) ориентированы на зрительное восприятие, а другие (например, брайлевский шрифт) – на тактильное. В таких условиях возникает необходимость в целях коммуникации между зрячим человеком (например, учителем) и незрячим (учеником) необходимость овладения соответствующими элементами связки партнера. Зрячий учитель при проверке письменных работ школьников должен уметь читать брайлевский текст. Школьник должен в свою очередь уметь писать обычным шрифтом, например,

для того, чтобы написать записку или письмо зрячему человеку. Иными словами, коммуникация в данном случае требует взаимного освоения информационных средств различных по своим сенсорным возможностям партнеров.

При отсутствии зрения большая доля восприятия информации переносится на слух. Аудиальная рецепция чрезвычайно сильно интенсифицируется. Это выражается в том, что огромная часть информации переводится в звуковую форму (магнитофонная и другая звукозапись). В коммуникации звучащее слово также в большой степени замещает её визуальные компоненты. Необычайно возрастает роль слова в коммуникации. Вербальная коммуникация становится ведущей как в общении, так и в других случаях получения информации.

Язык как средство такой коммуникации выполняет несколько функций. Р.Якобсон говорит о четырёх функциях языка, проявляющихся в процессе общения. Так, эмотивная (экспрессивная) функция связана с адресантом и имеет целью выражение его отношения к тому, что он говорит (одобрение, осуждение и т. д.). Коннотивная функция отражает ориентацию на адресата (звательный падеж, повелительное наклонение). Она выражает непосредственное воздействие на собеседника. Фатическая функция ориентирована на контакт. Для нее важна не передача информации, а поддержание контакта (например, разговор о погоде). Наконец, референтивная функция (денотативная, когнитивная) ориентирует на контекст. Она представляет собой отсылку к объекту, о котором идет речь в сообщении¹. Эти функции позволяют говорящему в значительной степени передать информацию и выразить свои интенции. Они хорошо воспринимаются на слух, и поэтому незрячие люди обращают на них большое внимание, чтобы как можно более полно понять собеседника.

Но у языка, у речи есть и другие черты, или аспекты, которые также важны при общении и которые всегда остаются в поле внимания незрячих. Это высота произносимых звуков, тембр голоса, напряжение в нем, его сила, четкость произношения, адекватность интонации, эмоциональная окраска звуков, стереотипность или необычность их произношения, пространственная направлен-

¹ *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «ЗА» И «ПРОТИВ». М., 1975 (<http://philologos.narod.ru/klassics/djakobson-lp/htm>). P. 2–3).

ность звукового потока, его слитность или дискретность, скорость движения потока, его интенсивность. Во всех этих оттенках незрячий улавливает определённую фонетическую семантику и посредством интерпретации этих признаков может сформировать вполне определённые представления о говорящем, о его психическом состоянии, культуре и др. Знание перечисленных выше функций, модальностей и модуляций речи помогает всякому человеку, в том числе и незрячему, достичь профессионального владения речью, что, безусловно, является одной из важных предпосылок успешной коммуникации. Построенная по этим правилам речь помимо информативности обладает и другим важным качеством – высокой эстетичностью, благодаря чему говорящий приобретает притягательную силу.

Нужно сказать, что при истолковании звуковых знаков незрячими наблюдается одна специфическая особенность. Дело в том, что каждый человек при выполнении этой операции наделяет их значениями, опираясь на собственный запас знаний и представлений. Поскольку такой запас у каждого разный, то и приписываемые знакам значения неизбежно будут в той или иной мере отличаться друг от друга. У незрячих, естественно, запас визуальной информации меньше, образы предметов беднее. Часто нет адекватных представлений о цвете, форме, размерах особенно крупных предметов и т. п. Поэтому семантизация ими знаков таких предметов чаще бедна, во многом является условной, формальной. Это, конечно, сказывается на степени адекватности понимания ими значений определённого класса слов. Поэтому зрячий собеседник должен иметь это в виду и дополнять свои высказывания в случае необходимости такой информацией, которая бы восполняла ущербность истолкования знаков незрячим. Это позволило бы ему исключать или корректировать личностный смысл, т. е. смысл, который он формирует на основе собственной ограниченной визуальной информации, и добавить его к общепринятым значениям слов. Так можно избежать субъективизации семантики языка, имеющей место в процессе коммуникации незрячих со зрячими.

Формирование в незрячем когнитивной сферы

Коммуникация для незрячих, как и для всех других людей, является важнейшим средством приобретения знаний, формирует их сознание и подсознание, когнитивную сферу. Этот процесс у незрячих характеризуется довольно значительной спецификой. Она касается и способов и средств получения незрячими информации.

Передача информации в процессе обучения. Большую часть информации незрячие, как и зрячие, получают не непосредственно из реальности, а из информационной сферы, т. е. из «третьего мира» К.Поппера. Из этой среды она попадает к ним посредством трансляторов, т. е. передатчиков информации, в качестве которых выступают прежде всего учителя школ, преподаватели вузов и т. п. Основным средством передачи в данных случаях является речь. При отсутствии зрения эта ситуация схематически выглядит так: голос говорящего – слуховое восприятие слушателя. Для зрячих школьников и студентов она существенно богаче. В ней присутствуют какие-то рисунки, фотографии и т. п., написанные на доске символы, слова или фразы, воспринятое слушателями лицо говорящего с его мимикой, определённым выражением глаз, весь внешний вид говорящего, его жесты, движения. Все это – не посторонние элементы речи, а её довольно важный орнамент, который дополняет речь весьма значимыми коннотациями – дополнительной информацией, акцентами, тем или иным оценочным отношением говорящего к сказанному и т. д. Все эти коннотации ускользают от незрячего. Но поскольку они несут определённую информацию, их нужно донести до незрячих слушателей. Отчасти это можно сделать, заместив зрительно воспринимаемые наглядные пособия и тексты на доске рельефными рисунками, объёмными предметами, текстом по Брайлю. Таким образом в процесс коммуникации включается другой код. Другие коннотации могут быть переданы речью. Для этого нужно сделать её существенно более выразительной, чем это бывает нужно для зрячих слушателей. Речь должна быть достаточно эмоциональной, чтобы она могла передавать отношение говорящего к её содержанию. Она должна быть насыщена соответствующими интонациями, чтобы слушатели могли уловить в ней более важное или менее важное, необходимые акценты, логические ударения и т. д. Звучание голоса должно быть эстетич-

ным, не раздражающим слух, а напротив, доставляющим удовольствие от его слушания и привлекающим внимание слушателей к говорящему. В результате этого незрячие будут получать информацию не только от содержания речи, но и от её звучания. В этом случае также происходит перекодировка информации: визуально воспринимаемая информация от лица, глаз, жестов, движений теперь передаётся с помощью акустических признаков речи. Тем самым визуальное преобразовывается в аудиальное.

Когда информация передаётся слушателям только голосом, то даже при достаточно расцвеченной указанными элементами речи через какое-то время она может утомлять, вследствие чего внимание ослабевает. Поэтому преподавателю необходимо всячески разнообразить процесс передачи информации, для чего желательны использовать определённые приёмы, например, переходить от монолога к диалогу со слушателями, задавая им те или иные вопросы, предлагая высказаться об услышанном, дополняя речь другой звуковой информацией (музыкой, записями звуков природы и т. п.). Незрячие слушатели не видят реакцию друг друга на услышанное, выражающуюся на их лицах, хотя им порой хотелось бы знать об этом. Но реакция может быть хорошо слышна в голосах слушателей. Поэтому есть смысл преподавателю время от времени побуждать их к произнесению различных фраз и даже междометий, в которых бы зазвучала эта реакция.

Значительная часть требований к речи преподавателей может быть отнесена и к секретарю-чтецу незрячего. Здесь также прежде всего не должно быть монотонности, а напротив, речь должна звучать чётко, с правильными интонациями, логическими ударениями и т. д. А главное, она должна быть грамотной – без искажения слов, фамилий и других собственных имён, поскольку это затрудняет восприятие текста, а то и становится причиной искажённого воспроизведения незрячим этих элементов речи в его текстах. Таким образом, успех коммуникации во многих случаях зависит от грамотности коммуникантов.

Компенсаторные коды и средства для незрячих. Поскольку плоскочечатная литература недоступна непосредственному восприятию незрячих, то в целях обеспечения коммуникации этих людей ею используются специальные средства. Во-первых, это литература перекодирована в шрифт Брайля. Такая перекодировка

вторична, тогда как первичной кодировкой является репрезентация акустических знаков устной речи графическими знаками обычного письма. Но брайлевские книги обладают существенным недостатком – они слишком громоздки и тяжелы. Так, роман Л.Толстого «Война и мир» при переводе в брайль составляет 27 больших книг, размеры каждой из которых высотой 30 см, шириной 23 см, толщиной 5 см. Кроме того не всякий незрячий может читать такой шрифт быстро. Поэтому возникла потребность в более компактных книгах, притом прочитываемых с большей скоростью. Такими оказались книги, записанные на аудиокассетах, на компакт-дисках. Произошло таким образом новое перекодирование плоскочечатных книг – с графического письма в магнитную запись, а потом в цифровую, электронную. Вследствие этого коммуникация с плоскочечатной литературой стала намного более удобной и эффективной. Это также вторичные перекодировки информации. В последнее время для незрячих разработаны специальные программы, предназначенные для озвучивания информации, появляющейся на экране компьютера. Есть также программа, которая перекодирует информацию с экрана в шрифт Брайля и уже в этом виде выводит её на специальный дисплей. С помощью таких программ незрячий может набирать текст на компьютере, озвучивать книги и статьи, помещённые в памяти компьютера, получать информацию из Интернета. Эти технические средства существенно расширили коммуникацию незрячих с информационной средой, сделали его менее зависящим от помощи зрячих людей. Для незрячих работников интеллектуального труда существенно расширились информационное пространство и возможность получать и работать с самой разнообразной информацией. Теперь и книги, набранные шрифтом Брайля, можно переносить на компакт-диски, а затем воспроизводить в рельефноточечном виде на соответствующий дисплей. Это позволяет значительно сократить объёмы брайлевских книг. Такой способ представления незрячим информации ценен тем, что он даёт возможность читать книги, напечатанные с соблюдением всех правил грамматики и тем самым не забывать эти правила, что происходит, когда человек воспринимает книгу на слух. Все эти средства делают незрячих включёнными в широкую систему общедоступной информации и позволяют осуществлять коммуникацию с интересующими его людьми с помощью интернета. Таким

образом, находясь дома, он одновременно является коммуникантом большого круга виртуальных партнеров. Уровень его равноправия с другими людьми существенно возрастает. При этом его ограниченная мобильность становится менее значимой. Наряду с приспособлением незрячих к окружающей среде теперь она с помощью названных средств адаптируется к нему, включая его в общую коммуникативную систему.

Мы видим, как процесс приобщения к информации стимулирует разработку новых кодов. И становится очевидным, что их появление оказывается признаком расширения и существенного обновления и разнообразия в коммуникативной деятельности в обществе. Коды выступают компенсаторным средством этой деятельности. Важное свойство кодов – их переводимость друг в друга. Благодаря этому в коммуникацию могут вступать люди с разными информационными запросами и разными возможностями сенсорного восприятия. А это означает, что разные группы людей, разные социумы могут вступать в контакт друг с другом, образуя в итоге единое коммуникативное сообщество, частью которого – органической, а не обособленной, как прежде, – становятся и незрячие. Важно отметить одну особенность их коммуникации, получения информации. В случае, когда её источником являются какие-либо люди, информация поступает к незрячим непосредственно в виде акустических, речевых знаков. Но в других описанных выше случаях информация поступает к незрячим через какое-то опосредствующее звено: через специального чтеца, через какой-нибудь вторичный код и т. д. В этих случаях процесс получения информации носит опосредованный характер. В этом специфика и определённая сложность коммуникативного процесса, отрицательно сказывающаяся на его темпе и на трудовых затратах. Поэтому всегда будет стоять задача упрощения этого процесса, а может быть, и обеспечения прямого доступа к информации с помощью более совершенных технических средств.

Информационная функция тактильного восприятия. Для человека с нормальным зрением существует два основных канала коммуникации – визуальный и вербальный. Поскольку у незрячего человека визуальный канал выпадает, то на первое место выходит вербальный, а второе место занимает тактильное восприятие. Его значение для незрячих больше, чем у зрячих. Именно благодаря

ему незрячим становится доступным такой вид информации, как тексты. Брайлевское письмо и брайлевские книги сделали возможной организацию нормального образовательного процесса для незрячих. В последние десятилетия брайль интенсивно вытесняется электронной техникой. Многие тысячи громоздких брайлевских книг сейчас стоят на полках специальных библиотек нетронутыми. Но поскольку сильно снизившийся спрос на брайлевскую литературу крайне отрицательно сказывается на грамотности незрячих, то важно, как уже говорилось, разрабатывать устройство с электронным брайлем, рассчитанным на тактильное восприятие через брайлевский дисплей.

Тактильное восприятие незаменимо в случаях, когда необходимо получить представление о форме, размерах, фактуре предметов, их температурных свойствах. Эти предметы существуют в сознании незрячих именно в тактильных образах. Это случай непосредственной коммуникации с внешним миром, непосредственный способ получения информации.

Но у предметов остаётся одно качество, недоступное тактильному восприятию. Это их цвет. В познавательных целях и в целях полноценной коммуникации со зрячими слепому человеку важно знать и цвет предметов. Поэтому незрячие всегда интересуются, каков он у того или иного предмета. Но это знание абстрактно, формально, не связано с осознаваемыми незрячим ощущениями. Представление о цвете может быть дано ему опосредованно – с помощью вспомогательных кодов. Такие коды строятся на аналогии ощущений, вызываемых, с одной стороны, тем или иным цветом, а с другой – свойствами предметов иной модальности. Так, те или иные ощущения от цветов можно сопоставить с ощущениями от определённых звуков или от определённых тактильных свойств предметов. Экспериментально установлено, какой звук является аналогом, например, красного или голубого цвета, какое тактильное ощущение можно сравнить с белым или жёлтым цветом и т. п. Основываясь на этих соответствиях, можно дать опосредованное представление о цвете неба, облаков, зелени деревьев и т. п. Ведь таким же опосредованным образом мы формируем представление, например, об определённых свойствах произнесённой кем-то речи и говорим, что она яркая, пламенная или, наоборот, тусклая, серая.

Различные тактильные свойства предметов и материалов используются для создания тактильных кодов – специальных, воспринимаемых осязанием знаков, выполняющих роль ориентиров, указателей и т. д. На этих же свойствах основывается специфический дизайн, заключающийся в том, что предметам придаются определённая форма и текстура поверхности, которые способны вызывать приятные тактильные ощущения и кроме этого информировать о материале того или иного предмета, о его назначении.

Незрячие как участники коммуникативных актов

Эти акты довольно сложны. Они включают по меньшей мере четыре основных аспекта – физический, психологический, интеллектуальный и этический. Чтобы успешно проявлять себя во всех этих аспектах, незрячему, как и всякому другому человеку, необходимо хорошо усвоить обширный набор коммуникативных навыков, умений и правил. У незрячих же к общему для всех людей набору этих компонентов добавляется значительное количество специфических навыков. Сложный характер коммуникативного процесса требует умения творчески подходить к каждому конкретному коммуникативному акту, быть готовым к общению в самых разных ситуациях и с самыми разными собеседниками. Прежде всего у незрячего должна быть установка на общение с другими людьми, от которой иногда незрячие отказываются из-за сложности коммуникативного процесса.

Идентификационный дискурс. Коммуникация предполагает наличие у партнёров по общению представления о собеседнике – о его возрасте, уровне культурного развития, психологических и моральных качествах и т. д. Без такого представления адекватное общение невозможно. Зрячий человек получает значительную часть такой информации посредством зрительного восприятия. Положение же незрячего при первой встрече с собеседником намного сложнее. У него один способ добыть эту информацию – из голоса партнёра. Задача облегчается тем, что человеческий голос – чрезвычайно выразительный акустический инструмент, посредством которого раскрываются многие качества человеческой природы. Незрячему в этой ситуации нужно так построить диалог,

чтобы этот инструмент зазвучал как можно более полно и разнообразно. И тогда, как говорил Г.Г.Шпет, за каждым словом мы начинаем слышать голос собеседника, догадываться о его мыслях, познавать его поведение. Слова сохраняют все свои значения, но нас интересует некоторый, как бы особый интимный смысл, имеющий свои интимные формы. Значение слова сопровождается как бы созначением². Для слушающего имеют значение и теплота или сухость голоса, его тембр, высота и громкость. Интонация речи, стиль выражения также говорят нечто о собеседнике. Информативными являются и такие особенности речи, как её структура, темп, лексика. По звукам голоса можно определить такие физические признаки говорящего, как возраст, рост и даже комплекцию. Откроются черты его психологического облика – эмоциональное состояние, волевые качества, особенности интеллекта.

Поскольку начальный разговор с незнакомым человеком даёт довольно значительное количество сведений о нём и тем самым позволяет составить определённое представление об этом человеке, то такой разговор и можно назвать идентификационным дискурсом. Он дополняется такими методами, как контентный анализ, герменевтическая дешифровка слов и выражений. Благодаря всей этой перцептивной и аналитической работе незрячий даже может достичь состояния эмпатии – понимания другого человека, проникновения, вчувствования в его переживания, сопереживания ему. На таком уровне восприятия партнёра коммуникация, естественно будет весьма результативной. Но подобный процесс общения возможен при условии взаимной предрасположенности собеседников к диалогу. Для незрячего контакт с другим человеком является малопродуктивным, если его разговор примет форму монолога. Молчащий собеседник не обнаруживает для незрячего своих реакций, не раскрывает себя в звуках речи, проявляя тем самым или непонимание особенностей коммуникации с незрячим или намеренно не желая «сообщить» что-либо о себе через голос. Если собеседник желает продуктивного диалога с незрячим, то он должен быть вокально активным.

Важной частью коммуникации является невербальное общение. Его элементы – выражение лица, мимика, жесты, поза, внешность партнёра. Но этот «язык тела» как раз недоступен восприя-

² Шпет Г.Г. Соч. М., 1989. С. 470.

тию незрячих, вследствие чего часть важной информации ускользает от них. Трудность получения этой информации заключается ещё в том, что человек может говорить то, что расходится с его действительными мыслями. Это расхождение может проявиться в выражении его лица, во взгляде, но не в голосе. Незрячий таким образом может оказаться введенным в заблуждение. Справиться с проблематичностью для незрячего невербальных элементов коммуникативного процесса можно, если партнёр поймёт необходимость перекодировки невербальной информации в вербальную. Тем самым удастся избежать некоторого несовпадения кодов, которыми пользуются субъекты с разными возможностями восприятия. Из этого вытекает крайняя важность вербальных реакций партнёра на высказывания незрячего собеседника. Для последнего вербальная коммуникация приобретает больший удельный вес из-за недоступности его восприятию невербальных средств общения.

Психологические качества, которые должны быть у незрячих и которые способствуют их успешной коммуникации – это эмоциональная стабильность, уверенность в себе, непринуждённость, доверие к людям, общительность, смелость. И, напротив, им нужно избавляться от таких негативных качеств, как тревожность, фрустрированность, напряжённость, подозрительность, предвзятость, консерватизм, авторитарность, стремление управлять собеседником, замкнутость. Устранение этих недостатков как со стороны незрячих, так и зрячих обычно положительно решается самой жизнью, практическими отношениями этих людей. Но сейчас за рубежом и в нашей стране вводится новый тип обучения незрячих детей в школе, чтобы они уже на этом этапе своего развития усваивали правила и нормы гармонического общения со зрячими, и наоборот. Это так называемое инклюзивное обучение незрячих, т. е. внедрение не обособленного от зрячих детей обучения в специальных школах, а напротив, совместного³. В процессе такого обучения, как полагают его сторонники, будут решаться многие проблемы коммуникации зрячих и незрячих. А это не только проблемы информационного оснащения незрячих, но и многочисленные проблемы коммуникации, в том числе этики коммуникативной деятельности.

³ См. об этом: *Малофеев Н.Н.* Специальное образование в меняющемся мире. М., 2009.

Аннотации

И.Т.Касавин. Коммуникация и творчество

Современная эпистемология, фокусируясь на природе творческого познания, проблематизирует известные альтернативы индивидуализма и коллективизма, репрезентационизма и конструктивизма. Творчество располагается тем самым в пространстве между уникальностью творческой личности и механизмами социальных коммуникаций (социального признания), флуктуирует между «созданием неведомым образом того, чего нет» и «познанием того, что есть и как оно есть». Во всяком результате творчества можно обнаружить акт коммуникации (пусть в сколь угодно снятом или свернутом виде), а подлинная коммуникация немислима без творчества смыслов. Помимо всего, внимание к коммуникативному контексту позволяет дополнить дескриптивно-междисциплинарное исследование творчества его экзистенциальной характеристикой как драматического единства стабильного и динамического, дисциплины и свободы.

Ключевые слова: Познание, творчество, коммуникация, смысл, экзистенция, социальная эпистемология, интеракция, язык.

Д.И.Дубровский. Проблема познания чужой субъективной реальности

Обсуждаются ключевые вопросы проблемы «другого сознания»: 1) каковы критерии для определения того, что некоторый внешний объект, в том числе другой человек, обладает качеством субъективной реальности? 2) как возможно и как достигается познание (понимание) содержательно определенных состояний чужой субъективной реальности? Выясняется недостаточность «аргумента от аналогии» при попытках ответа на эти вопросы. Рассматривается роль различных герменевтических подходов к пониманию чужой субъективной реальности, показана перспективность научной герменевтики, в частности, такого ее раздела, как нейрокриптология, которая ставит и решает задачи расшифровки мозговых кодов явлений субъективной реальности.

Ключевые слова: «другое» сознание, субъективная реальность, личное и публичное, «аргумент от аналогии», эпистемология субъективной реальности, коммуникативный подход, научная герменевтика, расшифровка мозговых кодов психических явлений.

Н.М.Смирнова Коммуникация и интересубъективность

Предметом статьи является когнитивный анализ природы и сущности социальных коммуникаций посредством оценки эвристического потенциала различных моделей интересубъективности. Проанализирована социально-феноменологическая перспектива изучения проблемы природы и сущности социальных коммуникаций. Рассмотрены трансценден-

тальные предпосылки и фундаментальные идеализации исследования социальных коммуникаций. Сформулированы методологические императивы философского и социально-научного анализа.

Ключевые слова: интерсубъективность, смысл, прямые (непрямые) коммуникации, социальная феноменология.

Л.А.Маркова. Полисубъектность как основа общения

Индивидуальное и особенное – это всеобщие свойства всех людей, и на этой всеобщности строится новая логика общения, предполагающая наличие многих субъектов, как минимум, двух. При этом второй полюс любого дискурса, *общее*, уходит в контекст, он перестаёт быть доминирующим. Оба полюса необходимы, но их роль в логике разная, прежде всего по значимости. Для неклассического разума *другой* разум как отличный от него, необходим, иначе он перестанет быть разумом общения.

Ключевые слова: индивидуальное, особенное, общее, контекст, знание, диалог, интерсубъективность, коммуникации, логика мышления, плюрализм.

Д.В.Иванов. Другие сознания, инверсия спектра и индивидуальный язык

Особым вариантом скептицизма является скептицизм относительно возможности достоверного знания содержания сознания других людей. Одним из аргументов в поддержку такой скептической позиции является аргумент инвертированного спектра. Однако этот аргумент может быть опровергнут. В предлагаемой статье исследуются коммуникативные аспекты восприятия цветов, анализируется то, каким образом в нашем языке функционируют ментальные термины, прежде всего, термины, обозначающие цветовое восприятие, и на основе этого демонстрируется, почему данный аргумент является неверным.

Ключевые слова: философия сознания, «другое сознание», аргумент инвертированного спектра, аргумент индивидуального языка

Е.Н.Князева. Конструирование в коммуникативных системах

В статье развивается эволюционно-эпистемологический подход к анализу феномена коммуникации. Показывается, что такие свойства коммуникационного взаимодействия, как созидание смыслов, конструирование, понимание, взаимное возникновение (ко-эмерджентность), гибкость (флексibilität) имеют эволюционное происхождение. Показывается связь феномена человеческой коммуникации с процессами коммуникации в мире животных и раскрывается смысл феномена конструирования (энактивации) и эмерджентности в процессах коммуникации.

Ключевые слова: коммуникация, конструктивизм, коэволюция, жизнь, самоорганизация, смысл, эмерджентность, энактивизм, эмпатия, эволюционная эпистемология.

И.А.Бескова. Коммуницирующие вселенные

Статья посвящена анализу предпосылок сложных концептуальных форм коммуникации. Показано, что возникновение взаимоисключающих подходов, выливающихся в непримиримое противостояние оппонентов, продиктовано: а) спецификой в организации пластов объективной реальности, открытых к взаимодействию с каждым из коммуникантов, и б) наличием фильтра двойственности, провоцирующего восприятие индивидом сложных недуральных по своей природе феноменов как таких, которые адекватно могут быть представлены в форме «Данный объект обладает свойством Р» и «Неверно, что данный объект обладает этим свойством». На основании анализа делается вывод о том, что при решении сложных концептуальных вопросов продуктивная коммуникативная стратегия заключается в том, чтобы не пытаться навязать другому свой опыт видения проблемы, а напротив, волевым усилием сориентировать себя на усмотрение рационального зерна в воззрениях оппонента, даже если (и особенно если!) ваши позиции диаметрально противоположны.

Ключевые слова: коммуникация, реальность, телесность, сознание, бессознательное, консенсус, восприятие, парадокс, двойственность, недуральность.

Е.Н.Шульга. Символический интеракционизм и проблема понимания

В статье рассматривается специфика коммуникации в связи с проблемой понимания. Показано, что участие понимания в организации коммуникации как деятельности по производству смысла, придание смысла предметам в процессе коммуникации является фундаментальным требованием социального анализа интеракционизма. Сделан вывод о том, что интерпретативный аспект символической интерактивности должен рассматриваться в проблемном поле философской герменевтики, и такое новое направление автор называет «социальной герменевтикой».

Ключевые слова: интеракция, коммуникация, понимание, смысл, социальная роль, норма, социальная герменевтика.

Е.О.Труфанова. Роль коммуникации в построении личностной идентичности

В статье рассматривается роль коммуникации в построении личностной идентичности с основным акцентом на роли современных массовых коммуникаций – СМИ, Интернета, мобильных технологий. Доказывается, что современная личностная идентичность за счет беспрецедентного расширения коммуникативного пространства становится сложной системой, подобной сети, объединяющей взаимодействия индивида с другими коммуникантами, с миром и с самим собой.

Ключевые слова: личностная идентичность, масс медиа, массовые коммуникации, аутокоммуникация, Интернет, мобильные технологии.

Н.С.Мудрагей. Коммуникация как мера человека

Актуальность коммуникации обусловлена политическим, социальным и психологическим климатом в мире. Концепция коммуникации как меры человека является одной из основных тем в философии К.Ясперса. В статье рассмотрены способы объемлющего, каждому из которых соответствует та или иная форма коммуникации. Целостность человека осуществляют разум как всеохватывающая связь и тотальная воля к коммуникации и экзистенция как аутентичная основа человеческого бытия. Подлинная экзистенциальная коммуникация осуществляется в коммуникации с другой экзистенцией через разум.

Ключевые слова: коммуникация, объемлющее, разум, экзистенция, трансценденция, истина.

А.Л.Никифоров. Язык как средство построения индивидуально-жизненного мира

В статье показано, что значение языковых выражений имеет сложную структуру, включающую обыденные и научные знания о мире, культурные коннотации и оценки предметов и явлений. Интерпретируя с помощью органов чувств и языка внешние воздействия, человек строит окружающий мир, в котором живет и действует.

Ключевые слова: язык, значение, смысл, референт, семантические поля, картина мира.

А.Ю.Антоновский. Коммуникация и понимание: возможности и разрывы

В статье обосновывается, что электронная телекоммуникация не увеличивает, а, напротив, сглаживает и нейтрализует радикальный разрыв семантической реальности и «естественной» реальности человеческого мира, некогда произведенный письменностью и печатью.

Ключевые слова: коммуникация, информация, сообщение, понимание, телекоммуникация, обобщенные медиа-коммуникации.

П.С.Куслий. Априорность и семантическое содержание

В статье представлен аргумент о том, что априорный или апостериорный характер тождества тех или иных языковых выражений не должен рассматриваться, как имеющий отношение к семантическому содержанию этих выражений. Автор рассматривает принцип Лейбница в качестве фундаментального критерия тождества значений языковых выражений и показывает, что семантические теории, рассматривающие априорность/апостериорность тождеств как фактор, имеющий

отношение к семантике отождествляемых выражений, нарушают этот принцип. Критическому рассмотрению подвергаются позиции Г.Фреге и Д.Чалмерса. Делаются общие выводы о том, как полученные результаты способствуют проведению более четкой границы между теорией значения и теорией коммуникации.

Ключевые слова: значение, априорность, референция, коммуникация, Фреге, Чалмерс.

А.А.Ивин. Оценки в процессах коммуникации

Статья посвящена рассмотрению особенностей употребления оценок в процессах коммуникации. Анализируются следующие основные проблемы: связь оценок и описаний, сведение норм к оценкам, невозможность логического перехода от описательных посылок к оценочным заключениям («принцип Юма»), новое обоснование идеи невыводимости «должен» из «есть», структура целевого обоснования оценок и его индуктивный характер. Отмечается, что выдвигавшееся позитивистами требование исключать любые оценки из языка социальных наук является утопичным. Не реалистична и более слабая рекомендация Г.Мюрдаля в социальных дискуссиях отчетливо отделять оценки от чисто описательных утверждений.

Ключевые слова: оценка, норма, описание, невозможность логического перехода от «есть» к «должен», структура целевого обоснования оценок, невозможность исключения оценок из языка социальных наук.

Ю.С.Моркина. Коммуникативный аспект смысла

Смысл как человеческое явление возникает и функционирует в коммуникации. Человек приписывает смысл всему, что его окружает, в том числе всему, что связано с другими людьми. Другие люди – источник осмысления мира вокруг. Ситуации коммуникации являются смыслопорождающими для каждого отдельного человека. Отсюда проблема intersубъективности видится как проблема начал осмысленности человеческого мира. Чтобы понять, как функционирует в коммуникации носитель смысла, мы проанализировали его как сложную идеальную систему.

Ключевые слова: смысл, коммуникация, intersубъективность, носитель смысла, сложность, сложные идеальные системы.

Г.Д.Левин. Диалог как форма коммуникации

Коммуникация в статье понимается как передача информации от одного лица к другому, а диалог – как коммуникация с обратной связью. Показано, что, вопреки распространенному мнению, в диалоге истина не рождается, а лишь передается от одного лица к другому. Дана генетическая классификация форм коммуникации, определено место в ней диалога.

Ключевые слова: исследование, коммуникация, монолог, диалог, истинность, достоверность, рациональность, теоретическое, эмпирическое.

Н.Т.Абрамова. Коммуникация. Непроизвольный тип коммуникации

В статье исследуются типы коммуникации: коммуникация как общение, коммуникация как интенция, произвольная (неосознаваемая) коммуникация; анализируются философские учения, в лоне которых формировались представления о данных типах; обосновываются средства экспликации произвольной коммуникации.

Ключевые слова: коммуникация, типы коммуникации, коммуникация – сообщение, коммуникация – интенция, произвольная (неосознаваемая) коммуникация.

И.П.Фарман. Мониторинг как метод исследования и представления знаний

В статье рассмотрен мониторинг в эпистемологическом контексте и охарактеризован как перспективный метод познавательной практики и опытной науки. Определена сфера его действия как инструмента для решения конкретных жизненных задач и управления ситуацией, особенно в условиях современной модернизации и развития информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: мониторинг ситуации, нормативы, стандарты, социальный мониторинг, глобальный мониторинг, информационно-коммуникационные технологии.

А.С.Майданов. Особенности коммуникации незрячих в их интеллектуальной деятельности

В статье анализируется специфика коммуникативных процессов в различных видах и ситуациях интеллектуальной деятельности незрячих. Внимание сосредоточено на особенностях общения незрячих и зрячих в этой деятельности, на передаче информации в процессе обучения, на опосредованном характере коммуникации с источниками информации, на особенностях общения незрячих с природной средой. Обстоятельно освещаются вопросы своеобразия приобщения незрячих к миру искусства, разработки в этой сфере специфических способов коммуникации с этим миром, роли этого вида эстетического просвещения для развития коммуникации незрячих с окружающей социальной средой, для более успешной их интеграции в нее, для их научной и преподавательской деятельности.

Ключевые слова: незрячие, зрячие, коммуникация, личность, интеллект, информация, восприятие, коды, трудности, активность, познавательная деятельность, язык, адаптация, компенсаторные средства, сотрудничество, этичность.

Summaries

I.Kassavin. Communication and Creativity

Modern epistemology focusing on the nature of creative cognition problematizes the famous alternatives of individualism and collectivism, representativism and constructivism. Creativity is thus situated in the space between the unique creative personality and mechanisms of social communication (social recognition), and balances between producing in a mysterious manner of what does not exist and of cognizing of what exists and how it exists. Communication in some hidden or minimal form can be found in every creative act, and genuine communication is inconceivable without producing new meanings. Besides all, an attention to communicative context allows complementing the descriptive-interdisciplinary study of creativity with its existential aspect as dramatic unity of the stable and the dynamic, discipline and freedom.

Keywords: Knowledge, creativity, communication, meaning, existence, social; epistemology, interaction, language.

D.Dubrovsky. Problem of Cognition of Other Subjective Reality

Key questions of a problem of “other minds” are discussed: 1) what are the definition criteria that some external object, including other person, possesses quality of a subjective reality? 2) how the knowledge (understanding) of substantially certain conditions of another’s subjective reality is reached and how is it possible? Insufficiency of the «argument from analogy» is found while attempting to answer these questions. The role of various hermeneutic approaches to understanding of another’s subjective reality is considered, perspectivity of scientific hermeneutics is shown, in particular, in such branch as neurocryptology which puts and solves problems of decoding of brain codes of the phenomena of a subjective reality.

Keywords: «other minds», subjective reality, personal and public, «argument from analogy», epistemology of a subjective reality, the communicative approach, scientific hermeneutics, decoding of brain codes of the mental phenomena.

N.Smirnova. Communication and Intersubjectivity

The subject matter of the paper is cognitive analysis of nature and essence of social communications by means of conceptualization of the various concepts of “intersubjectivity”. The socio-phenomenological approach to the problem is studied. In the framework of social phenomenology an attempt to answer the question, what presuppositions should be taken into consideration and what idealizations to be made in solving the problem is examined. It is argued that there are some rules to be followed in order to meet methodological standards in social sciences and humanities.

Keywords: intersubjectivity, meaning, direct (indirect) communications, social phenomenology.

L.Markova. Polisubjectivity as a Basis of Communication

Individual and *special* are general properties of all people, and they are the basis of a new logic of communication, which assumes the presence of many subjects, at least, two of them. Meantime the second pole of any discourse, *the general* one, remains in the context, it ceases to be dominating. Both poles are necessary, but their role in logic is different, first of all from the point of view of their significance. For nonclassical reason *other* reason as distinct from it, is necessary, differently it will cease to be reason of communication.

Keywords: Individual, special, general, context, knowledge, dialogue, intersubjectivity, communication, logic of thinking, pluralism.

D.Ivanov. Other Minds, Inversion of Spectrum and Private Language

The paper deals with the problem of other minds. It aims to refute the skepticism about the possibility of knowing the content of consciousness of other people. This sort of skepticism is supported by the inverted spectrum argument. Those philosophers who appeal to the argument try to demonstrate that our functional and behavior duplicates can have different conscious experience. If they are right then we should accept the possibility of this skepticism. But the paper demonstrates that analyzing the communicative aspects of colour perception we can reject the argument.

Keywords: philosophy of mind, other minds, inverted spectrum argument, private language argument.

E.Knyazeva. Construction in Communicative Systems

The evolutionary epistemological approach to the analysis of the phenomenon of communication is developed in the article. It is shown that such properties of communication interaction, as sense-making, construction, understanding, mutual appearance (co-emergence) of communicating creatures as well as flexibility have evolutionary origins. The connection of the phenomenon of the human communication with processes of communication in the world of animals is demonstrated; the meaning of the phenomenon of construction (enaction) and emergence in the processes of communication is also under consideration.

Keywords: communication, constructivism, co-evolution, life, self-organization, meaning, emergency, enactivity, empathy, evolutionary epistemology.

I.Beskova. The Communicating Universes

In a paper the phenomenon of complex conceptual forms of communication is examined. It is argued that the arising of contradictory approaches is conditioned by a) the specificity of individual level of objective reality organi-

zation, opened to interrelation with this concrete human being, and b) filter of dual perception which provokes seeing of a nondual complex phenomenon as adequately presentable in a form of “P and no-P”. The conclusion that the most affective communicative strategy in the course of complex theoretical problems discussing is to orient of yourself to a position that the opponent’s view may be true though it totally contradicts to your own position is offered in the article.

Keywords: communication, reality, corporeality, embodiment, consciousness, unconscious, consensus, experience, paradox, duality.

E.Shulga. Symbolical Interactionism and the Problem of Understanding

The subject of the paper is a specific character of the communication in light of issue of understanding. It is shown that the engagement of understanding into arranging the communication as sense making activity, endowing objects with the senses during the communication process is a fundamental requiring of the social analysis of interactionism. The conclusion is made that an interpretative aspect of symbolical interactivity should be considered as belonging to the problem field of philosophical hermeneutics and such a new trend the author terms “social hermeneutics”.

Keywords: interaction, communication, understanding, meaning, social role, norm, social hermeneutics.

E.Trufanova. Role of Communication in the Construction of Personal Identity

Author researches the role of communication in the construction of the personal identity, giving the main focus of the research to the role of modern mass communications – mass media, Internet, mobile technologies. Author proves that due to unprecedented growth of the communication space modern personal identity becomes an elaborate system, like the net, that unites all the interactions of the individual with other communicants, with the world and with oneself.

Keywords: personal identity, mass media, mass communication, auto-communication, Internet, mobile technologies.

N.Mudragey. Communication as a Human’s Measure

The urgency of communication is determined by the political, social and psychological climate in the modern world. The concept of communication as a measure of the man was in the core of K.Jaspers’s philosophy. This article discusses the forms of the *Encompassing*, each of which corresponds to a form of communication. Integrity of a man is realized by reason as an all-encompassing bond, all-out will to communicate and *Existenz* as an authentic basis of human existence. The genuine existential communication is realized in the communications with another *Existenz* through reason.

Keywords: Communication, encompassing, reason, existence, transcendence, truth.

A.Nikiforov. Language as a Mean of Construction of Individual Life World

In the present paper it is argued, that the meaning of linguistic expression is characterized by a complex structure, which embraces everyday and scientific knowledge, cultural connotations and assessments of things and phenomena. When interpreting through the sensorium and language the external impacts, a human being constructs the outer world, in which he lives and acts.

Keywords: Language, meaning, sense, reference, semantical field, picture of world.

A.Antonovsky. Communication and Understanding: Possibilities and Gaps

Author argues that the modern electronic telecommunication doesn't radicalize but rather neutralizes and lessens some radical rupture between a semantic reality and a "natural" one of the human world – the rupture which arises from some effects of the written language and the press.

Keywords: communication, information, message, understanding, telecommunication, general communication media.

P.Kusliy. Apriority and Semantic Content

The author argues that apriority/aposteriority of identities of linguistic expressions is not to be regarded as a factor related to the semantic content of those expressions. The author regards the Principle of Leibniz as a fundamental semantic criterion for the sameness of semantic content of linguistic expressions and argues that theories which treat apriority/aposteriority as semantically relevant (i.e. as relevant for the truth conditions of sentences) fail to comply with the this Principle. Consequently, they fail to cope satisfactorily with the problem of interchangeability of expressions with the same meaning. As examples of such unsatisfactory theories the author considers the conceptions of Gottlob Frege and David Chalmers and discuss those aspects of their theories which he views as shortcomings.

Keywords: apriority, semantic content, reference, Frege, Chalmers.

A.Ivin. Estimation in the Process of Communication

The article is devoted to examine of the peculiarity of using of the estimations in the processes of communication. The following main problems are considered: the connection of evaluations with descriptions, the reduction of norms to evaluations, impossibility of logical transition from descriptive premises to evaluative conclusion (the "principle of Hume"), new basing of the idea about impossibility of logical transition from "is" to "ought", the

structure of purposing substantiation of estimations and its inductive character. It is affirmed that positivistic demand to exclude of any estimations from the language of social sciences is not realistic. More week idea of G. Múrdal about strict separation of estimations from descriptions in social discussions also is nonrealistic.

Keywords: estimation, norm, description, impossibility of logical transition from “is” to “ought”, the structure of purposing substantiation of estimations, impossibility to exclude of the estimations from the language of social science.

J.Morkina. Communicative Aspect of Meaning

The meaning as the human phenomenon arises and functions in the communications. The person gives meaning for everything, that he sees surrounded, including by everything that is connected to other people. Other people are a source of giving of meaning to the world around. Situations of the communications are meaningful for each person. From here the problem intersubjectivity sees as a problem of the beginnings of intelligence of the human world. To understand, how the substratum of meaning functions in the communications, we have analyzed it as complex ideal system.

Keywords: meaning, sense, communications, intersubjectivity, substratum of meaning, complexity, complex ideal systems.

G.Levin. Dialogue as the Form of Communication

Communications in this article are understood as an information transfer from one person to another, while dialogue - as communications with a feedback. It is shown, that, contrary to a popular belief, the truth in dialogue is not born, and is only transferred from one person to another. Author gives genetic classification of forms of communications and defines the place of the dialogue in it.

Keywords: research, communications, monologue, dialogue, truth, reliability, rationality, theoretical, empirical.

N.Abramova. Communication. Unvoluntary type of communication

The paper considers the types of communication: communication as message, communication as intention, involuntary (unconscious) communication; examines the philosophical doctrines in the bosom of which the ideas of considering types were formed; finds the means of explication of unconscious communication.

Keywords: Communication, types of communication, communication as message, communication as intention, involuntary (unconscious) communication.

I.Farman. Monitoring as a Mean of Research and Representation of Knowledge

The article deals with monitoring in epistemological contexts. It is a promising method in cognitive practice and experimental science. It can be applied as an instrument for solving concrete tasks and for getting under control complex situations occurring in contemporary processes of modernization and development of information-communicative technologies.

Keywords: situation of monitoring, norms, standards, social monitoring, global monitoring, information-communicative technologies.

A.Maidanov. Specificity of Communication of the Blind in Their Intellectual Activity

In article specificity of communicative processes in various kinds and situations of intellectual activity of the blind is analyzed. The attention is concentrated to features of dialogue blind and able to see in this activity, on an information transfer in the course of training, on the mediated character of communications with information sources, on features of dialogue blind with an environment. Questions of an originality of familiarising blind to the world of art, working out in this sphere of specific ways of communications with this world, roles of this kind of aesthetic education for development of communications blind with surrounding social environment, for their more successful integration into it, for their scientific and teaching activity are in details taken up.

Keywords: blind, able to see, communication, personality, intelligence, information, perception, codes, difficulties, activity, cognitive activity, language, adaptation, compensatory means, cooperation, eticality.

Об авторах

Абрамова Нина Тимофеевна – доктор филос. наук, ведущий научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН

Антоновский Александр Юрьевич – кандидат филос. наук, старший научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН

Бескова Ирина Александровна – доктор филос. наук, ведущий научный сотрудник сектора эволюционной эпистемологии Института философии РАН

Дубровский Давид Израилевич – доктор филос. наук, ведущий научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН

Иванов Дмитрий Валерьевич – кандидат филос. наук, научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН

Ивин Александр Архипович – доктор филос. наук, профессор, главный научный сотрудник сектора эволюционной эпистемологии Института философии РАН

Касавин Илья Теодорович – член-корреспондент РАН, доктор филос. наук, профессор, заведующий сектором социальной эпистемологии Института философии РАН

Князева Елена Николаевна – доктор филос. наук, заведующий сектором эволюционной эпистемологии Института философии РАН

Куслий Петр Сергеевич – кандидат филос. наук, научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН

Левин Георгий Дмитриевич – доктор филос. наук, ведущий научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН

Майданов Анатолий Степанович – доктор филос. наук, ведущий научный сотрудник сектора эволюционной эпистемологии Института философии РАН

Маркова Людмила Артемьевна – доктор филос. наук, ведущий научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН

Мудрагей Нелли Степановна – кандидат филос. наук, старший научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН

Моркина Юлия Сергеевна – кандидат филос. наук, научный сотрудник сектора эволюционной эпистемологии Института философии РАН

Никифоров Александр Леонидович – доктор филос. наук, главный научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН

Смирнова Наталия Михайловна – доктор филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора эволюционной эпистемологии Института философии РАН

Труфанова Елена Олеговна – кандидат филос. наук, старший научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН

Фарман Инна Петровна – кандидат филол. наук, старший научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН

Шульга Елена Николаевна – доктор филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора эволюционной эпистемологии Института философии РАН

Научное издание

Философия науки
Выпуск 17. Эпистемологический анализ коммуникации

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректор *А.А. Гусева*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 05.04.12.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 19,0. Уч.-изд. л. 14,99. Тираж 500 экз. Заказ № 007.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор: *Е.Н. Платковская*

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14, стр. 5

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии:
<http://iph.ras.ru/arhive.htm>

ВЫШЛИ В СВЕТ

1. **Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 5 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Ф.Г. Майленова. – М.: ИФРАН, 2011. – 252 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0196-9.**

Пятый выпуск ежегодного сборника, подготовленный Сектором биоэтики и гуманитарной экспертизы Института философии РАН, представляет собой результаты исследований сотрудников данного подразделения совместно с учеными из других подразделений и институтов. Авторы представляют широкое тематическое разнообразие в изучении философских аспектов биоэтики и гуманитарной экспертизы. Дается интересный философско-антропологический анализ фундаментальных проблем комплексного изучения человека. Также в сборнике представлено обсуждение моральных проблем, возникающих в практике преподавания, психотерапии и психокоррекции, что является важным дополнением к исследованиям в области биотехнологий, которым традиционно уделяется пристальное внимание сотрудников сектора. Третий раздел сборника посвящен публикациям сотрудников группы виртуалистики.

2. **«Вехи» – 2009. К 100-летию сборника [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Ред.-сост. В.И. Толстых. – М. : ИФРАН, 2011. – 217 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0206-5.**

Авторы сборника, участники состоявшейся публичной дискуссии, сосредоточили свое внимание на главной идее и проблеме российской истории, связанной с её настоящим и будущим. Это – место и роль России во всемирно-историческом процессе, в ряду наиболее значимых стран и цивилизаций. Своей небольшой книгой, обращенной к интеллигенции, веховцы вызвали активный и неоднозначный отклик-ответ всех значимых общественных сил и групп того времени, и позднее – тоже. Вот и наша дискуссия, более скромная по своему замаху и составу, тоже обратилась к вопросам, не только острым и злободневным, но и исторически несколько не устаревшим.

3. **Голобородько, Д.Б. Концепции разума в современной французской философии. М.Фуко и Ж.Деррида [Текст] /Д.Б. Голобородько; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2011. – 177 с. ; 17 см. – Библиогр. в примеч.: с. 85–95. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0183-9.**

Книга посвящена философско-антропологическому анализу знаменитой полемики о разуме и неразумии. Рассматривается ряд критических подходов к проблеме рациональности во французской философии XX в. Дается обзор критики разума в работах А.Кожева, Ж.Батая, М.Бланшо. Анализируются концепции «археологии знания» (М.Фуко) и «деконструкции» (Ж.Деррида). В центре исследования такие понятия, как «Другой», «безумие», «исключение», «власть», «различие». В приложении помещены переводы ключевых для исследуемой полемики текстов: «*Cogito et histoire de la folie*» Ж. Деррида (публикуется в новом переводе) и «*Mon corps, se papier, se feu*» М. Фуко (на русском языке публикуется впервые).

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся современной философской и политической антропологией.

4. **Девяткин, Л.Ю. Трехзначные семантики для классической логики высказываний [Текст] / Л.Ю. Девяткин; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2011. – 108 с. ; 17 см. – Библиогр.: с. 107–108. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0203-4.**

Монография посвящена исследованию свойств трехзначных семантик для классической логики высказываний. Автором полностью описан трехзначных имплицативно-негативных характеристических матриц для классической логики высказываний. Построена классификация подобных матриц с одним выделенным значением на основе функциональных свойств их базовых операций. Также исследованы матрицы с классическим классом законов, но неклассическим отношением логического следования. Показано, что отдельные важные свойства классической логики высказываний имеют место только при семантике с двумя истинностными значениями.

5. **Знание как предмет эпистемологии [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: ИФ РАН, 2011. – 223 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0201-0.**

В книге рассматриваются фундаментальные вопросы эпистемологии: природы знания, соотношения знания и незнания, знания и истины, истины и правды, специфики научного знания и знания практического, дескриптивного и прескриптивного знания. Наряду с традиционными фундаментальными вопросами представлены статьи, касающиеся менее известной проблематики, в которых знание рассматривается в контексте исследований сознания, личностной идентичности, риторики, проблемы перевода.

6. **История философии. № 16 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред.: И.И. Блауберг, С.И. Бажов. – М. : ИФРАН, 2011. – 295 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 1 000 экз. – ISSN 2074-5869.**

Данный выпуск журнала содержит главным образом статьи и публикации, в которых освещается малоисследованная проблематика различных этапов историко-философского процесса в России. Наибольшее внимание авторы выпуска уделяют древнерусской философской мысли, а также отечественной философии XIX и XX вв., в том числе концепциям К.Д.Кавелина, В.С.Соловьева, П.И.Новгородцева, Н.О.Лосского. В номере публикуется перевод статьи С.Л.Франка «“Я” и “мы” (к анализу общения)». Здесь также помещено исследование, посвященное одному из эпизодов истории установления интеллектуальных контактов в арабоязычном христианстве XIII в.

Выпуск журнала адресован специалистам, аспирантам, студентам и всем интересующимся историей отечественной и восточной философии.

7. **Кара-Мурза, А.А. Свобода и Вера. Христианский либерализм в российской политической культуре [Текст] / А.А. Кара-Мурза, О.А. Жукова ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2011. – 184 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0210-2.**

В книге известных российских ученых, докторов философских наук А.А. Кара-Мурзы и О.А. Жуковой ставится важнейшая для отечественной социальной и культурнофилософской мысли проблема синтеза либеральных и хри-

стианских ценностей в российской культурно-политической традиции. Центральной задачей авторов является реконструкция христианско-либеральной (либерально-консервативной) традиции в интеллектуальном и политическом опыте выдающихся общественных деятелей России XIX – XX вв. – Ивана Аксакова, Михаила Стаховича, Василия Караулова, Петра Струве, для которых эволюционный путь развития России был связан с синтезом русской «самобытности» и европейской «универсальности» в логике обретения свободы лица как основания правового порядка.

Работа адресована специалистам в области истории отечественной политической культуры. Исследование может быть использовано студентами и аспирантами гуманитарных вузов в процессе изучения историко-культурного наследия России.

8. **Корзо, М.А. Нравственное богословие Симеона Полоцкого: освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII века [Текст] / М.А. Корзо ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2011. – 155 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 1450–154. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0186-0.**

Исследование посвящено анализу системы нравственного богословия церковного деятеля, богослова и педагога второй половины XVII в. Симеона Полоцкого, принадлежавшего к числу приглашенных московским правительством выходцев с православных земель Речи Посполитой, которые получили богословское образование в Киево-Могилянской академии или в иных учебных заведениях, испытавших сильное влияние системы образования иезуитов. Сочинения авторов этого круга, и в первую очередь Симеона Полоцкого, положили начало той линии развития русского (московского) православия XVII в., которая формировалась под значительным влиянием католического нравственного богословия.

В книге реконструируются основные источники системы, влияния иных (помимо православной) конфессиональных традиций; выявляются её композиционные и содержательные особенности; на примере заповедей второй скрижали Декалога анализируется предлагаемая богословом программа практического поведения христианина в миру.

9. **Космология, физика, культура [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. В.В. Казютинский. – М. : ИФРАН, 2011. – 243 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0204-1.**

Становление научной космологии анализируется в контексте культуры. Сделана попытка понять, как известные модели науки, рассматриваемой в качестве феномена культуры, позволяют описать разные эпохи истории космологии – от коперниканской до современной. Изучены основания метода современной космологии: математических гипотез, концептуальных структур, генерируемых в их рамках, эмпирического обоснования этих гипотез. Обсуждается проблема «непостижимой эффективности математики» в космологии. Рассмотрена проблема применимости к сверххранной Вселенной понятий пространства, времени и др. Продемонстрирована многомерность универсалий культуры «мир», «природа», «бесконечность», «эволюция» в их космологических аспектах. Большое внимание уделено мировоззренческим ориентациям космологии.

- 10. Кричевский, А.В.** Абсолютный дух сквозь лики триединства. Сравнительный анализ философско-теологических концепций Гегеля и позднего Шеллинга [Текст] / А.В. Кричевский; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2011. – 237 с.; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0184-6.

Книга представляет собой продолжение исследования, основные общеметафизические аспекты которого были проработаны в монографии автора «Образ абсолюта в философии Гегеля и позднего Шеллинга» (М.: ИФ РАН, 2009). В предлагаемой теперь вниманию читателя новой индивидуальной монографии автор видит свою задачу в том, чтобы провести сравнение концепций Гегеля и позднего Шеллинга прежде всего по следующим основаниям: (1) соотношение диалектики понятия и метафизики свободы в контексте учения о триединстве абсолютного духа; (2) отношение к традиции немецкой философской мистики (продолжение темы, фактически уже начатой в разделе первой книги, посвященном анализу установки спекулятивного символизма); (3) место мира и человека в структуре абсолюта.

Для философов, теологов и всех тех, кого интересуют фундаментальные проблемы метафизики и надконфессионального умообразного богословия.

- 11. Кузнецов, М.М.** Опыт коммуникации в информационную эпоху. Исследовательские стратегии Т.В. Адорно и М. Маклюэна [Текст] / М.М. Кузнецов; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2011. – 143 с.; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0196-9.

В монографии дается философский анализ новых структур коммуникативного опыта, сложившихся к концу XX – началу XXI вв. в результате бурного развития информационных технологий, исследуется взаимосвязь когнитивной деятельности и коммуникативных практик, а также роль коммуникации в формировании стереотипов поведения и мышления. В центре внимания автора – концепции Т.Адорно и М.Маклюэна, раскрывших в своем творчестве конститутивную роль средств коммуникации в структурировании различных типов ментальности и форм человеческой жизнедеятельности.

- 12. Лисеев, И.К.** Философия. Биология. Культура (работы разных лет) [Текст] / И.К. Лисеев; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2011. – 316 с.; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0189-1.

В книгу вошли труды И.К.Лисеева по философскому осмыслению современных наук о жизни, написанные им на протяжении почти полувековой исследовательской деятельности в этом направлении.

В этих работах отражается эволюция взглядов ученого, расширение поля его творческих исканий. Представлен ход мыслей автора и его соавторов на протяжении довольно длительного и значимого периода выдвижения биологической проблематики на одно из первых мест в понимании функционирования современной науки и культуры.

Работа может быть интересна как для специалистов по философии биологии, так и для всех, интересующихся философскими проблемами современной науки.

- 13. Лысенко, В.Г. Непосредственное и опосредованное восприятие: спор между буддийскими и брахманистскими философами (медленное чтение текстов) [Текст] / В.Г. Лысенко; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2011. – 233 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 226–232. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0185-3.**

Книга состоит из исследовательской части и антологии текстов. В первой главе дается введение в проблематику изучения восприятия в индийской мысли. Главное внимание уделяется полемике буддистских и брахманистских философов по проблеме непосредственности-опосредованности восприятия. Вторая глава знакомит с этой проблемой через анализ учений конкретных школ (сарвашивады/вайбхашики, саурантики, йогачары, вайшешики, ньяи и мимансы) и авторов (Васубандху, Дигнага, Дхармакирти, Ватсьяяна, Вачаспати Мишра, Прашастапада, Шридарха и Кумарила Бхатта).

Антология, содержащая фрагменты из сочинений буддийских и брахманистских мыслителей, снабжена примечаниями, поясняющими отдельные термины и трудные места.

- 14. Наука и социальные технологии [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. И.Т. Касавин. – М.: ИФ РАН, 2011. – 203 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0200-3.**

Сборник включает серию статей, каждая из которых встраивает понятие социальных технологий в свой собственный оригинальный контекст, задавая, таким образом, все новые определения социальных технологий (дискурсы-технологии, мягкие и жесткие социальные технологии, технологии конструирования субъекта и т. д.). Несмотря на разнообразие точек зрения на данную проблему, авторы единогласно увязывают ее с темой управления и власти. Коммуникативная и медийная, языковая, научная среды предстают в результате как основа властных и управленческих процессов, а значительная часть современных общественных отношений – как взаимодействие и столкновение бесчисленных социальных технологий.

- 15. Неретина, С.С. Концепты политической культуры [Текст] / С.С. Неретина, А.П. Огурцов; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2011. – 279 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0187-7.**

Существуют различные методологические и теоретические стратегии в определении сути политики. Авторы выбрали путь выявления и описания концептов политической культуры как тех инвариантных структур сознания, которые образуют систему отсчета многообразных установок и оценок личностью власти, собственности, других людей и социальных групп. По своему генезису концепты являются смыслопорождающими началами, которые обусловлены авторскими интенциями и усилиями мысли того или иного теоретика, но при всей смене политических концепций и идеологических доктрин они достаточно устойчивы. Политическая мысль имеет дело с концептами и с концепциями, а не с понятиями и теориями. Концепт составляет ядро политических концепций Платона, Аристотеля, Л.Штрауса, Х.Арендт и др.. В философии политики XX в. осознается ограниченность методов рефлексивного анализа, на котором жила классическая политическая мысль, и они замещаются процедурами герменевтики и «понимающими» и проектирующими моделями.

- 16. Ориентиры... Вып. 7 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Т.Б. Любимова. – М.: ИФ РАН, 2011. – 187 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0190-7.**

Идеология пронизывает социальную жизнь во всех ее проявлениях, присутствуя в ней как явным, так и неявным образом. От теорий, провозглашавших смерть идеологии, давно отказалась социальная наука, однако в нашей стране исследованиям идеологических процессов все еще не уделяется достаточно внимания. Восполняя этот пробел, авторы сборника исследуют роль идеологии в процессе модернизации, а также некоторые существенные моменты идеологических процессов в России. Постоянная тема серии данных сборников – «Восток и Запад», – представлена как преломление в восточных культурах западных информационных технологий и стереотипов.

- 17. Петр Абеляр. История моих бедствий [Текст] / Петр Абеляр; перевод с лат. С.С. Неретиной; [примеч. С.С. Неретиной] / Послесловие С.С. Неретиной. Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2011. – 125 с.; 20 см. (Философская классика: новый перевод). – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0205-8.**

Новый перевод одного из первых автобиографических произведений Средневековья «Истории моих бедствий», принадлежащего перу Петра Абеляра, «второго Аристотеля», как его называли в XII в. Тщательно продумываемая история, трансформируясь в сознании конкретного индивида, преобразуется в личный концепт, т. е. в тот опыт уникального, которому «Бог свидетель». Это одно из первых произведений Средних веков, которое можно назвать Книгой интеллектуала.

- 18. Политико-философский ежегодник. Вып. 4 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И.К. Пантин. – М. : ИФРАН, 2011. – 203 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0195-2.**

Четвертый выпуск «Политико-философского ежегодника» освещает актуальные вопросы политического знания по трем рубрикам. В главной из них («Государство и гражданское общество») под разными углами анализируются проблемные аспекты взаимодействия названных ключевых институтов современной политики. Рубрика «Мифы и призраки политической философии» отмечает веяния сегодняшней интеллектуальной моды в политологии. Закljučают выпуск статьи по традиционной для Ежегодника российской тематике.

- 19. Политические стратегии российского государства как философская проблема [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.Н. Шевченко. – М.: ИФ РАН, 2011. – 203 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0202-7.**

Авторы коллективной монографии полагают, что сохранение российской цивилизацией своего, самостоятельного пути развития в эпоху глобализации вполне возможно и более того необходимо. Но решение вопроса о том, действительно ли существовал и существует такой вектор развития российского государства и российской цивилизации требует обращения к онтологии русской, российской истории. История возложила на Россию функцию организации пространственного хаоса, которая далеко не завершена и требует своего продолжения.

Книга предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов, а также для широкого круга читателей, интересующихся современными проблемами политической жизни страны.

- 20. Спектр антропологических учений. Вып. 4 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. П.С. Гуревич. – М. : ИФ РАН, 2012. – 159 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0208-9.**

В монографическом сборнике продолжается разработка темы человека в немецкой философской классике, осмысливается проблема приоритета антропологии над технологией, анализируются новые понятия философской антропологии, раскрываются новейшие тенденции в философском постижении человека.

- 21. Субботин А.Л. Джон Стюарт Милль об индукции [Текст] /А.Л. Субботин ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2012. – 76 с. ; 17 см. – Библиогр.: с. 75. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0211-9.**

В книге рассматриваются взгляды на индукцию Джона Стюарта Милля (1806–1873), которыми завершается первый период формирования и развития индуктивной логики в английской философии. Этому периоду посвящены две предыдущие книги автора «Френсис Бэкон» (1974) и «Концепция методологии естествознания Джона Гершеля» (2007). Книга содержит изложение всех существенных пунктов миллевской концепции индуктивной логики. При этом в противоположность существующей тенденции отождествлять индуктивные логики Бэкона и Милля показывается их существенное различие.

- 22. Судаков А.К. Цельность бытия. Религиозно-философская мысль И.В.Киреевского [Текст] / А.К. Судаков; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2011. – 191 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 178–189. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0192-1.**

Монография посвящена анализу философского мирозерцания И.В.Киреевского как одного из первых опытов светской христианской философии в России XIX в. Система взглядов Киреевского представлена в работе как органическое единство вокруг религиозно-философской идеи цельности бытия личности и народа, непосредственно связанной с православным вероучением, но включающей в свой состав развитие умственной и нравственной образованности лица и народа. Впервые в русской историко-философской литературе дается обстоятельный анализ взглядов Киреевского на отношения Церкви, государства и общества.

- 23. Сухов А.Д. Материалистическое философствование в русском естествознании XIX–XX вв. [Текст] / А.Д. Сухов; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2011. – 133 с.; 17 см. – Библиогр. в примеч.: с. 124–132. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0188-4.**

В работе проанализированы воззрения крупнейших русских естествознавцев XIX–XX вв. – И.М.Сеченова, Д.И.Менделеева, И.И.Мечникова, К.А.Тимирязева, И.П.Павлова, К.Э.Циолковского, их контакты с философией, заимствования из нее, то новое, что было привнесено ими в русскую философскую мысль.